

A stylized, high-contrast illustration in black, white, and green. In the upper left, a man wearing a fedora-style hat is shown in profile, pointing a handgun towards the right. In the lower right, another man is shown from the chest up, wearing a horizontally striped shirt. He has a serious expression and is looking towards the left. The background is a solid green color. The text is in a bold, sans-serif font.

УИЛЬЯМ ДЖ.
ПОМРОЙ

В ЧАЩЕ
ЛЕСОВ



УИЛЪЯМ ДЖ. ПОМРОЙ В ЧАЩЕ ЛЕСОВ



ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1965

THE FOREST

by William J. Pomeroy

Перевод

В. Л. КОНА

Ответственный редактор

Г. И. ЛЕВИНСОН

Индекс $\frac{7-3-4}{1787-65}$

ПРЕДИСЛОВИЕ

В густых зарослях тропических джунглей, по узким ущельям горных речек Центрального Лусона пробирается отряд филиппинских «хуков», преследуемый голодом, холодом, окруженный со всех сторон превосходящими силами карателей. Среди ста бойцов отряда Армии национального освобождения — «Хукбалахап» — выделяется рослый, светловолосый, не похожий на филиппинца боец, которого «хуки» называют «американо».

Кто этот американец и как он оказался среди бойцов народной армии «Хукбалахап», которая в течение многих лет вела славную борьбу против японских оккупантов, американских колонизаторов и их филиппинских приспешников?

Этим «американо» был не кто иной, как автор книги «В чаще лесов» — Уильям Дж. Помрой, ветеран второй мировой войны, участник разгрома японских войск на Филиппинах. Впервые на Филиппины он прибыл как солдат американской армии и с 1944 г. участвовал в ряде военных операций против японских оккупационных войск на Филиппинских островах. Именно тогда он близко познакомился с «хуками», вписавшими не одну славную страницу в историю освобождения страны от японского колониального ига.

Видя храбрость «хуков», их беззаветную преданность своей родине, Помрой проникся к ним большим чувством любви и восхищения, а позднее надолго связал свою судьбу с освободительным движением филиппинского народа. В течение двух лет — с апреля 1950 по апрель 1952 г. — Помрой находился в рядах армии «Хукбалахап» и вместе с филиппинскими патристами делил радости и горести партизанской борьбы.

После второй мировой войны Помрой возвращается на Филиппины и становится учащимся Манильского университета. Здесь он женится на манильской учительнице Селии Мариано, отважной филиппинской патриотке, активной участнице антияпонской борьбы. Через два года после свадьбы, в апреле 1950 г., он вместе с Селией по решению руководства Коммунистической партии Филиппин направляется в народную армию «Хукбалахав», где возглавляет отдел народного просвещения, занимается политическим образованием кадровых работников компартии, редактирует партизанскую газету «Титис» («Искра») и ежемесячный литературно-политический журнал «Калагян» («Свобода»), издававшиеся стеклографическим способом на тагалогском языке.

Находясь в гуще бойцов армии «Хукбалахав», Помрой имел возможность близко познакомиться с душой филиппинского труженика, понять его национальный характер и по достоинству оценить мужество и стойкость в борьбе за национальную свободу. Сам Помрой приложил немало усилий для того, чтобы завоевать доверие своих товарищей по борьбе. В течение длительного времени крестьянские парни смотрели на него как на «американо», который в их глазах всегда ассоциировался с образом белого господина — угнетателя. Для простых филиппинских тружеников было необычным видеть рядом с собой американца в роли участника их освободительной борьбы.

«Я пытаюсь доказать, — рассказывает У. Помрой, — что нет ничего страшного в том, что среди них оказался американец, стремящийся помочь им в борьбе за национальное освобождение. Американцы давным-давно также вели войну за национальную независимость, и преданные идеалам свободы люди плыли к ним из Европы, чтобы помочь им в их борьбе. Американский народ не следует ставить на одну доску с американскими империалистами, число которых незначительно, подобно тому как невелико и число помещиков на Филиппинах. Американцы так же всегда готовы бороться против угнетения. Я прибыл сюда, увлекаемый подлинными американскими традициями борьбы за свободу, и я знаю, что народ моей страны станет свободнее тогда, когда и народы колониальных стран обретут свободу».

На маршах, на отдыхе, в боевых схватках с карателями — всюду Помрой находился среди «хуков» и вскоре

снискал их полное доверие и уважение. Вместе со многими из них он разделил тяжелую участь пленника филиппинских застенков. Десять лет Помрой и Селия просидели в отдельных камерах тюрьмы. Филиппинская реакция осудила их на пожизненное тюремное заключение. Только благодаря протестам мировой общественности в декабре 1961 г. они были амнистированы и выпущены на свободу, однако вновь оказались в разлуке. Помрой был выслан филиппинскими властями в США, а Селия осталась на родине. Госдепартамент США категорически отказался выдать Селии визу на въезд в Соединенные Штаты Америки. Супругам Помрой пришлось искать пристанище на чужбине. Сейчас они живут в Лондоне, однако, трудно сказать, закончились ли на этом их скитания по «свободному миру».

* * *

После окончания второй мировой войны филиппинские патриоты, котооые, не жалея своих сил и самой жизни, боролись за освобождение страны от японских захватчиков, лелеяли надежду на полное избавление от господства янки. Они строили планы создания на Филиппинских островах нового, демократического государства, которое займет достойное место в семье свободных народов мира. Подъем национально-освободительной борьбы в стране заставил американских империалистов маневрировать. Боясь утратить свои былые позиции в политической и экономической жизни страны, заокеанские угнетатели в 1946 г. провозгласили независимость Филиппин.

Вновь провозглашенную Филиппинскую республику империалисты США опутали сетью кабальных экономических, политических и военных соглашений, которые сводили на нет национальный суверенитет страны. Пентагон сохранил за собой право создавать на Филиппинских островах военные базы и фактически поставил под свой контроль филиппинскую армию. По словам одного из руководителей движения «хуков», бывшего генерального секретаря Коммунистической партии Филиппин Мариано Бальгоса, независимость Филиппин, провозглашенная США после их почти 50-летнего господства над филиппинским народом, не имела реального значения. Ее сжимали американские стальные тиски.

Во главе государства оказались ставленники американ-

ских монополий, политические авантюристы, которые в годы второй мировой войны сотрудничали с японскими оккупантами. Свое пребывание у власти они решили использовать для того, чтобы расправиться с активными борцами за свободу страны — бойцами и командирами армии «Хукбалахап». Град репрессий обрушился на профсоюзные и крестьянские организации, на Коммунистическую партию Филиппин, на участников Движения сопротивления в годы второй мировой войны. Подлоги и злоупотребления властью в период президентских выборов 1949 г. лишь подлили масла в огонь народной ненависти к продажному правительству Кирино, предавшему национальные интересы страны за американские доллары. В условиях острой политической борьбы по призыву компартии Филиппин бывшие бойцы антияпонской армии «Хукбалахап» были вынуждены вновь взяться за оружие, чтобы покончить с ненавистным господством империалистов США, довести до конца антиколониальную революцию, начатую восстанием против испанцев и подавленную американским империализмом в 1902 г., построить новое, независимое, демократическое государство на «архипелаге слез и сокровищ».

Организатором и руководителем национально-освободительной борьбы филиппинского народа стала Коммунистическая партия Филиппин. Созданная в 1930 г. КПФ своей героической борьбой за интересы трудящихся масс снискала большую любовь в сердцах простых тружеников города и деревни. Лучшие кадры партии были направлены в боевые отряды народной армии «Хукбалахап», чтобы руководить боевыми действиями и вести политическую работу среди бойцов и командиров. Автор с большим восхищением пишет о стойкости и мужестве прославленных партизанских командиров «Хукбалахап», одни из которых отдали свою жизнь на полях сражений, а другие уже многие годы томятся в застенках тюрем или за колючей проволокой концлагерей. Перед читателем проходит галерея портретов партизанских вожakov, светлые имена которых навсегда войдут в историю революционной борьбы филиппинского народа. Это — Мариано Бальгос, которого за беспримерную храбрость «хуки» прозвали «Бакал», т. е. «Железный», партизанский комиссар Касто Алехандро, братья Хесус и Хосе Лава, Альфредо Сауло, Гильермо Кападосия, Джесси Магусиг и многие другие.

Народное восстание росло как снежный ком. В 1949 г. отряды «Хукбалахап» вели активные действия не только на острове Лусон, но и на островах Себу, Негрос и Панай. Вооруженные стычки происходили в нескольких километрах от Манилы. В сентябре 1950 г. президент Кирино держал наготове катер, чтобы удраить из Манилы в случае внезапного ее захвата «хуками». Только на Лусоне под боевыми знаменами «Хукбалахап» было объединено 10 тысяч «хуков». И вот в это критическое для филиппинских правителей время реакции удалось нанести тяжелый удар по руководству национально-освободительного движения. В одну из октябрьских ночей 1950 г. манильская полиция совершила налет на подпольный секретариат компартии Филиппин, арестовала ряд видных деятелей партии и захватила важные стратегические планы широкого наступления «хуков», запланированного на 7 ноября 1950 г.

Не сразу руководство «Хукбалахап» оправилось от этого удара реакции. В феврале — марте 1951 г. в джунглях Центрального Лусона состоялось совещание руководящих деятелей компартии и «Хукбалахап», на котором было принято решение о дальнейшем развертывании вооруженной борьбы. Совещание призвало вести подготовку к созданию временных революционных органов власти в городах и провинциях, образованию крестьянских комитетов по распределению земли, реорганизации партизанских отрядов в регулярную армию.

Эти важные решения компартии Филиппин были приняты в то время, когда правящим кругам страны с помощью американских империалистов удалось оправиться от первых сильных ударов «Хукбалахап» и в основном овладеть политическим положением в стране. Не оправдал надежд коммунистов и объявленный ими бойкот всеобщих выборов в ноябре 1961 г., которые принесли победу силам, связанным с американскими империалистами.

Возвращаясь к прошлому, можно сказать сейчас, что филиппинские патриоты начали вооруженную борьбу в неблагоприятных для себя условиях. При оценке политического положения на Филиппинах они не учли того факта, что формирование национального правительства и создание национальной армии в значительной степени отразились на психологии народных масс. Если в период японской оккупации филиппинский труженик ясно видел своего врага и отчетливо понимал цель освободительной борьбы, то те-

перь ему приходилось вести вооруженную борьбу против своих же братьев, одетых в солдатские мундиры. Берясь за оружие, крестьянин стремился прежде всего направить его против своего извечного врага — помещика, который лишил его земли и отобрал урожай. Поэтому часто отряды «Хукбалахап», состоявшие из крестьян, предпочитали вести действия в своем родном районе и неохотно покидали его.

По своему классовому составу движение «хуков» являлось крестьянским, поскольку оно не встретило сколько-нибудь значительной поддержки со стороны рабочего класса и других трудящихся слоев города. В ходе вооруженной борьбы филиппинским коммунистам не удалось достичь прочного союза рабочего класса и крестьянства, что во многом предопределяло слабость движения в целом.

В военном отношении армия «Хукбалахап» оказалась неподготовленной для ведения широких боевых операций против регулярных частей филиппинской армии, оснащенных современным американским оружием и руководимых опытными американскими военными советниками. Командный состав «Хукбалахап» не имел достаточной военной подготовки и овладевал искусством войны в ходе боевых операций. У «хуков» не было артиллерии, минометов, все их вооружение состояло из винтовок и автоматов, захваченных в бою. О низкой боевой подготовке «хуков» можно судить по тому, что они не имели подрывных средств и не умели ими пользоваться. Многие рядовые «хуки» не умели правильно целиться и часто снимали с винтовки прицел, чтобы он не цеплялся за ветви деревьев во время лесных переходов. Часто «хуки» не могли различить, из какого оружия по ним ведется огонь, длительные переходы совершали без топографических карт и компасов.

Большую проблему для «хуков» представляло снабжение продовольствием и обмундированием. Помрой отмечает, что каждый «хук» представлял собой самостоятельную транспортную единицу, так как он все переносил на себе: и снаряжение, и оружие, и продовольствие, и лагерное оборудование, и пропагандистские материалы. Из-за отсутствия налаженной службы снабжения «хукам» часто приходилось голодать, ходить разутыми, мокнуть под проливными тропическими дождями. Несмотря на это, среди «хуков» поддерживалась строжайшая революционная дисциплина, которая сурово карала каждого, кто совершал преступле-

ние. Даже изнемогая от голода, «хук» не брал ничего силой у крестьянина.

Глохо вооруженные партизанские отряды «Хукбалахап» не смогли противостоять тысячной регулярной армии, поддержанной авиацией, танками и артиллерией. В феврале 1951 г. против «хуков» было брошено 54 тысячи солдат, их беспрерывно подвергали бомбардировкам с воздуха. Это была самая крупная операция против «Хукбалахап», известная под названием «Сабля». Чтобы сломить сопротивление бойцов Армии национального освобождения страны, филиппинские правители пустили в ход напалм, полицейских собак, объявили большие награды за головы руководителей «хуков».

Под ударами карателей в середине 1951 г. начали таять боевые отряды «Хукбалахап». Более 10 тысяч бойцов погибло в неравных схватках с силами армии и полиции. Оставшиеся «хуки» были вынуждены уйти в глубь лесов и гор, где им пришлось вести борьбу не только с карателями, но и со стихийными силами природы. Большое место в книге занимает описание исключительно трудного 64-дневного перехода одного из отрядов «хуков», в котором находился сам автор и Селия. Отряду в составе 90 человек только в апреле 1952 г. удалось достичь провинции Нуэва Эсиха, где он подвергся внезапному нападению. Будучи раненым, Помрой не смог уйти от карателей. Оказалась захваченной в плен и его жена Селия.

Описывая последние дни деятельности своего отряда, оторвавшегося от основных сил «Хукбалахап», Помрой не боится показать непомерные трудности и физические страдания «хуков», на которые они обрекли себя сознательно ради достижения благородной цели — завоевания полной свободы. Драматизм повествования достигает наивысшего накала в тех местах, где Помрой пишет о своем полном физическом изнеможении, достигшем такого предела, когда он был не в состоянии оказать какой-либо помощи Селии, дважды тонувшей на его глазах. И только боевые друзья спасли ее от неминуемой гибели.

Показывая широкую картину борьбы филиппинского народа за свободу своей страны, Помрой говорит о вере в светлое будущее Филиппин, ставших его второй родиной. С душевной болью он вспоминает погибших друзей и тех, кто еще томится за тюремными решетками. В 1957 г. филиппинская реакция приняла «закон о подрывной дея-

тельности», который ввел суровое наказание, вплоть до смертной казни, за принадлежность к Коммунистической партии Филиппин. На основе этого антинародного закона в 1964 г. к пожизненному тюремному заключению был приговорен один из видных руководителей КПФ и «Хукбалахап» — Касто Алехандрино. В мае 1964 г. в Маниле был арестован генеральный секретарь ЦК КП Филиппин Хесус Лава. Несмотря на то что он официально заявил о роспуске вооруженных групп «Хукбалахап» и об отказе КПФ от политики вооруженной борьбы, его предали суду по обвинению в подрывной деятельности.

Многие годы в заключении находятся видные деятели национально-освободительной борьбы филиппинского народа, признанные руководители рабочего и крестьянского движения страны. Это — Федерико Макланг и Рамон Эспириту, приговоренные к смертной казни, Онофре Манхила, Магно Буено, Анхель Бакинг, приговоренные к пожизненному заключению или ко многим годам тюрьмы.

Отказ правящих кругов Филиппин отменить реакционный закон 1957 г. о подрывной деятельности и амнистировать бывших бойцов «Хукбалахап» вызывает возмущение передовой общественности. Среди крестьян ряда провинций, включая Пампангу, Тарлак и Нуэва Эсиха, продолжаются волнения и активные выступления против помещиков и властей.

* * *

Восемнадцать лет прошло после того, как Филиппины были провозглашены независимой республикой. Однако сегодняшние Филиппины мало чем отличаются от Филиппин времен прямого господства американских колонизаторов. В экономике страны по-прежнему господствует американский капитал, в политическом отношении Филиппины находятся в зависимости от Соединенных Штатов Америки.

Голод, нищета и безработица — таков удел многих миллионов филиппинских тружеников. О беспросветной нужде, царящей в республике тысячи островов, поведал недавно американский журнал «Тайм», который на своих страницах писал следующее:

«Хотя 7100 островов республики богаты природными ресурсами, хотя плодородные земли дают богатый урожай

табака, сахара, пшеницы и риса, средний годовой доход на душу населения на Филиппинах равняется всего лишь 120 долларам. Шесть процентов населения — безработные, а третья часть всех филиппинцев работает только три месяца в году. Пригород Манилы Форбс-парк блестит зеркалами плавательных бассейнов, а в городках, состоящих из хижин, дети умирают от голода».

Таковы последствия более чем полувекового засилья американских монополий в экономике страны.

Вопреки национальным интересам правящие круги Филиппин следуют и фарватере агрессивной политики США в Юго-Восточной Азии. Под предлогом «коммунистической опасности» Филиппины стали членом агрессивного блока СЕАТО, подписали с США соглашение о военных базах, о военной помощи и договор о взаимной обороне, которые накрепко привязали страну к военной колеснице Пентагона. При помощи этих военных соглашений США превратили филиппинские острова в главный бастион подавления национально-освободительной борьбы народов Азии. Ныне послушное американским заправилам правительство Макапагала оказалось втянутым во вьетнамскую авантюру Уолл-стрита.

С каждым днем в стране усиливается движение за ликвидацию американских военных баз и отмену неравноправных соглашений, навязанных США молодой республике. Толчок этому массовому антиамериканскому движению дали события осени 1964 г., связанные с убийством филиппинского юноши на военно-воздушной базе Кларк. 25 января 1965 г. в Маниле состоялась мощная народная демонстрация, участники которой несли 32 черных картонных гроба (по числу филиппинцев, убитых американцами на военных базах). Вся процессия направилась к посольству США, неся плакаты с лозунгами: «Янки, убирайтесь вон!», «Долой американских убийц!». По свидетельству самих американцев, Филиппины представляют ныне просыпающийся вулкан, готовый в любую минуту, обрушить всю мощь народного гнева на угнетателей-янки.

Широкая филиппинская общественность выступает за самостоятельную внешнюю политику страны, за дружественные связи с народами всех стран. За последнее время отмечается усиление требований установления нормальных отношений с Советским Союзом и развития культурных связей между двумя странами. Побывавший в 1964 г. в

СССР филиппинский журналист Дж. Крус в газете «Манила Таймс» писал: «Филиппинам следовало бы занять более реальную и реалистическую позицию в отношении Советской России, чем существующая в настоящее время. И это не ради русских, а для нашей собственной пользы».

Движение за пересмотр отношений Филиппин с Советским Союзом находит поддержку среди широких кругов филиппинской общественности. Отражением этих настроений явились выступления бывшего министра иностранных дел Филиппин Сальвадора Лопеса и вице-президента Эмануэля Пелаеса, которые в 1964 г. высказались за проведение Филиппинами более гибкой политики по отношению к СССР и другим социалистическим странам.

Советский Союз, верный ленинской миролюбивой политике, неоднократно проявлял желание нормализовать советско-филиппинские отношения, установить экономические и культурные связи. Выход в свет на русском языке книги У. Помроя «В чаще лесов» является свидетельством растущего интереса советских людей к жизни и борьбе филиппинского народа. Перевод книги дан с незначительными сокращениями.

А. Малов

1

Апрель 1950 г.

Всякий, кто уходит в чашу лесов, расстается с привольным миром.

Так, как это сделали мы с Селией в тот летний воскресный день в апреле 1950 года, когда, покинув дом в квартале Санта-Ана в Маниле, заперев дверь на замок и бросив всю домашнюю обстановку, направились в лесной край.

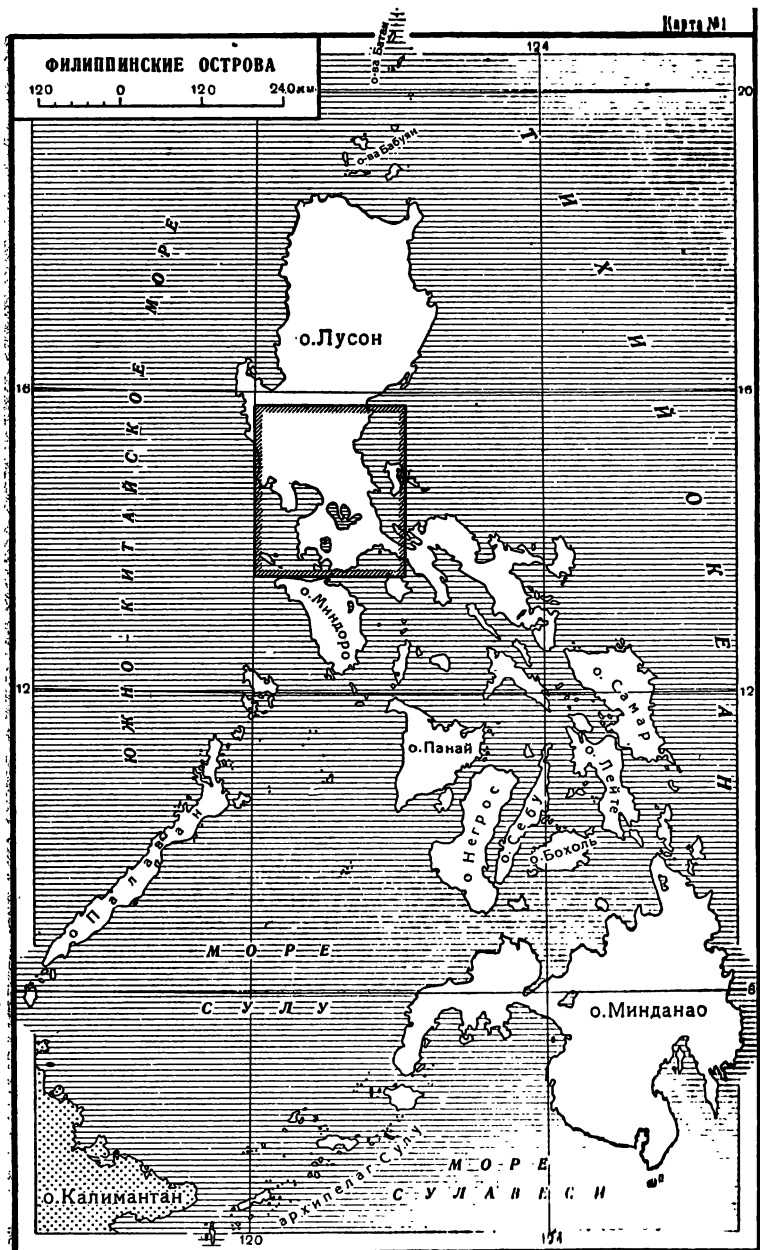
В качестве связной нас сопровождает молодая круглолицая девушка из провинции, с платком на голове. Она идет по Эрран-стрит немного впереди нас, на руке ее колышется корзинка из «пандана»*, которую здесь называют «байонг»**, а мы идем за ней следом, садимся вслед за ней в «джипни»***, не говоря ни слова и даже не глядя друга на друга. На конечной остановке на Аскаррага-авеню мы усаживаемся позади нее в автобусе; она сидит с невозмутимым спокойствием, не поворачивая даже головы, и вид у нее такой, каким он и должен быть у робкой провинциальной девушки, очутившейся в большом городе.

Громоздкий провинциальный автобус с грохотом несется по залитым солнцем улицам на юг от Манилы, а мы с Селией в последний раз глядим на город, на утопающие в густой листве дома, на угол улиц Тафта и Теннесси, где мы, бывало, встречались, когда я ухаживал за ней. Мы сидим, держась за руки. Прошли два года безупречной супружеской жизни, два счастливейших года, которые нам довелось (и доведется ли когда-либо еще) прожить.

* Филиппинское лесное растение с длинными и крепкими заостренными листьями. — Здесь и далее примечания автора, кроме случаев, оговоренных особо.

** Хозяйственная сумка-корзинка, сплетенная из растений с крепкими листьями.

*** Небольшой филиппинский автобус на базе шасси джипа.



Зона действий партизан
(См. карту №2)

Широкий мир... Соляные разработки прямо под открытым небом в Параньяке; церковь в Лас-Пиньяс, где дорога извивается меж тенистых деревьев; празднично разодетая молодежь во двориках у бамбуковых изгородей, девушки в белых платьях и парни с напomaженными волосами: автобусная станция в Каламба, где наш автобус атакуют юные продавщицы, предлагая свой товар: «сорбете»*, «каламай»**, сахарный тростник и жареную кукурузу. Слева от нас — свинцово-серый отблеск озера Лагуна-де-Бай, словно застывшего и подернутого дымкой в этот знойный день; одинокий крестьянин в широкополой шляпе, шагающий босиком по крохотному рисовому полю за своим «карабао»***; ровные, иссушенные солнцем, побуревшие поля, тянущиеся далеко, до самой кромки леса; базарная площадь в Санта-Крус, где мы пересаживаемся на другой автобус и долго сидим в ожидании остальных пассажиров, преследуемые запахами «мусковадо»,****, «багоонга»***** и сушеной рыбы, которые доносятся до нас с лотков. Поглядываем украдкой на снующих в толпе жандармов.

Их присутствие свидетельствует, что за шумной жизнью базарной площади скрывается другой, тайный мир, деятельность которого ощущается по всей стране. Ибо в ту пору, в 1950 году, страна была охвачена восстанием и повсюду находились люди, которые объединялись и действовали тайком. Продавщица, безразлично уставившаяся на свой товар, крестьянин, шагающий по рисовому полю, пассажиры автобусов и даже молодежь, беззаботно смеющаяся у изгороди, — все они могут быть частицей этого скрытого мира.

Всего лишь неделю назад вооруженные отряды так называемых хуков неожиданно нагрянули из лесов и полей в десятки населенных пунктов и напали на местные гарнизоны жандармерии и гражданской полиции. Поэтому ныне по всей дороге установлено множество контрольных пунктов, автобус делает частые остановки, в него входят вооруженные карабинами чины военной полиции и, насупившись, тщательно проверяют содержимое поклажи или обходят вокруг автобуса, заглядывая в окна, словно пытаясь про-

* Мороженое.

** Вязкие рисовые лепешки.

*** Водяной буйвол, основной тягловый скот на Филиппинах.

**** Неочищенный тростниковый сахар. — *Прим. перев.*

***** Приправа из соленых креветок или рыбы.

никнуть через какую-то невидимую завесу. Вот их взгляд скользит по американцу, по его жене-филиппинке и молодой девушке в платочке. В данный момент мы находимся на базарной площади, и они словно прощупывают нас своим взглядом, а затем опять отводят глаза.

Наконец, нутжно взревев, наш автобус трогается с места и несется, покачиваясь, по дороге, обрамленной пальмами. Мы едем теперь в зоне кокосовых пальм, вдали от рисовых полей. Земельный вопрос стоит здесь весьма остро, величина отдельных владений измеряется считанным количеством деревьев и несколькими мешками копры, которые с них собирают. Нищета в этих местах поражает своей беспросветностью: маленькие, захудалые местечки, голые ребятишки, покосившиеся хижины рядом с ямой, в которой высушивают над огнем копру. В этот воскресный день люди стоят вдоль дороги в выцветших, залатанных лохмотьях, глядя тусклыми глазами на автобус.

Мы поворачиваем влево и едем вдоль озера Бай. Справа от нас возвышенность вздымается обрывисто вверх, образуя крутой, заросший лесами, подъем. Это подножие Сьерра-Мадре, длинной горной цепи, прорезающей, словно спинной хребет, остров Лусон по всей его длине. Мы вглядываемся вверх, где проходит край широкого мира.

Теперь и мы сами смотрим настороженно на пассажиров, сидящих в автобусе. Кто они? Действительно ли все они крестьяне, как это кажется, возвращающиеся с базара, из церкви или от родственников, которых они навещали? По их невозмутимым лицам нельзя понять, что у них действительно на уме. Правительство имеет также своих тайных агентов, которые наблюдают и записывают. Следят ли они за тем, куда мы едем?

Приближается вечер. В хижинах, мимо которых мы проезжаем, мерцают отблески пламени, горящего в «каланах»*, готовится ужин, и в автобус проникает запах дыма. Лучи заходящего солнца ослепительно сверкают в озере, окрашивая сиденья и лица пассажиров в какой-то неестественный тускло-красноватый цвет. Поперек дороги уже стелются длинные тени. Несясь с грохотом и вздымая за собою пыль, мы словно мчимся куда-то во мрак.

Наша связная начинает ерзать на своем месте. Мы приближаемся к месту назначения. Из сумерек по обеим

* Дровяная печь.

сторонам дороги вырастают дома, и вот автобус резко останавливается, а облако пыли проносится вперед. Это город Лонгос в провинции Лагуна. Мы встаем и вслед за связной выходим из автобуса. Кажется ли только это или действительно все уставились на нас — водитель, пассажиры, люди, стоящие у захудалой придорожной лавчонки? Тропливо следуем за провожатой, которая направилась в сторону домов.

На некотором расстоянии от дороги девушка останавливается под кокосовыми пальмами, поджидая нас. Она безмятежно улыбается: этот город, один из организационных центров скрытого мира, ей родной, она чувствует себя здесь в безопасности. Мы также робко улыбаемся, не ощущая больше на себе ничьих любопытных взглядов. Быстрым шагом ведет она нас по тропинке, проложенной среди банановых деревьев, мимо утопающих в сумраке бамбуковых изгородей, и приводит к маленькому домику, расположенному близ берега озера. Мы останавливаемся у самого дома. Девушка тихо зовет кого-то. Из воды доносится кваканье лягушек, пахнет камышом. У двери, на лестнице с бамбуковыми ступеньками, появляется женщина и жестами приглашает нас войти в дом.

Мы сидим в однокомнатном домике и по совету провожатой меняем одежду, надевая брезентовую обувь на резиновой подошве. Через множество щелей в дом просачивается ночной воздух. Как и повсюду в крестьянских домах, здесь нет никакой мебели, и мы сидим прямо на полу. Женщина живет в доме одна, это скрывающаяся в подполье вдова партизана, убитого в бою с правительственными войсками. Она очень рада нам и хлопочет, готовя угощение, полусшепотом расспрашивая Селию о вкусах и привычках ее супруга-американца. На полу стоит лампа, горящая на кокосовом масле, которая бросает причудливые тени на стену и кровлю из «савали»*. Все говорят полусшепотом, словно тусклое освещение требует особой тишины.

— Знают ли они, что мы здесь? — спрашиваем мы провожатую.

— Да, знают, — говорит она.

Подается ужин. Он состоит из риса и маленькой банки сардин, разложенных прямо на разостланном на полу ба-

* Циновка из расщепленного бамбука.

нановом листе. По тому, как подаются сардины, можно судить, что их считают в этом доме чем-то из ряда вон выходящим, особым, чем потчуют лишь гостей. Мы едим прямо руками.

Кто-то влезает по лестнице. Мы оборачиваемся. В дом входит молодой человек в белой рубашке, подол которой завязан спереди узлом. За пояс заткнут пистолет без кобуры. Человек улыбается и приветливо кивает головой женщине и нашей связной, а они глядят на него с умилением.

— Пошли! — говорит он.

Захватив свою поклажу, мы безмолвно следуем за ним. На дворе совсем темно и тихо, и лишь тут и там через щели в хижинах струятся полосы света. Молодой человек идет быстрым шагом, а мы, спотыкаясь, следуем за тусклым в темноте пятном его белой рубашки. Я захватил с собой карманный фонарик, но не решаюсь включить его.

Наши ноги резко стучат по невидимой твердой поверхности; вот мы пересекаем дорогу и спускаемся куда-то по другую ее сторону, позади домов. Внезапно нас останавливают. Я чувствую какое-то движение вокруг и торопливо включаю фонарик. Кто-то хватается меня за руку.

— «Патай анг илау!» (Выключи свет!)

Я сразу же гашу его, но успеваю за это время мельком увидеть людей, их поклажу и блеск оружия.

Мы находимся среди «хуков».

2

Сразу же начинается подъем, и мы оказываемся среди деревьев. В темноте не видно ни эги. До меня доносится лишь отзвук движущихся впереди людей.

— Селия! — зову я тихо.

— Я здесь! — доносится ее голос из темноты впереди меня.

Спотыкаюсь о корни и ощупью пробираюсь между деревьями. Чьи-то руки протягиваются во мраке, чтобы помочь мне. У меня ощущение, будто я ослеп и меня ведет какая-то неведомая сила.

Некоторое время мы взбираемся вверх в полном безмолвии. Кто-то берет из моих рук сумку, и я иду, ощущая путь впереди себя руками. Откуда-то доносится журчание воды, протекающей по камням, а затем ноги оказываются

в холодной воде. «Тьфу, — думаю я, — мои новые ботинки!»

Где-то далеко внизу промчался по шоссе автомобиль, словно пролетевшее с жужжанием насекомое с мерцающими светом усиками. Вот он скрылся в ночной тишине. Последний отблеск внешнего мира!

Я страшно устал, от крутого подъема ноги озятели и одеревенели. По светящимся стрелкам часов вижу, что прошел уже час. Когда я замедляю шаг, идущий сзади (мы идем гуськом) слегка подталкивает меня в спину и говорит: «Быстрее!». И мы идем быстрее.

По колонне раздается команда, произносимая неожиданно громким голосом: «Стой!». Второпях я натыкаюсь на кого-то, идущего впереди меня. Это Селия.

— Мы останавливаемся на отдых, — говорит она.

В изнеможении садимся, прислонившись к кусту.

Вдоль всей колонны подымается вдруг невообразимый шум. Я слышу, как сваливают наземь поклажу, как люди карабкаются куда-то вверх, как перекликаются друг с другом на тагалогском и пампанганском языках и рубят своими «боло» * ветки с деревьев. После столь продолжительной тишины этот шум поражает и несколько тревожит. Что здесь происходит? Отдают ли они себе отчет в том, что делают? Слышно, как где-то недалеко от меня кидают ветки. Чиркает спичка, и в темноте вспыхивает огонь.

Мы находимся на склоне какой-то возвышенности, вдали от города. Тропа здесь несколько шире и образует своеобразную нишу. Выступающий над ней утес превратил ее в неглубокую пещеру. Разводят костер, над ним водружают два вилообразных шеста с перекладиной, к которой подвешивают горшок с рисом. Разгорается огонь, прорезающий ночную тьму, и в его отсветах маячат наши лица — лица изгнанников.

Впервые нам удастся хорошо разглядеть спутников. Их около двадцати. Они теснятся вокруг костра и столь же горят желанием разглядеть «американо». Все они — энергичные молодые люди, лица светятся улыбкой. Некоторые отрастили длинные волосы, что придает им несколько девичий вид. Все одеты как попало и весьма убого, у одних есть обувь, другие ходят босиком.

* Крупный тесак, которым пользуются на Филиппинах для сельскохозяйственных работ. — *Прим. перев.*

Вот они, «хуки», грозные филиппинские бойцы-партизаны, одно упоминание о которых бросает в дрожь всех их недругов, начиная от филиппинских помещиков и кончая Вашингтоном. Они пришли из равнин в центральных районах страны, где помещики пользуются собственными частными вооруженными силами, терроризирующими народ, и разошлись по всей стране, сделав своим революционным лозунгом требование земли и свободы. Они называют себя ХМБ — Хукбонг мапагпалайя нанг байян, т. е. Армия национального освобождения.

Если бы не оружие, то их можно было бы принять за простую группу крестьян, присевших отдохнуть у края дороги. Именно оружие боосается в глаза, превращая эту, казалось бы, случайно собравшуюся группу людей в нечто более грозное, чем отряд регулярных войск. Они — не простые крестьяне, они — представители вооруженного народа.

Небрежно, как попало, несут они это оружие — самозарядные винтовки Гаранд, карабины, автоматические винтовки Браунинг, пистолеты, пистолеты-пулеметы — оружие для внезапного нападения из засады и для молниеносных боевых операций. У одних — нагрудные патронные сумки, тогда как другие хранят боевые патроны просто в мешочках. Откуда же берется все это оружие? Шутя, не без юмора, они говорят, что оружием их снабжает Вашингтон. В разных местах мира можно найти партизан, которые с иронией говорят то же самое.

С большим интересом рассматривают они американца, прибывшего, чтобы присоединиться к ним, однако не хотят проявлять свое любопытство чересчур открыто. Они слишком самолюбивы для этого. После краткого знакомства они переходят к своим обычным занятиям: подбрасывают дрова в костер, приводят в порядок оружие или пришивают ремни к своей поклаже. Однако, работая, обмениваются шутками, косясь на меня: «Не говори со мной по-английски, я ведь не учился в школе».

В городе помимо встречи со мною и Селией у них были и другие поручения: они захватили припасы — рис, сахар, соль, сушеную рыбу, «монго»*, и теперь каждый из них кроме собственного оружия и пожитков должен нести также тяжелый холщовый мешок с грузом.

Наконец рис сварен. Его опрокидывают на продолгова-

* Мелкий горох.

тый банановый лист. Вокруг белых, дымящихся кучек риса раскладывают кусочки сушеной рыбы. При свете костра мы садимся на корточки вокруг и начинаем есть. Они довольны, что я, подражая им, беру еду прямо руками, а когда обжигаясь, пытаюсь захватить пальцами горячий рис, смеются, и их голоса гулко отдаются в ночной тишине. Я говорю:

— «Масьядонг маинит» (Очень горячо).

Они смотрят на меня с притворным удивлением.

— «Ай Пилипино сийя» (Так он же филиппинец!).

У нас хорошее настроение. Мы находимся вне пределов зоны, обычно посещаемой по ночам военно-полицейскими патрулями, а поэтому чувствуем себя в безопасности. Все же позади на тропинке выставлен на всякий случай часовой.

После еды сразу собираемся в дорогу. Следы костра уничтожаются, а остатки от трапезы сбрасываются с отлогого склона. Теперь, когда мы сблизилась друг с другом, идти стало легче, словно исчезла какая-то часть завесы, образуемой темнотой. Мы уже не так спешим, да и идти вместе с друзьями всегда веселее.

Наконец в полночь мы прибываем на плато, расположенное над Лонгосом. Здесь находятся плантации кокосовой пальмы и крупное «баррио» * Сан-Антонио, один из организационных центров движения. Однако мы обходим его стороной главным образом для того, чтобы не привлекать слишком много внимания к американцу, о котором неизбежно пойдет молва, несмотря на все предосторожности. Мы идем, петляя, через рожи кокосовых пальм. После длительного восхождения приятно шагать по ровному грунту, и все идут быстро, но в полном молчании.

Взошла луна. Мы движемся в ее серебристом свете; в нависшей кругом тишине блестящие широкие листья и стволы пальм кажутся тяжелыми, как металл. Я гляжу на длинную колонну шагающих впереди и сзади меня участников похода, которые движутся безмолвно, как призраки. То попадая в полосу лунного света, то оказываясь в тени, отливают серебром стволы их оружия.

По пути делаем привал. Мы сидим под пальмами, отливающими серебром, а один из «хуков» стремительно

* Филиппинская деревня, самая мелкая территориально-административная единица.

взбирается по согнутой другой ветви пальмы на ее верхушку и кидает вниз кокосовые орехи. Пользуясь «боло», снимаем наружный покров ореха, просверливаем небольшое отверстие в скорлупе и жадно пьем содержащуюся в нем жидкость с характерным резким привкусом.

Я теперь чувствую себя просто с этими людьми. Если оказавшись где-нибудь в незнакомом месте, поведешь себя так, словно ничто тебя не удивляет и ничто не кажется тебе странным или необычным, то вскоре почувствуешь себя своим человеком среди окружающих.

Незадолго до рассвета мы выходим из пальмовой рощи на заросший травой участок близ ручья.

— Сделаем здесь привал и позавтракаем, — говорит вожак нашего эскорта, молодой человек с негорюплыми движениями, ничем не выделяющийся среди всех.

В изнеможении валюсь на землю рядом с Селией и лежу на спине в траве, не обращая внимания на то, что она влажна от росы. Глаза мои смыкаются. Просыпаюсь, когда совсем уже рассветает.

Я поворачиваюсь и вижу перед собой лес. Он вздымается обрывисто, подобно утесу, там далеко, где кончается поле, где красновато-бурые, лишенные ветвей стволы деревьев тянутся круто на добрую сотню футов вверх, уступая затем место зеленому массиву листвы. Ничто не шелохнется на поверхности этого крутого обрыва. А поверх него высятся по склону ступенями зеленые кроны деревьев, все выше и выше, пока не скрываются где-то вдали в дымке, которой их окутал рассвет. Огромные оголенные стволы стоят, подавляя своей тяжестью, как олицетворение этой суровой и дикой природы. И глаз не в состоянии проникнуть туда, внутрь: видны лишь эти огромные ворота в царство полумрака и тишины.

Я поражен видом этого дремучего леса и отрываю от него взор лишь тогда, когда слышу, как наши люди заговорили о том месте, на котором мы расположились. Именно здесь всего несколько недель назад они напали из засады на патруль жандармерии, дерзнувший забраться так далеко. Они оживленно указывают на место, где произошла перестрелка, где они подстрелили несколько врагов и где были ранены два «хука». Я чувствую себя неуютно на этом открытом месте, да еще средь бела дня, и торопливо доедаю свою порцию риса и сушеной рыбы. Облегченно вздыхаю, когда мы наконец подымаемся и уходим.

Вся колонна собирается, и мы идем по открытой местности к нависшей стене леса, которая кажется все выше и все внушительнее по мере того, как к ней приближаешься. Когда мы входим в это царство полумрака, нас обдает запах сырости и гнили. Я оборачиваюсь, чтобы еще раз взглянуть на широкий мир, и вижу темный след, оставленный нами на росистой блестящей на солнце траве, след, который исчезнет к утру, подобно тому как исчезаем мы сами.

Далеко позади я вижу, как из пальмовой рощи выходят два человека — наш арьергард. Они идут не спеша, с оружием в руках, герои нашего времени. Я поворачиваюсь и иду по тусклому следу, ведущему в глубь леса.

Теперь уже не видно небосклона, — вокруг нас густой лес.

3

Лесные массивы в горах всегда служили укрытием для филиппинских борцов за свободу. Когда в низинах царил гнет, гористые леса давали прибежище тем, кто подвергался преследованиям: Диего Силангу, Дагохою, Аполинарио де ля Крису, Мальвару, Сакаю, Аседильо. В истории Филиппин отмечено свыше двухсот восстаний против испанцев и англичан, американцев и японцев, а также и против самих филиппинских властителей, причем в большинстве случаев восставшим приходилось укрываться в лесах.

Кто знает поэтому, сколько лагерей находилось здесь, где расположен теперь наш лагерь, и сколько рук незримо тянутся к нам из прошлого? Все старые следы уже давно заросли буйной растительностью. Поднялась новая поросль, чтобы дать укрытие новому поколению борцов.

Лагерь, в который мы пришли, построен на пяти рядом расположенных невысоких горных кряжах, покрытых густым лесом и разделенных ложбинами. Здесь помещаются дозорные бараки, прикрывающие подходы к лагерю. На внутренних кряжах устроены жилые помещения, причем в каждом бараке живут лица, принадлежащие к одной и той же группе, выполняющей определенные функции: военные, просветительные, организационные, финансовые, связи. На верхушке одного из кряжей расположилась

школа. Ложбина между двумя кряжами образует плоскую чашу. Тут находится помещение клуба, самое крупное, к тому же с дощатым полом, что ставит его в особое положение, как помещение, обслуживающее все население лагеря. Перед клубом стоит молодое деревцо, очищенное от коры и ветвей, и по праздничным дням на нем развеваются филиппинский флаг и красное знамя Армии национального освобождения.

Это одна из штаб-квартир, в которой помещаются районный комитет «хуков» (РЕКО) № 4 и отдел народного просвещения. Здесь живут около восьмидесяти человек. В горах, лесах, в болотных и луговых районах Лусона и других островов архипелага разбросаны сотни (в буквальном смысле этого слова) подобных лагерей, в каждом из которых обитает от десяти до ста пятидесяти «хуков». Эти лагеря служат базами и прибежищем приблизительно для десяти тысяч «хуков», вооруженных бойцов-партизан и политических работников той или иной категории. Все эти люди принадлежат к иному, скрытому миру, существующему вне «открытого» мира и руководящему деятельностью широких масс участников движения, которые живут в «баррис» и городах, больших и маленьких, под самым носом у правительственных войск.

Это — место, где обитают люди, ушедшие в подполье. Каждый барак скрыт от другого густыми деревьями. Обитатели лагеря не допускают излишнего шума. Тишина однако, обманчива. Жизнь в лагере, скрытом за завесой листвы, пульсирует, словно динамо-машина. Непрерывно приходят и уходят связные. По тропинкам, расходящимся по всему лесу и ведущим ко многим «баррио» спешат вооруженные люди. Весь день под шелест листьев и шорох ящериц, щелкает мимеограф.

Здесь, в этом тихом, уединенном месте, находится один из нервных центров революции. В то время, в начале 1950 года, вооруженное восстание на Филиппинах развивалось стремительными темпами и обитатели этого кажущегося столь уединенным уголка ясно ощущали четкое бие-ние революционного пульса. Там, в низинах, в городах и «баррио», входящих в данный район, около сотни подпольных групп и ячеек ожидают директив руководства и вдохновляющих призывов от обитателей этих барачков. Сюда прибывают добровольцы для обучения военному делу и здесь же формируются и снаряжаются новые отряды, ко-

которые направляются затем в разные районы страны. По лесным тропинкам, веером расходящимся под сенью деревьев, прибывают связные от других районных комитетов и от центральных органов в Маниле, доставляя донесения и приказы. Здесь, у самого истока событий, воочию ощущаешь их вздымающуюся волну, подобно тому как человек, стоящий на океанском берегу во время прилива, в состоянии почувствовать всю мощь океана по силе докапывающихся до него волн.

Этот извечный и словно застывший в своей неподвижности лес был свидетелем многих бурных событий. Некоторые из деревьев росли здесь еще тогда, когда Сальседо* проходил по равнинам, завоевывая страну для Испании. Некоторые видели людей, боровшихся против завоевателей, а затем тех, кто отвоевал свою страну у испанцев. Этот лес издавна служил источником обновления, откуда филиппинцы всегда черпали новые силы для защиты своих неизменных идеалов, своего национального достоинства, своего стремления к свободе.

4

Здание клуба светится словно гигантский светлячок в ночи по случаю торжественного вечера, посвященного нашему прибытию, на который приглашены все обитатели лагеря.

Мы спускаемся в ложбину из нашего барака, пробираясь по корням и камням при свете карманного фонарика. Люди стекаются со всех сторон, и, пока мы добираемся до клуба, нам успевают в темноте пожать руки множество раз. Из фонаря «летучая мышь», подвешенного к низкой кровле, сплетенной из листьев «анахау»**, струится свет. Снаружи зеленые листья и ветви деревьев кажутся восковыми при эгом причудливом освещении.

Барак полон, и взоры всех обращены на нас, новобывших. «Хуки» сидят на скамьях вдоль открытых сторон клуба или просто на корточках. Многие бурно приветст-

* Сальседо, Хуан де — испанский конкистадор, один из главных руководителей военных действий по захвату Филиппин в 1569—1571 гг.

** Филиппинское лесное растение с крупными веерообразными листьями.

вуют друг друга или добродушно подшучивают, особенно молодые бойцы, когда появляются девушки-связные. Я узнаю наших спутников, которые целые сутки тащили на себе по горной местности тяжелую поклажу; они бодры, волосы их напомажены. Они шутят с девушками. Почти все вооружены. Бойцы охранения сидят на корточках с винтовками, зажатыми между колен, держась за их стволы. Совсем как в субботний вечер где-нибудь в блокгаузе на границе США в былые времена.

Председательствующий Аламбре, секретарь районного комитета, дородный и по-отечески снисходительный, поднимается с места и выходит перед собравшимися. Программа вечера начинается. Подняв согнутую ладонь, Аламбре призывает к порядку, и все сразу же встают и запевают филиппинский национальный гимн.

Человеку непосвященному весь этот вечер с его ярким политическим огнем может показаться несколько странным. Он проводится в истинно филиппинской манере. Выступающих вызывают как попало из числа собравшихся, причем в промежутках председательствующий добродушно подшучивает над отдельными слушателями. Миловидная молодая связная исполняет туземную песню о любви — «кундиман», и бойцы охраны неистово аплодируют ей. Аппой, один из организационных работников, произносит краткую, но пылкую речь о необходимости пополнять ряды бойцов, сопровождая ее энергичными взмахами руки. Один из воинов, выступающий с винтовкой в руках, читает патристическую поэму о матери-родине Филиппинах. После этого исполняется еще одна песня — песня «хуков», в которой словно слышится стрекот пулеметов; кто-то произносит пламенную речь против империализма и чужеземного господства, не спуская руки с рукоятки своего пистолета. Один за другим, не смущаясь, «хуки» поднимаются по приглашению председателя и выступают. Все громко аплодируют.

Слетаются насекомые, натыкаясь на фонарь. При его белом свете лес и ночная тьма кажутся совершенно непроницаемыми.

Один из слушателей просит слова. Когда он встает, мы замечаем, что у него нет оружия. Он «допустил малодушие» и был за это обезоружен. В качестве наказания парень должен выступать на таких вот собраниях, осуждая свое поведение. Стыдливо рассказывает он о своем проступке:

незаконном израсходовании денежных средств, принадлежащих движению. Во время его рассказа царит полное молчание, а когда он садится наконец на место, никто не аплодирует.

Вновь выходит председательствующий, и я неожиданно слышу, как он вызывает меня. Наш товарищ американец! Встаю, пробираюсь между сидящими на полу людьми — и вот я перед собравшимися. Все с интересом взирают на меня глазами, причем лица тех, кто сидит близ фонаря, ярко освещены, а тех, кто разместился позади, остаются в полутени.

Я пытаюсь доказать, что нет ничего странного в том, что среди них оказался американец, стремящийся помочь им в борьбе за национальное освобождение. Американцы давным-давно также вели войну за национальную независимость, и преданные идеалам свободы люди плыли к ним из Европы, чтобы помочь им в их борьбе. Американский народ не следует ставить на одну доску, с американскими империалистами, число которых незначительно, подобно тому как невелико и число помещиков на Филиппинах. Американцы также всегда готовы бороться против угнетения. Я прибыл сюда, увлекаемый подлинными американскими традициями борьбы за свободу, и я знаю, что народ моей страны станет свободнее тогда, когда и народы колониальных стран обретут свободу.

Возвращаюсь на место под бурные аплодисменты. Селия сжимает мою руку.

Дальше опять следуют песни, художественное чтение и речи. Затем слово предоставляется главному оратору вечера. Это товарищ Бакал — Мариано Бальгос. Он медленно встает и идет неторопливо вперед, не спеша набивая свежим табаком трубку, которая неизменно при нем. Это один из выдающихся сынов филиппинского рабочего класса. В течение тридцати лет Бакал руководил профсоюзом печатников, участвовал в партизанской войне с японцами, был одним из основателей Конгресса рабочих организаций, а в настоящее время руководит организацией «хуков» в Южном Лусоне. Он чрезвычайно аккуратен и подтянут даже здесь, в чаще лесов. Его ботинки и ремень начищены до блеска, а волосы коротко подстрижены. Он говорит медленно, то и дело останавливаясь, чтобы взять в рот трубку или энергично взмахнуть ею. Лицо Бакала строго и кажется невыразительным, но, когда он обрушивается

на врагов народа, его губы резко сжимаются. Прозвище «Бакал» означает «железный».

Товарищ Бакал говорит о нынешней борьбе и о том, как она возникла, как были побеждены японцы, а сотрудничавшие с ними помещики — разоблачены. После многовекового иноземного владычества народу была обещана независимость. Однако и после 4 июля 1946 года (когда Филиппины были объявлены независимым государством) эта независимость не имела реального значения. С горечью говорит он о том, что произошло затем с национально-освободительным движением: после войны народ Центрального Лусона и его массовые организации создали совместно с мелкобуржуазными кругами и городскими рабочими новую национальную политическую партию — Демократический альянс — и избрали в 1946 году шесть депутатов в конгресс по списку этой партии, но председатель Либеральной партии Мануэль Рохас самовольно изгнал этих депутатов из конгресса за то, что они выступили против навязанного американскими империалистами Закона Белла * о торговле, который привел к восстановлению колониализма на Филиппинах. Лишая страну возможности создать современную промышленность и приобщиться к цивилизации, закон закрепляет прежние порядки, оставляя Филиппины на положении аграрной страны, производящей сырье для американской промышленности и приобретающей в обмен такие товары американского производства, которые легко можно было бы вырабатывать самим.

Но это были еще только цветочки, напоминает Бакал. Империалисты и их марионетки не могли смириться с тем, что массы в Центральном Лусоне создали свою организацию. Демократический альянс был попыткой подорвать господство партий, находящихся под контролем помещиков и империалистов, и предоставить народу право подлинного голоса. Такая демократия на Филиппинах не могла понравиться империалистам. Там, где существует организован-

* Закон Белла — закон о торговле с Филиппинами, принят Конгрессом США в 1946 г. в качестве условия предоставления Филиппинам независимости. Закон Белла предусматривает обеспечение американскому капиталу «равенства» с национальным филиппинским капиталом в эксплуатации природных ресурсов и коммунальных предприятий, ставит филиппинскую валютную и таможенную политику под контроль правительства США. Правительство Рохаса приняло условия Закона Белла и в июне 1946 г. подписало с США торговый договор, включивший все эти условия.

ное национально-освободительное движение, колониализм обречен на гибель. Вот почему они принялись подрывать народные организации, прибегая к террору и убийствам. Однако филиппинцы оказали сопротивление. Они перестроили бывшие партизанские отряды и стали бороться с жандармами и гражданскими охранными отрядами помещиков. Рохас заявил, что он разгромит «хуков» за шестьдесят дней, но что произошло на самом деле? С тех пор прошло уже около четырех лет, а вооруженные силы народа — ХМБ достаточно сильны, чтобы быть угрозой для самой государственной власти марионеток.

Перед ХМБ, говорит в заключение Бакал, стоит историческая задача завершить антиколониальную революцию на Филиппинах, начало которой было положено более пятидесяти лет назад восстанием против Испании, подавленным силой американского оружия в 1902 году.

Все, стоя, аплодируют Бакалу, который, не торопясь возвращается на свое место и садится, невозмутимо попыкая трубой.

На этом программа вечера кончается, и мы все, продолжая стоять, поем «Интернационал». Здание клуба сотрясается от множества голосов. Вздыхают вверх сжатые кулаки, они заполняют собою все пространство под низкой кровлей. Нагибаясь под нависшей бахромой из листьев «анакхау», мы пробираемся обратно к нашему бараку, а в ушах у нас продолжают звучать голоса поющих.

Фонарь гаснет, в лесу вновь воцаряются мрак и тишина, и лишь наши сердца продолжают гореть ярким, неугасимым огнем.

5

Помню, еще в годы моего детства у нас дома в Рочестере (штат Нью-Йорк) стоял в книжном шкафу небольшой томик под названием «Neely's Photographs of Our New Possessions» *. Изданный в 1899 году, он был заполнен снимками, иллюстрирующими пребывание американских войск на Филиппинах.

Книжка эта не давала мне покоя в детстве. На снимках

* «Фотоснимки наших новых владений, изданные Нили» (англ.). — *Прим. перев.*

были сняты убитые, названные «мятежниками». Трупы валялись прямо на полях, под насыпями, на дорогах или на пепелищах сожженных домов. Это были люди с темной кожей, облаченные в короткую, часто ветхую, белую одежду, босые. Они были заметно ниже ростом американских солдат, которые стояли над их трупами, опираясь на винтовки, и порой походили на распростертых на земле детей.

Кто же были эти «мятежники»? В то время я не понимал этого. Меня просто преследовал вид этих мертвецов, над которыми американцы могли стоять столь надменно и безразлично. В книжке не говорилось ни слова о том, что это были филиппинцы (у которых было свое национальное правительство), павшие в борьбе за национальную независимость.

Лишь много лет спустя я узнал, что существует империализм, который захватывает страны и превращает их в колонии, чтобы обеспечить промышленность своих стран дешевыми источниками сырья. Но даже и тогда я не понимал еще полного значения империализма для таких стран, как Пуэрто-Рико, Куба или Филиппины.

В 1944 году я сам прибыл на Филиппины как солдат. Было это в самый разгар войны против фашизма — войны, которой я глубоко сочувствовал. Мы прибыли, думал я, как освободители, чтобы изгнать захватчиков, терзавших страну. Но то, что я увидел, резко разошлось с моими представлениями.

Я оказался в стране, которая почти пятьдесят лет находилась под непосредственным владычеством США. За это время моя страна достигла огромного прогресса и наивысшего уровня жизни в своей истории. Но на Филиппинах почти ничего не изменилось с тех пор, как была издана книжка моего детства. Мы прибыли, чтобы изгнать японских захватчиков, однако еще задолго до их вторжения оставили глубокий след в этой стране.

Быть может, война изменит все это, думал я. Антифашистское движение несло с собой новые надежды на свободу. Вскоре я прибыл в Центральный Лусон, где самые отборные силы филиппинских партизан — «Хукбалахап» — освободили от врага обширные области и построили жизнь всего населения этого района на более демократических началах, чем это имело место когда-либо в прошлом. Именно здесь я стал свидетелем ареста рукводителей «Хукбалахап». Американская контрразведка заточила их в тюрь-

му. Я был свидетелем расправы с воинскими частями «хуков», в частности с отрядом 77. Все сто восемь бойцов его были разоружены и хладнокровно расстреляны помещичьими выродками, связанными с армией США. Здесь я увидел, как американские вооруженные силы действовали в интересах крупных помещиков, подавляя крестьянское движение, развернувшееся в результате борьбы против фашизма. Почему? Да потому что национально-освободительное движение на Филиппинах против Японии могло с таким же успехом выступить и против любого другого чужеземного господства.

К моему великому стыду, я не был одним из воинов армии, несущей свободу, а был солдатом армии, призванной восстановить господство империалистов. Я поклялся тогда в душе, что не успокоюсь, пока не сделаю все, что в моих силах, чтобы исправить это зло, пока не смою с рук своих моральное пятно, пока не отдам, как американец, все силы, тем, кто пострадал от американского империализма. Вот почему я здесь, на стороне сегодняшних «мятежников», и участвую в их новой борьбе за свободу.

6

Наш барак похож на небольшую лесную поросль на ко-согоре. Различить его можно лишь с близкого расстояния. Он сливается с кустарниками, корнями деревьев и густой листвой, стелющейся у подножия леса.

Говорят, что партизанские отряды, как рыбы, в людском море. Они похожи и на листву, едва колеблющуюся в за-стывшем воздухе и неистово раскачивающуюся в бурю.

Все материалы, из которых сделан барак, добыты тут же на месте. Угловые стойки и коньковые брусья изготовлены из молодых деревьев, срубленных и очищенных от веток и листьев при помощи «боло». Пол настлан брусьями, сделанными из расколотого вдоль ствола пальмы и скрепленными длинными стеблями ротанга. Стены и крыша — из широких веерообразных листьев «анахау», сложенных в несколько слоев для защиты от дождя. Чтобы придать некоторый уют нашему жилищу, мы навешиваем на окнах орхидеи и эпифиты, широко распространенные папоротникообразные растения, паразитирующие на вет-вях деревьев.

Словно прилепленное к кособору, наше жилище расположено двумя ярусами. Верхний ярус представляет собой простой продолговатый помост без каких-либо перегородок.

На этой маленькой площадке мы живем и работаем ввосьмером и здесь же спим рядышком друг с другом, пользуясь вместо подушек узлами. На нижнем ярусе находится наш очаг из плотно утрамбованной глины. Горшки для варки пищи можно ставить на составляемые из камней треугольники или подвешивать на перекладине на плетях из стеблей ротанга; чуть повыше сложены наколотые дрова, где они сушатся, получая тепло от очага.

На некотором расстоянии от низкого дверного проема проложена длинная зыбкая тропинка из узких бревен, ведущая вдоль кособора к нашему «туалету». Здесь нет кафельных плиток или хромированных дверных ручек, а лишь простой настил из прутьев с кровлей из тех же листьев «анахау».

Внизу, на дне ложбины, куда ведут ступеньки, выдолбленные в грунте кособора, расположен довольно ровный, отполированный ручьем каменный водоем, где можно сидя помыться, поливая себя водой из кружки.

В маленьком бараке царит безмятежный покой. Каким далеким кажется здесь весь остальной мир с его военной полицией, расставленной на контрольных пунктах, кордонами, установленными в городских кварталах, сыщиками, врывающимися в дома жителей, с его арестами и пытками, стычками между вооруженными отрядами в открытом поле и населенных пунктах! Какое-то странное чувство удовлетворения охватывает меня, когда я, сидя на полу, готовлю конспект уроков, которые мне предстоит давать. Лучи солнца пробиваются через лиственную кровлю и рассыпаются бликами на лесном грунте, скользя по моей руке и прыгая вместе с колышющимися на ветру листьями. Мерно, убаюкивающе стрекочут цикады.

Я наклоняюсь и пишу: «История всех существовавших до сих пор общественных формаций есть история классовой борьбы».

7

Легкий ветерок вздымает листья кровли, пропуская искрящиеся лучи солнца в помещение для учебных занятий..

Я стою у доски, сделанной из «пончо»*, туго натянутого на щит из древесной коры, и вычерчиваю куском мела диаграмму. Оборачиваясь, вижу два ряда сосредоточенно нахмуренных лиц, пытающихся вникнуть в мои слова.

Это курсы в лесу. Их помещение внешне не отличается от других барakov, служащих укрытием партизанам: те же угловые, забитые в землю бревенчатые стойки, тот же низкий скат кровли из листьев «анахау». Внутри оно состоит из двух частей, не разделенных перегородкой. В первой части, где ведутся учебные занятия, пол представляет собой просто хорошо утрамбованную землю, на которой несколькими рядами установлены сиденья из простых, даже не очищенных от коры бревен и сголики, сделанные из тонких веток, связанных стеблями ротанга. За этими «партами» находится другая часть помещения — простая, несколько приподнятая площадка, где живут учащиеся; у стены аккуратно разложены узлы с их пожитками.

Всего тридцать или сорок миль по прямой отделяют это место от Манильского университета, который я покинул всего неделю назад, с его отлично спланированными колледжами, портиками с колоннами, просторными, отвечающими современным требованиям аудиториями и обширным университетским городком. Это лучший университет на Филиппинах, однако, думаю я, сколько студентов и студенток, прохаживающихся по его просторным коридорам, — преимущественно сынков и дочерей из богатых семейств, — одержимы лишь узким житейским практицизмом, подражая во всем американским студентам, чьи заботы сводятся к личной карьере, выгодному браку, преуспеванию в политической и светской жизни и новейшим модам. Знания, по их мнению, способствуют карьере — личной карьере. Лишь немногие приходят к убеждению, что знания служат народу, являясь орудием прогресса его страны.

Люди, сидящие передо мною, знают об этом. Это первое, о чем им рассказывают. Их всего двенадцать: крестьяне из деревень Центрального Лусона, рабочий из трущоб Манилы, бывшая сельская учительница, двое молодых учащихся из города. Здесь нет места узкому житейскому практицизму. Облаченные в грубую одежду лесных партизан, они сидят за партой с пистолетами за поясом, что может

* Покрывало в виде четырехугольного куска ткани с вырезом посередине для головы. — *Прим. перев.*

показаться несколько странным на курсах, но ведь это — школа борьбы, и они учатся здесь борьбе: как лучше организовать ее, как убеждать массы в правильности программы, проводимой партизанами, как руководить массами. Они заботятся не о личной карьере, а о своей стране, об ее благополучии. Некоторые из них готовы отдать жизнь за нее.

Преподавать на таких курсах нелегко. Возраст и образовательная подготовка слушателей весьма различны. Некоторые из них окончили только несколько классов начальной сельской школы, другие проучились недолго в средней школе, и только один учился год в колледже. Мыслительные процессы моих учащихся находятся на самых различных ступенях развития, и они всегда слушают меня, сосредоточенно насупившись. Это неизбежно. Они прибыли сюда в ответ на призыв, обращенный ко всем районным комитетам, направить на курсы кандидатов, подающих наибольшие надежды.

Сложен учебный план курсов, как сложны и все фазы борьбы: история Филиппин, с особым вниманием к многочисленным революционным выступлениям, направленным на завоевание свободы; политическая экономия, с акцентом на взаимоотношения в колониях и на эксплуатацию крестьян помещиками; государственное устройство и как правящие круги используют государственный аппарат, чтобы сохранить свою власть; вопросы стратегии и тактики; пролетарская этика: правильное поведение людей, участвующих в революционной борьбе; национально-освободительное движение: как его организовать и развивать.

Все это представляет для преподавателя не меньше трудностей, чем для учащихся. Изложение всех вопросов приходится упрощать, низводя его до уровня понимания каждого. Как объяснить, например, теорию прибавочной стоимости неграмотному крестьянину? Я расхаживаю взад и вперед по утрамбованному земляному полу и рисую на «доске» одну пояснительную схему за другой. Если одна из них неясна кому-либо, приходится рисовать другую.

В страну вторглись иноземцы, они лишили ее собственной культуры, истории и даже самого языка, привив народу чуждый ему иностранный язык, обучив его чужеземной истории с чужеземными героями, водрузив чуждый ему иноземный флаг. В довершение всего прибывшие представители колониальной церкви затуманили ум народа чужеземными предрассудками. И вот теперь мы срываем

шоры с его глаз, чтобы он мог открытым взором взглянуть на свою страну.

Под лиственной кровлей веет ветер, приносящий теплое дыхание леса. Свежий, очистительный ветер!

Я

В лагерь пришли два человека из близлежащей продовольственной базы. Они несут на жерди убитого кабана. Свисает свирепо оскаленная голова, а изогнутые, окровавленные клыки дергаются в такт подпрыгивающей походке носильщиков. Оба худощавы, жилисты, одеты в короткие, до колен, брюки и полинялые рубашки; кожа у них шероховатая, словно поверхность темного дерева «нарра»*, растущего вокруг. Носильщики подходят к нашему бараку, нагибаются под его кровлей, чтобы заглянуть внутрь. Они улыбаются, их губы окрашены в красный цвет от жевания бетеля**. Они слышали, что в лагере появился «американо», и хотят взглянуть на него.

Эти люди участвуют в службе снабжения «хуков», раскинувшейся вдоль всего хребта Сьерра-Мадре, от Северного до Южного Лусона. Таких, как они, сотни. Некоторые из них жили десятилетиями в горно-лесистых районах — безземельные крестьяне, уходившие из густонаселенных низин, чтобы кое-как перебиться, выжигая в лесу участок («каингин») и используя его для выращивания риса; другие были направлены крестьянскими организациями в помощь «хукам».

Продовольственные базы «хуков» и представляют собой такие прославленные «каингины», причем некоторые из них занимают обширную территорию, с огромным трудом отвоеванную у леса. На таких «каингинах» живут по две или три семьи, выращивая горный рис, «камоте» (сладкий картофель), «камотинг кахой» (маниок), «калабасу» (тыкву) и другие овощи, которые направляются в лагерь «хуков». Некоторая часть урожая остается в распоряжении работников для их собственных нужд или для продажи в обмен на другие товары первой необходимости.

* Одна из разновидностей филиппинского красного дерева с твердой древесиной.

** Привычка жевать орех бетель, завернутый в листья, распространена во многих странах Азии. — *Прим. ред.*

Кроме того, эти бывалые обитатели лесов охотятся на оленей и кабанов или ловят их капканами, как эти двое и продают лагерям «хуков», где мясо надлежащим образом взвешивается и за него выплачивается установленная цена.

Организация «хуков» не всегда опиралась в своей деятельности на хозяйственный расчет. Во время японской оккупации и в первые годы послевоенных репрессий продукты питания получали просто по заявкам, направленным в соответствующие «баррио». В этих случаях устанавливалась связь с ячейкой массовой организации или подпольным советом «баррио», которые собирали требуемое количество продовольствия у населения. Нередко целый страд «хуков» в составе ста бойцов или более проходил через то или другое «баррио» и снабжался таким способом продовольствием. Однако в 1948 году, когда стало ясно, что предстоит длительная борьба, было решено отказаться от подобной практики как слишком анархичной и обременительной для населения.

Была создана разносторонняя система. Под снабжение подвели финансовую базу. Движение стало пользоваться своими денежными средствами (которые поступали из различных источников, начиная от долевых взносов массовых организаций и кончая экспроприациями, именуемыми «экономической борьбой») для закупки требуемых ему товаров. Повсюду в городах и деревнях были созданы тайные пункты, куда посылаются списки товаров, подлежащих закупке, и требующиеся для этого денежные средства. Закупки товаров производятся на базарах или даже в самой Маниле, а накопленные таким образом запасы забираются среди ночи вооруженными снабженческими отрядами вроде того, который встретил нас с Селией в Лангосе. Такие пункты действуют даже в наиболее тщательно патрулируемых врагом районах.

Продовольственные базы были созданы с двойной целью: создать заслон для этих пунктов и дополнительный источник снабжения, сберегающий денежные средства, необходимые для закупки не только продовольствия, но также оружия и боеприпасов. Базы играют особо важную роль в новых районах, где развивается движение и где требуется немало времени, чтобы обеспечить подпольную деятельность пунктов снабжения.

Ежегодная уборка риса в Центральном Лусоне — горячее время для финансового отдела. Во всех «баррио»

местные ячейки массовой организации сдают свою долю урожая — зачастую искусно изъятую из доли помещика, — причем часть риса продается, а часть сохраняется для собственного потребления. Властям и невдомек, что некоторые помещики сами хранят на своих складах рис для «хуков» (ибо есть и сознательные помещики).

Вся эта система снабжения не в состоянии, разумеется, обеспечить «хуков» в изобилии. Выдаваемое нам продовольствие очень строго нормируется, и мы питаемся в основном, как это принято на Филиппинах, рисом с прибавляемым к нему «приварком». Наш паек сухого риса равен половине содержимого самой маленькой банки, в которую фасуется томатная паста фирмы «Хант»; мы называем его «пайком Ханта» и шутим по поводу того, что мерилom для нашей пищи служит продукт, импортируемый из США. В добавление к этому в качестве приварка мы получаем одну или две маленькие жареные рыбы, именуемые «туйо»*, или же суп из «монго» (в сыром виде — одна треть банки «Хант» на человека). Все это мы пополняем кокосовыми орехами, которые срываем в расположенных под нами рощах, рыбой, которую ловим в ручьях, или мясом, которое время от времени приносят люди с продовольственной базы.

В бараке службы снабжения товарищ Кардиналь (Карди), начальник снабжения лагеря, режет мясо кабана, чтобы распределить его между сбитателями лагеря. Каждое хозяйство присылает своего представителя с корзинкой-сумкой «байонг». Мясо тщательно делится на отдельные куски, величина которых зависит от количества едоков в данном хозяйстве. Все должны получить одинаковые пайки.

Один кабан на восемьдесят человек!

9

В бараке, находящемся на расположенном несколько поодаль от нас горном крыже, лежат двое раненых. Это те двое, что были ранены во время стычки с жандармским патрулем у кромки леса несколько недель назад.

Мы с Селией нагибаемся и входим в крошечный «лаза-

* Сушеная соленая рыба.

рет». Чувствуется специфический запах. Это всего лишь легкая пристройка с односкатной крышей, защищающая раненых от дождя и солнечных лучей. Они лежат на простом помосте из прутьев. Запавшие глаза горят в лихорадке и в то же время светятся радостью при виде посетителей. Одного зовут Хесус, а другого — Файтинг.

Оба были ранены в ногу, один — в бедро, а другой — в голень. С тех пор как они лежат здесь, каждый день им промывают раны, и только. Но это вовсе не результат пренебрежения, наоборот, их товарищи ухаживают за ними изо всех своих сил. Но у «хуков» нет врачей и почти никаких медикаментов. Предполагалось доставить их в одну из больниц в низинах или просто на дом к одному из врачей, однако осуществить это не так легко. Все больницы и врачи-хирурги находятся под надзором государственных разведывательных органов. Кроме того, для перевозки потребовался бы частный автомобиль, а много ли найдется сторонников «хуков» среди владельцев собственных машин.

И вот Хесус и Файтинг лежат здесь. На ногах вокруг черных отверстий, пробитых пулями, вздулись большие, уродливые, багрово-красные круги. Они пытаются даже улыбнуться. Они — «хуки», ветераны времен боев с японцами, однако оба еще очень молоды.

— Мы знаем, что останемся без ног, — говорят они. — Мы сами отрезали бы их, если бы знали, как это сделать. Половина «хука» лучше, чем ничего.

И вновь легкая улыбка скользит по их лицам.

Мы с Селией стоим еще немного, затем прощаемся, недоумевая, что же, собственно говоря, сказать на прощание. Да и можно ли подыскать слова, достойные подобного мужества.

10

Май 1950 г.

Спустившись к ручью, я купаюсь; на воде солнечные блики перемежаются с тенью листвы. Вдруг издали доносится знакомый мне раскатистый грохот. Одним прыжком выскакиваю из воды, наспех одеваюсь и, мокрый, мчусь, перепрыгивая через выемки, выдолбленные для спуска в ложбину. Заслышав мои торопливые шаги, из барака вы-

ходит Касто Алехандрино — Джи Уай, прибывший из соседнего лагеря, чтобы дожидаться здесь одного из связанных.

— Слушай! — кричу я. — Слышишь?

Джи Уай прислушивается с каменным спокойствием к звукам, которые доносит ветер.

— «Кулог», — говорит он. — Гром. Начинается пора дождей.

Как искажаются звуки в лесу, где даже гром звучит словно стрекот ручных пулеметов!

11

Ночь в лесу, где солнце, мерцая, садится за темными ветвями деревьев на косогоре, наступает рано. В сумерках раздаются хриплые, режущие слух крики птицы «калоу»*, после чего наступает полная тишина. Ночь и лес сливаются воедино в сплошной мрак.

Подперев голову руками и опираясь ими на согнутые колени, мы сидим на помосте в ожидании ужина. В пламени очага вырисовывается силуэт неподвижно сидящего на корточках человека, который варит рис, — он похож на высеченного из камня огнепоклонника. По стенам и кровле скользят тени от пламени, споря в своей причудливой пляске с мраком ночи.

Светильником для нашей скромной трапезы, за которой мы уселись в круг на полу, служит обрывок тряпки, горящий в кокосовом масле, жалитом в расколотую пополам скорлупу ореха. После ужина при мерцающем свете догорающих в очаге угольков мы образуем круг, в котором наши головы сходятся в центре, где включен маленький батарейный радиоприемник.

Радио — единственная топкая нить, связывающая нас с внешним миром. Через многие мили лесов, гор и низин доносятся к нам слабые звуки города, который мы покинули. Мы пользуемся приемником экономно, так как батареи быстро садятся, а достать их можно не всегда. Мы слушаем ежедневно последние известия и раз в неделю филиппинскую комедийную программу из цикла «Пуго и Того», над

* Крупная лесная птица с роговым клювом.

которой от души смеемся. Лежа здесь, мы вспоминаем неоновые огни на Авенида Рисаль, толпу на Пласа Миранда, возгласы продавцов «балута» * и шуршание шин автобусов, мягко скользящих по омытым дождем мостовым и развозящих народ по домам — в Пандажан, Макати, Санта-Ана.

Позднее, когда в притихшем бараке мы укладываемся спать в один длинный ряд, закутываясь в одеяла, всходит луна. Ее свет проникает через оконный проем и многочисленные отверстия и щели в лиственной кровле, скользя по лицам спящих и по уложенным в ряд узлам. Опираясь на локоть, гляжу туда, где лес уже вышел наполовину из мрака и светится в тусклом сиянии луны.

Я встаю и на цыпочках, чтобы не разбудить других, выхожу. Лес застыл в безмолвной тишине, но кажется живым при бледном свете луны. На склоне с одной стороны барака зияет небольшая просека, где деревья были вырублены на дрова. Теперь все залито светом луны. Выхожу на просеку, и словно окружило меня множество призраков, скрывающихся за каждым стволом, большим или маленьким. Чудится мне, что очутился я в Шервудском лесу ** и вот-вот выскочат откуда-нибудь с криком люди в ярко-зеленой одежде, с луками за спиной и колчанами, туго набитыми стрелами.

Вот лес, куда являются борцы подполья всех времен, живые и свободные. Вот лес, где мелькают и сталкиваются со мною их тени. Стоя здесь при волшебном свете луны, я словно слышу их ликующие, торжествующие голоса, немолчно вздымающиеся ввысь.

12

Я гляжу на Селию, которая сидит на полу и, подобрав под себя ноги, составляет план уроков. На ней свободная кофточка и широкие, спортивного покроя брюки. Солнечный луч, пробившийся через крошечное отверстие в лиственной кровле, играет на её черных волосах, спадающих на плечи и окаймляющих круглые щеки.

* Вареное утиное яйцо, содержащее зародыш и считающееся местным деликатесом.

** Лес в графстве Ноттингемшир в Англии, овеянный народными легендами о Робин Гуде. — *Прим. перев.*

Какой большой любовью наполнено сердце моей маленькой жены и как верна она своим идеалам! Она так нежна и женственна, что с первого взгляда не поверишь, сколько у нее силы и решительности. Еще до того как я познакомился с ней, мне рассказывали о «Лидии», о ее четырехлетнем участии в борьбе партизан-«хуков» во время японской оккупации. Естественно, что я ожидал встретить женщину, закаленную во всех отношениях. Но вот однажды явилось это нежное создание и своей маленькой ручкой пожало мне в приветствии руку.

Наш брак во многом непохож на обычные супружеские союзы. Филиппинка и американец, пара людей, союз которых увенчан полной гармонией, — мы вправе бросить Киплингу в лицо его собственные слова. Больше того, мы вместе боремся во имя любви к человеку, что обогащает наш союз, а наше личное большое счастье дополняет эту борьбу.

Вспоминаю день, когда я сделал ей предложение. Мы сидели на клочке травы перед разрушенным во время войны домом на бульваре Дьюи и глядели вдаль на Манильский залив, багрово-красный в час заката.

— Понимаешь ли ты, на что идешь, беря меня в жены? — говорила она. — Время теперь беспокойное, или, вернее, в нашей стране люди, вроде нас с тобой, не могут жить спокойно. За мною уже охотятся. Ты знаешь об этом. Быть может, нам и удастся прожить некоторое время вместе в полном покое, наслаждаясь, как другие, своим счастьем. Но раньше или позже, придется решать ряд проблем: я не могу ехать в вашу страну, потому что меня знают как одну из «хуков»; тебе же не разрешат оставаться в нашей стране, если станет известно, что ты симпатизируешь нам. Чтобы быть вместе, нам придется отправиться в горы. Понимаешь ли ты это? Готов ли к этому?

— Понимаю, — сказал я. — Я люблю тебя. Я готов к этому.

Наш брак был освящен дважды: сперва мировым судьей, а затем движением, к которому мы примкнули. Произошло это в маленьком домике в Маниле, где была совершена небольшая церемония, в которой участвовали руководители движения, причем верховный руководитель обратился к нам с речью, которая спаяла нас крепче, чем какой-либо официальный документ. Помню, как во имя филиппинского национально-освободительного движения мы поклялись быть верными друг другу, ни в коем случае не

допуская, однако, чтобы наши супружеские отношения помешали верности делу народа.

Наша совместная жизнь началась в маленьком домике в Макати, вся обстановка которого состояла из стола и скамейки, и пустоту его мы заполнили нашей любовью.

Мы благоразумно решили не иметь детей до тех пор, пока наша борьба не окончится победой. Нам рассказывали, как много женщин на Филиппинах, примкнувших к движению, затем отходили от него. Они выходили замуж и слишком рано обзаводились детьми.

Я наклоняюсь и беру Селию за руку. Она поднимает глаза и понимающе улыбается.

13

Невообразимый шум в лесу будит нас среди ночи. Дождь! Каждый лист превратился в барабан, по которому неистово колотят капли. Слышно, как шквалом проносится дождь над горными кряжами, словно масса колотящих десниц, и вот он уже над нами. На нашу хрупкую кровлю обрушивается огромная пальма. Я и раньше видел тропические ливни, но ничего подобного еще не встречал. Кроша по пути своих собратьев, ветви и огромные сучья с треском рушатся наземь. Кажется, что разбушевавшаяся стихия разнесет наш барак в щепки, смоем и увлечет в ложбину.

Струи воды стекают на наши одеяла. Вскочив с постели, мы освещаем барак карманными фонариками. Наша кровля продырявлена в сухой сезон, как решето, насекомыми и крысами, и вода стекает на нас ручьями, искрящимися при свете фонариков. Все кричат, но нельзя разобрать ни слова. Разламываем ящик и заделываем самые большие щели, чтобы преградить доступ воде.

Барабанная дробь дождя в эту ночь перемежается с раскатами грома. В спорадических вспышках молнии я вижу как надламываются огромные сучья и с грохотом валятся наземь, оставляя зияющие раны на стволах деревьев. Мы лежим, закутавшись во влажные одеяла, сбившись в кучку и держась друг за друга, пока бушует стихия.

Наконец дробный стук дождя затихает. Слышу, как катятся за баракom ручьи, размывая склон горы. Стекающие с крыши капли рассыпаются кристалликами в

лужах. Я лежу и прислушиваюсь к звукам падающих капель и текущей струйками воды в похолодевшем лессу.

14

На наших курсах проводится производственное совещание. Такие совещания устраиваются каждое воскресенье после обеда, когда нет повседневных занятий, и проводятся в духе критики и самокритики. На них тщательно обсуждаются все вопросы и жалобы, возникшие за истекшую неделю, вскрываются и улаживаются все спорные моменты. Мы с Селией, как преподаватели, также участвуем в этих совещаниях, в них принимает участие и Перегрино Тарук — руководитель учебных заведений и начальник отдела народного образования движения. Перегрино, которого мы называем «Рег», родом из провинции Пампанга, он младший брат Луиса Тарука, командовавшего армией «Хукбалахап» во время японской оккупации.

Один из лагерных остряков заметил как-то, что эти воскресные совещания заменяют церковные исповеди, но ведь мы, преподаватели, также держим на них ответ, а слыханное ли это дело, чтобы критиковать исповедника?

Проходит довольно много времени, пока собрание не развертывается полным ходом. Каждую неделю учащиеся председательствуют по очереди. На этот раз председатель сидит несколько скованно. Обращаясь к собранию, он говорит: «Итак, товарищи?». Прежде всего разбираются привычные жалобы на питание: нельзя ли, дескать, улучшить приготовление пищи? Для разнообразия несколько увеличить паек? Эти вопросы обсуждаются некоторое время, после чего собрание вновь замирает. Неужели нет никаких поводов для разногласий?

Наконец поднимается учащийся и заявляет, что один из товарищей не выполняет своей доли работы по ежедневной уборке помещения курсов. Обвиняемый вскакивает и решительно протестует, утверждая, что выступивший товарищ имеет зуб против него, так как тот не одолжил ему карандаш. И тут словно прорывается плотина, расплескивая целый сосуд эмоций. Молчаливая до этого группа, казавшаяся столь дружной, приходит внезапно в волнение, и все сразу же просят слова, чтобы высказать свои критические замечания, они неистово машут руками, стремясь

привлечь внимание председателя. Однако председательствующий также желает высказаться и, подымаясь, обвиняет собравшихся в нарушении регламента. В конце концов приходится вмешиваться Регу, который призывает собрание придерживаться установленного порядка.

Как это обычно происходит в коллективах, состоящих из разнородных лиц, мелкие обиды перерастают в жалобы. Спор между главными жалобщиками улаживается, причем оба признаются в своих ошибках: первый — в нерадивости, второй — в том, что не проявил должного чувства товарищества.

Старшие по возрасту учащиеся резко критикуют более молодых, а также женщин. Они говорят, что молодые люди не относятся с должным уважением к старшим; если у них было больше возможностей учиться, это еще не значит, что они могут считать себя всезнайками; им следовало бы прислушиваться к мнениям старших. Что же касается женщин, то одна из них очень любит спорить: когда ей говоришь что-либо, она всегда возражает.

После длительной и подчас возбужденной дискуссии собрание приходит к выводу, что пожилые люди, в основном крестьяне, придерживаются феодальных взглядов, мешающих им смотреть на молодежь и женщин как на равных себе. Селия считает необходимым указать на роль, которую женщины играют в борьбе, и на то, что женщина, умеющая стоять на своем, заслуживает поощрения, а не осуждения.

Один из учащихся подвергается нападкам за то, что со времени своего приезда не удосужился искупаться. Его товарищи по курсам указывают, что им приходится сидеть и спать с ним рядом, а от него дурно пахнет. Они просили его искупаться, но он не подчинился их решению и тем самым нарушил принципы демократического централизма. Учащийся, которого обвиняют, утверждает, что его товарищи покушаются на его личные права. Идеологическая сторона этого спора осложняется; становится очевидным, что учащиеся стремятся показать, каким принципам они научились на курсах. Собрание решает, что курсант должен искупаться, и не только для блага своего коллектива, но и ради собственного здоровья.

Более серьезной критике подвергается другой учащийся, замеченный в том, что списывал ответы из тетради своего товарища во время еженедельной контрольной ра-

боты. Он решительно отвергает обвинение, однако есть три свидетеля. Вопрос идет об интеллектуальной честности — одном из важнейших достоинств, которому движение уделяет особое внимание и которое тщательно соблюдается при подготовке кадров. И хотя по делу этого учащегося не установлено никаких достоверных фактов, однако он попадает под подозрение, и мы будем зорко следить за ним на протяжении всей остальной части курса.

Затем наступает наша очередь, то есть Рега, Селии и моя. В учебных заведениях Манилы ничего подобного не встретишь: там никогда не приглашают учащихся выступить с критикой своих наставников. Зато здесь это право принадлежит всем, от самых низов до самых верхов. Однако учащиеся не злоупотребляют своим правом, а относятся к нему со всей серьезностью, обращаясь с нами не как с начальниками, а как с товарищами.

Вопрос заходит о дисциплине. Один из нас слишком строг, говорит слушатель, он предъявляет своим подопечным слишком высокие требования, поручая им непосильные задания и задавая чересчур трудные вопросы. Это неверно, говорит другой, он поступает правильно, требуя строжайшей дисциплины и максимума работы. Затем речь заходит о манерах преподавателя, его жестах и одежде; преподаватель — это руководитель, он должен служить примером для других. Говорят также, что один из нас не объясняет уроки с достаточной обстоятельностью и простотой и учащимся приходится принимать слишком много на веру.

Итак, весь воскресный вечер уходит на взаимные обвинения, на признания и опровержения. Мы не сдерживаем критику, требуя искренних и правдивых высказываний.

Борющиеся революционеры должны быть столь же строги к самим себе как и к врагу.

15

Существует распространенное мнение, будто филиппинцы отличаются непостоянством, что они вспыльчивы и действуют под влиянием импульса. Подобно всем другим представлениям о том или другом народе, это суждение в целом неверно. Филиппинцы испытывали на себе чужеземное господство и феодальный гнет так долго, что смирились с

этим. «Бахала на, — говорят они, — пусть будет воля господня».

Кто из людей, живущих в условиях свободы, в состоянии понять образ мышления жителя колонии? Каждый белый, расхаживающий по городским улицам, будь он даже праздный фланёр, удостоивается уважения и особого внимания. А помещик — тот подлинный господин; проходя мимо него, кланяясь ему низко, касаясь земли рукой, словно плугом. Придя в «тьенду» * и увидя на полках товар иностранного и филиппинского происхождения, покупай, разумеется, иностранный, так как он должен быть лучше. И ни в коем случае не забывай прикладывать руку родителя к челу своему, целовать руку священника и следить за подающей команду рукой «капатаса» **.

Когда народ испытывает нечто подобное целых четыреста лет под пятой надменных испанцев и еще пятьдесят лет под гнетом нагло кичащихся своим превосходством американцев, это неизбежно налагает отпечаток на его характер. Существует теория, по которой нужда приводит к мятежу, однако это верно чаще всего в тех случаях, когда нужда вызвана потерей того, что человек когда-то имел. Но когда целых четыреста пятьдесят лет народ знал лишь нужду, это подавляет, подрывает его силы, определяет весь уклад его жизни. Тех немногих, которые восстают, безжалостно убивают; «амоков» *** пристреливают прямо на улице. А большинство сидит на корточках у порога своих хижин и глядит тусклыми глазами на то, что творится по воле господней.

Лишь особо веские причины в состоянии толкнуть такой народ на восстание. Он не восстанет просто от того, что перед ним явится человек, который воскликнет: «Ты же несчастен!». Революционный путь тернист, сопряжен с риском для жизни, а жизнь, даже если она связана с нуждой, дорога. Такой народ восстает лишь тогда, когда разница между жизнью и смертью стирается.

А что остается делать человеку, когда земля, которую он вспахивает, ему не принадлежит; когда страна, незави-

* Маленькая местная лавчонка.

** Десятник.

*** Обезумевший человек, в ярости набрасывающийся на первого встречного. Довольно распространенное явление на Филиппинах, несомненно порождаемое ненормальными социальными условиями.

симость которой ему была обещана, остается под господством чужестранцев; когда чужеземец разъезжает по дорогам его страши в сверкающем лаке автомобиле; когда люди, которых он сам выбирает на государственные должности, изгоняются без всяких к тому оснований, как только они пытаются выступить в его защиту; когда он видит, как убивают его руководителей, запрещают его рабочие союзы, делают налеты и грабят его «баррио», сжигают ночью его дом, насилуют у него на глазах жену и дочерей; когда он знает, что всю жизнь его ждет лишь голод и горе?

Есть ситуации, в которых люди уже не могут уповать лишь на бога.

16

Из опорного пункта в городе прибыл отряд службы снабжения. Люди идут беспорядочной вереницей по ближайшему склону, ведущему в лагерь. В тех местах, где проходит тропа, шел дождь, и люди по пояс в грязи; по пути они обернули свою поклажу листьями «анахау», чтобы она не промокла. Один за другим подходят они к барраку службы снабжения и сбрасывают здесь свои тяжелые мешки.

Что может быть справедливее утверждения, что народ выносит эту борьбу на своих плечах? Решительно все приходится нести на себе: продовольствие, утварь, конторское оборудование, оружие, боеприпасы и всякие другие материалы. Я всегда поражался, какой огромный груз в состоянии нести на себе рядовой боец ХМБ, — не только взвалить на себя, но и тащить много дней подряд.

Вот средний филиппинец-крестьянин, ростом чуть больше пяти футов, худой от недоедания, с рубцами на ногах, оставшимися от болячек, вызванных бери-бери. Он стоит, готовый отправиться в путь по тропе. За спиной у него низко свисает холщовый мешок, на две трети заполненный рисом (попробуйте поднять его, чтобы прикинуть его вес!) и прикрепленный лямками из ротанга к плечам. Поверх лежит пишущая машинка стандартного формата, привязанная к этим же лямкам, а на ней большая чугунная сковорода, которую называют здесь «кавали». Наконец, к этой громоздкой поклаже привязан еще узел с его собственными пожитками. К поясу прикреплена патронная сумка с

боеприпасами, а спереди болтается заряженная винтовка. Он бос.

Этот человек не является исключением. Много «хуков» тащится с такой же поклажей по нескольку дней и даже недель, в зависимости от длины маршрута, бредя через крутые горы, покрытые скользкой грязью, через реки, по краям обрывов. Характер поклажи может меняться: вместо пишущей машинки может быть мешок с бумагой для мимеографа, или какие-нибудь продукты питания («монго», дешевый неочищенный коричневый сахар, соль, консервы), или чугунные кухонные горшки, именуемые здесь «кальдиро», или бидон с керосином для ламп, емкостью пять галлонов, или мимеограф. При этом каждый «хук» должен быть готов в случае необходимости вступить в бой с врагом. Если спросить у него, каким образом он справляется с таким грузом, как спросил об этом я, то он ответит лишь, что эксплуатация — бремя, которое еще тяжелее.

Враг располагает всеми необходимыми ему транспортными средствами: быстроходными грузовиками, мчащимися по хорошим шоссейным дорогам, железными дорогами, речными моторными лодками, самолетами, ежедневно доставляющими необходимые припасы. У «хуков» же нет ни одного грузовика, ни одного вьючного животного, нет и шоссейных дорог, и им приходится довольствоваться лишь узкими, зачастую весьма ненадежными тропинками. Любой «хук» представляет собой, таким образом, самостоятельную транспортную единицу.

Если носильщики (так называемая команда «балутан» *) свободны от наряда в службе снабжения, они берут отпуск и отправляются в рощи за кокосовыми орехами. Оценка силы каждого зависит от числа орехов, которое он в состоянии нести (имеются в виду орехи, очищенные от верхнего покрова и расколотые). «Он?.. — говорят они. — О, он тянет сорок кокосовых орехов».

В ходу также шутка, которую можно услышать по вечерам у очага в бараке. Это шутка на тему «тащи усердно, учись усердно». Тех, кто смысленнее и проявляет задатки руководителя, направляют на курсы вроде наших. Они выходят из состава отрядов «балутан», начинают усердно

* От слова, означающего «мешок» или «тюк», другими словами — поклажа.

учиться и вместо переноски грузов занимаются другим делом. За очагом говорят: «У них голова на плечах, у нас крепкая спина; последнее иметь легче». Но это подшучивание над собою вряд ли верно: в пожитках каждого «хука» хранится книжка или текст, отпечатанный на mimeографе.

17

Под покровом леса, дающего убежище этому подпольному миру, скрывается также система, по которой он работает и борется. Вне поля зрения врагов, в тени — своеобразная структура армии и политической деятельности.

В нашем скрытом лагере находятся районное командование № 4 и связанный с ним районный комитет № 4. Командование руководит организацией и операциями национально-освободительного движения в данном районе, который схватывает провинции Лагуна, южную часть провинции Кесон, Батангас и Кавите. Комитет является районной организацией политического отдела движения «хуков».

Система районных командований и комитетов (РЕКО) была создана лишь в 1948 году. До этого существовали, грубо говоря, два района — Центральный и Южный Лусон, — в которых власти прибегали к репрессиям и шла борьба. В то время не было никакой сплоченной организации, а преобладало стихийное сопротивление проводимой правительством кампании подавления, направленной в основном против крестьянских союзов. Царила большая неразбериха, не было центрального руководства. Восстанавливались и вступали в борьбу партизанские отряды, боровшиеся в свое время с японцами, создавались новые отряды, но все они действовали стихийно и независимо друг от друга.

Однако борьба этого рода требует централизованного руководства. Партизанское движение деградирует без такого руководства. Вот почему была постепенно создана политическая организация, независимая от партизанской армии, но находящаяся под ее защитой. Среди работников этой организации — коммунисты, местные организаторы

Демократического альянса*, руководители партизанских отрядов (не входящих в «Хукбалахап»), которые боролись против японцев во имя подлинной свободы. Многие из них были также руководителями крестьянских или профессиональных союзов.

ХМБ (под этим названием, строго говоря, подразумевается лишь армия, хотя все мы называем себя «хуками») функционирует как массовая организация. Лишь некоторые ее члены — коммунисты; многие командиры партизанских отрядов и подавляющее большинство бойцов не состоят в партии. Стать членом партии считается почетным делом для «хука». В «баррио» и городах, где все население обычно примыкает к массовым организациям, симпатизирующим ХМБ, и где в каждой местности имеется свой подпольный совет, насчитывается лишь небольшая горстка коммунистов, а во многих «баррио» нет ни одного коммуниста. И тем не менее партия пользуется значительной популярностью, а целый ряд коммунистов — известностью и большой любовью. Партия достигла влияния благодаря героизму своих членов, которые проявили готовность отдать жизнь за народ.

В некоторых городах, расположенных недалеко от нашего лагеря, нет ни одного члена коммунистической партии, однако весь город, вплоть до официальных его лиц, находится целиком на стороне «хуков».

В период японской оккупации Центральный Лусон — и особенно провинции Пампанга, Нуэва Эсиха, Булакан и Тарлак — был центром борьбы, которую вели «хуки». Однако начиная с 1948 года было решено распространить движение на всю территорию Филиппин и создать деление на РЕКО, подобные нашему, которое было отражено на картах «хуков», где обозначены незримые разграничительные линии нашего собственного мира. (РЕКО 4 стало самым подходящим местом для штаб-квартиры благодаря тому, что оно расположено в горах и близ городов, где движение имеет массовую базу). Каждое РЕКО делится на коман-

* Демократический альянс — организация Единого антиимпериалистического фронта, созданная в июне 1945 г. В нее вошли Коммунистическая партия, Национальный крестьянский союз, Конгресс рабочих организаций, армия «Хукбалахап» (с сентября 1945 г. — Лига ветеранов «Хукбалахап»), несколько организаций патристической национальной буржуазии. Демократический альянс распался в середине 1948 г.

дование и комитет, при котором имеется военный представитель, входящий в состав политико-координационного комитета. Этот комитет руководит работой в области просвещения, пропаганды, массовой организации и создания единого фронта.

Еще более четко военный и политический отделы разграничены в нижестоящих звеньях, подчиненных РЕКО, где районные организационные комитеты (РОК) и подчиняющиеся им участковые организационные комитеты (УОК) осуществляют политическое руководство массовыми организациями в «баррио». Обычно РОК и УОК размещаются в опорных пунктах или лагерях, расположенных близ городов или «баррио». Военными операциями партизан руководят полевые командования (ПК), располагающие собственными лагерями и другими средствами. Однако осуществляется взаимодействие между политическими и военными отделами, причем РОК и УОК руководят разведкой, снабжением и вербовкой для ПК.

«Открытый» мир ясно очерчен и нанесен на карты; нам известны его административные центры и даже местожительство руководящих деятелей. Но о нашем мире врагам ничего не известно. В Центральном Лусоне, где на карте обозначены Нуэва Эсиха, восточные районы провинции Пангасинан и северные районы провинции Кесон, находится РЕКО 1. Ни на одной из карт, имеющих у врага, не обозначены РОК или УОК, на которые делятся РЕКО и каждый из которых охватывает несколько городов. В западной части Центрального Лусона, которая охватывает провинции Пампанга, Тарлак, Батаан, Самбалес и восточные районы провинции Пангасинан, находится РЕКО 2, действующее тайно в глубоком тылу движения «хуков».

Провинции Булакан, Рисаль и город Манила входят в зону действий РЕКО 3 «хуков».

Провинции полуострова Биколь на южной оконечности Лусона, расположенные южнее РЕКО 4, передаются в ведение РЕКО 5.

Висайские острова входят в зону РЕКО 6, главная база которого находится на острове Панай в провинции Илоило.

Остров Минданао представляет собой по преимуществу не организованную пока территорию, входящую в ведение РЕКО 7, где еще предстоит развертывать движение.

В настоящее время, после создания и начала деятельно-

сти РЕКО 8 и 9, широко разворачивается движение в Северном Лусоне. Там, где на обычных картах обозначен район провинций Илокос и Маунтен, находится местопребывание РЕКО 8, о котором картографы не имеют ни малейшего понятия, а на востоке обширной долины реки Кагаян находится зона действия РЕКО 9.

Предполагается создать также РЕКО 10, которое незримо охватит провинции Батангас и Кавите, сняв часть административного бремена с быстрорастущего РЕКО 4.

В зоне каждого РЕКО насчитывается четыре или пять полевых командований и столько же районных организационных комитетов. ПК, как и РОК, имеют свою нумерацию, связанную с номером соответствующего РЕКО, в зоне которого они находятся. Например, здесь, в зоне РЕКО 4, находятся ПК (и РОК) 41, 42, 43, 44 и 45. В зоне РЕКО 2 находятся ПК (и РОК) 21, 22, 23, 24, 25 и 26. Каждое из этих командований имеет свою зону действий, причем для более крупных операций несколько ПК могут объединиться в одно.

Полевое командование «хуков» не имеет определенного штатного расписания. Единственные две штатные единицы — это командир части и начальник штаба, причем последний играет в некотором смысле роль политического комиссара в вооруженных силах. Некоторые крупные ПК имеют порой в своем штате также начальника оперативного отдела и начальника службы тыла штаба. ПК делится просто на взводы, командирам которых никаких воинских чинов не присваивается, чтобы не возникла особая офицерская каста. Число бойцов в отдельных ПК бывает различным в зависимости от вербовки и наличия припасов (от 100 до 400).

Во главе всех РЕКО, ПК и РОК стоит самый законспирированный из всех органов — Секретариат. Это исполнительный орган политического отдела движения «хуков». Секретариат находится и работает в самой Маниле, и, таким образом, центр подпольного мира располагается в центре официального мира. Секретариат называют также «внутренним Политбюро» (находящимся в Маниле) в отличие от «внешнего Политбюро», т. е. членов Политбюро, работающих на местах и возглавляющих районные комитеты в основных РЕКО.

Вскоре, однако, члены Секретариата также перейдут к нам в чащу лесов и укроются здесь, готовые к борьбе.

Рано утром перед зданием клуба собираются участники экспедиционного отряда, направляющегося для развертывания движения в провинциях полуострова Биколь. Все обитатели лагеря пришли провожать их. На древке, сделанном из молодого дерева, развеваются флаги.

В течение нескольких недель формировался этот отряд. Участники его тайком пробирались из расположенных севернее провинций, через опорные пункты в городах, по бесконечным горным тропам. В отряде пятьдесят человек во главе с Мариано Бальгосом — товарищем Бакалом. На них возложена задача пробраться через горы Сьерра-Мадре в провинции полуострова Биколь на южной оконечности Лусона — Камаринес Норте, Камаринес Сур, Албай и Сорсогон — и создать там новое районное командование РЕКО 5.

Люди эти были тщательно отобраны из всех других РЕКО и из Манилы. Биколь — стратегический район, преддверие к лежащим южнее островам. Там нужны опытные кадры. Поэтому здесь собрано все ядро будущего РЕКО: Бакал — главный руководитель, секретарь Крус из провинции Нуэва Эсиха, руководитель организационного отдела Роми из провинции Тарлак, руководитель отдела просвещения Наги из Нуэва Эсиха и начальник военного отдела Бундальян из провинции Пампанга. Все члены отряда достаточно подготовлены, чтобы стать районными или участковыми руководителями или же занять штатные должности в полесых командованиях. Они займут эти посты, как только наберется достаточное количество бойцов и в этих районах будет создана надлежащая организация.

Все необходимое имущество члены отряда несут на своих плечах: продукты на дорогу, запасную одежду, запасную пару резиновых сапог на каждого бойца, оборудование для создания штаб-квартиры. Припасы накапливались постепенно через опорный пункт в расположенном ниже городе. Отряд имеет собственных связных, чтобы посылать через них донесения о своих успехах и получать соответствующие директивы. Кроме этого, отряд отправляется в путь с большим количеством автоматического оружия и боеприпасов, так как ему придется, быть может, сражаться с врагом во время похода и с боем прокладывать себе путь через узкий полуостров, ведущий из Кесона в провинции полуострова Биколь.

Когда в будущем расскажут всю историю движения «хуков», одним из ярчайших эпизодов в ней будет поход экспедиционных отрядов, которые начали стекаться из Центрального Лусона после 1948 года (когда было решено взять на себя инициативу и направить во все районы страны революционных руководителей, которых там ждали). Тропы, ведущие на север и на юг, устланы костями многих тысяч «хуков» первого, второго и третьего эшелонов. Они с боем, погибая от голода, прокладывали себе путь во все новые и новые районы, чтобы создавать там массовые базы борьбы за национальное освобождение.

В отряде, направляющемся в провинции полуострова Биколь, есть люди, которые участвовали в походах отрядов из провинции Нуэва Эсиха на север. Вот это они рассказали мне:

— Труднее всего приходится первому эшелону. Мы идем в районы, где до этого никто из нас еще не был, пробираясь по самым труднопроходимым тропам. Зачастую мы идем без проводников и блуждаем с нашими крайне ограниченными пищевыми запасами. Обнаружив нас, враги устраивают засаду на тропе, и нам приходится сражаться. Многие погибают, так и не достигнув места назначения.

Но даже если мы и прибываем туда, это еще только начало ожидающих нас испытаний. Враги успевают провести там свою пропаганду, внушая народу, что мы разбойники и будем грабить и издеваться над ними. Нередко нам приходится пробираться в деревню ползком, чтобы люди не заметили нас на расстоянии, не разбежались в испуге или не поспешили донести о нашем прибытии врагу. Когда же нам удастся заговорить с ними, они относятся к нам с недоверием, ведь мы незнакомцы.

Если в окрестности орудуют бандиты, мы преследуем и убиваем их. Трупы приносим в «баррио», чтобы показать людям, что мы избавили их от врагов. Мы не отнимаем у народа ни одной крошки, даже когда голодаем. Мы сидим в наших лагерях и голодаем, глядя на урожай на полях. Нередко идет дождь, мы бедствуем, и некоторые из нас умирают с голоду.

Постепенно мы приобретаем друзей, так как мы всегда беседуем, без конца беседуем с людьми. И вскоре у нас возникает небольшая группа, некое ядро в «баррио», которое организует всех остальных его жителей. Достаточно, чтобы на нашей стороне оказались один или два человека,

пользующихся уважением односельчан. Они берут на себя заботы по устройству митинга в «баррио», на котором мы впервые появляемся как вооруженный отряд. Оружие внушает уважение людям, так как в нем они видят силу. На митинге мы призываем народ к борьбе.

Сначала у нас появляется небольшая группа сторонников, а затем организуется все «баорио». Шпиону уже не удастся туда проникнуть. Молодых людей в «баррио» мы вербуем в наши вооруженные силы. Так жители «баррио» становятся приверженцами «хуков». И только тогда мы можем считать, что приобрели прочную базу. Враги, возможно, будут устраивать налеты на «баррио», но после издевательств, которым они подвергнут население, люди теснее сплотятся вокруг нас. Подорвать нашу базу будет трудно.

Бундальян, низкорослый, но коренастый и энергичный командир в темных очках, с двумя пистолетами за поясом, отдает команду «стройся!», и он и Бакал обходят строй, дергая за лямки узлов и проверяя оружие. Как мужчины, так и женщины стоят вытянувшись в струнку. Они облачены во что попало из партизанской одежды, но строго подтянуты, и глаза их сосредоточенно устремлены вперед.

После проверки участники экспедиционного отряда громко поют. Откинув назад голову, они поют филиппинский национальный гимн, а затем «Интернационал». Проникновенно звучат голоса в лесной тишине.

На мгновение строй распадается, люди жмут руки друг другу и обнимаются. Быть может, мы никогда не увидим больше многих из этих товарищей. Я крепко обнимаю Бакала, этого безупречного, выдержанного человека со скупой, но теплой улыбкой. Для меня он — воплощение рабочего класса Филиппин. Затем отряд строится вновь и колонной по одному спускается из лагеря по склону. Вытянутая длинная цепочка то появляется на извивающейся между деревьями тропинке, то вновь исчезает из виду.

Мы бредем обратно в свой барак и чувствуем, что что-то ушло из нашей жизни. Ветер доносит до нас из леса еле слышные голоса. Они вновь запели.

Я понял, что, являясь единственным американцем среди филиппинцев, должен быть очень осмотрителен в своих вы-

сказываниях и поступках. Нужно всегда помнить, что по моим словам и делам будут судить о всех американцах. Обязавшись участвовать в борьбе, которую ведут филиппинцы, я должен идти до конца, иначе чувство братства, о котором я говорю, будет сочтено неискренним, а единство наших народов — пустым звуком.

Я обязан делить с этими людьми все их невзгоды, есть с ними из одного котла, носить такую же одежду и не жаловаться на какие-либо трудности.

Я всегда чувствую, что они не спускают с меня глаз, но не потому, что за мной следят, а потому, что я у них на виду. Если я буду вести себя так, как ведут себя они, то меня не будут замечать. Но если я буду вести себя плохо, то меня вполне могут заподозрить в «империалистических настроениях» или в том, что я проявляю комплекс превосходства, присущий белому человеку.

Кое-кто в лагере не относится ко мне благосклонно, питая подозрения ко всем американцам и просто поневоле мирясь с моим присутствием. Один из бойцов лагеря так ненавидит американцев, что при виде меня хватается за пистолет; его сестра входила в состав 77-й роты «Хукбалахап», бойцы которой были в 1945 году зверски убиты в Булакане помещичьими наемниками, связанными с американской армией. Я не обижаюсь, потому что вполне понимаю его.

Но есть и противоположная крайность: это люди, мышление которых все еще находится под сильным влиянием колониализма, так что даже здесь они отдают особую дань американцу. Обращаясь ко мне, они не называют меня просто «товарищ», а величают «сэр». Я улучил время, чтобы поговорить с ними наедине:

— Почему вы говорите мне «сэр»? Вы знаете, как меня зовут, знаете, что я ваш товарищ. Я такой же, как и все остальные в этом лагере, и все мы должны обращаться одинаково друг к другу. Итак, не говорите мне больше «сэр». Идет?

— Да, товарищ, — говорят они.

Но когда я снова встречаюсь с ними, то замечаю, что их языки заплетаются на этом слове и у них вновь получается: «сэр».

Возле клуба встречаю одного из бойцов охраны и спрашиваю его:

— Не видел ли ты случайно Селию?

Он смотрит на меня в недоумении, а я, опомнившись, тут же поправляюсь:

— Я хотел сказать, не видел ли ты товарища Рене?

Странно признаться, что во всем этом лагере мне известны подлинные имена лишь пяти-шести человек. Имена всех других скрыты от меня, так же как мое имя от них. Все мы в чаще лесов находимся на таком положении. Здесь, в этом тайном мире, мы скрываемся даже друг от друга. Всем нам присвоены клички, причем у некоторых насчитывается с полдюжины таких кличек, в зависимости от рода деятельности и связей данного лица. Селию называют Рене, меня — Бобом. Через некоторое время подлинное имя даже выговорить странно, подобно тому как прежняя жизнь на виду у всех кажется теперь такой далекой.

Наблюдается большое соперничество за право называться именами филиппинских героев, особенно тех, кто был связан с борьбой филиппинцев за национальное освобождение. Так, среди «хуков» можно найти такие имена, как «Дель Пилар», «Мабини», «Андрес» (Бонифасио), «Мальвар», «Луна», «Лапу-Лапу», «Макган», «Лакандула», «Дагохой», «Вибора», «Пларидель». Или имена героев из романов Хосе Рисаля, проникнутых национально-освободительным духом: «Симоун», «Ибарра», «Элиас», «Ноли», «Димасаланг». Другие носят имена, обозначающие достоинства, которые требуются от революционера: «Мужество», «Честность», «Верность», «Сила», «Дакила» (благородный), «Бакал» (железный), «Аламбре» (провода), «Асеро» (сталь). Один из «хуков» зовет себя просто «Никогда», что, по его словам, значит: никогда не колебаться, никогда не сдаваться, никогда не изменять. Есть, наконец, и такие имена, как «Лиуайай» (рассвет), «Лигайя» (счастье) и просто «Пилипинас» (Филиппины).

Однако во всех этих переименованиях сквозит не столько стремление скрыться в тени, превратиться в призраков-невидимок, чтобы обмануть врага, сколько желание стать какими-то новыми существами, отличными от тех, что томилась в оковах прежней жизни, столь постылой и беспросветной. Большинство этих кличек — попытки отождест-

вить себя с борьбой за новую жизнь: уже одним своим участием в движении становишься новым, истинным, преобразенным человеком.

Когда, выступая на собрании, я говорю о Селии, мне кажется, что мои слова относятся к кому-то постороннему, а не к жене: «По словам товарища Рене...». Или она заявляет: «Как сказал товарищ Боб...». И даже ночью, обращаясь к ней, я называю ее тем же именем: «Моя любимая Рене...».

Мы безымянны в чаще лесов.

21

Тревога! Из рощи кокосовых пальм к нам мчится дзорный. Враги забрались в чашу лесов. Жандармский патруль численностью в одну роту проник на тропу, где проходили мы с Селией.

Начальник охраны Лабонг в широкополой соломенной шляпе, небрежно сдвинутой на затылок, не торопясь обходит бараки, успокаивая всех обитателей лагеря. Вот он просовывает голову и в наше окно. Опираясь на бревенчатый подоконник, говорит спокойным тоном:

— Пожалуй, нам лучше уложиться. Перо, палагай ко, уаланг панганиб (но я думаю, опасности нет).

Его слова, однако, побуждают к действию. Нам кажется уже, что вооруженные до зубов войска пробираются по тропе. Собираемся не спеша, молча. Никто не хочет выказывать свою тревогу. Лишь пальцы суматошно путаются в веревках и лямках.

Покончив с укладыванием пожитков, собрав всю утварь и оборудование, отходим в сторонку, чтобы «полюбоваться», и сразу же приходим в ужас. Вот она, груда вещей, унести которую не в состоянии даже двадцать человек. Мы набрасываемся на эту груду, откидываем все вещи, которые нам, как это ни жаль, придется оставить.

Не в силах дольше ждать, идем в клуб, где уже все собрались, встревоженно ожидая дальнейших сообщений.

— Ничего страшного, — говорит Аламбре. — Мы просто отойдем на небольшое расстояние в лес и переждем, пока они не уберутся.

Проходит еще час в суматохе. Наконец по кособору неторопливо взбирается Лабонг, держа руки в карманах.

— Отбой! — говорит он. — Враги только сунули нос в глубь леса, а затем ушли восвояси.

И вот мы возвращаемся в свой барак, думая с умилением, как уютно и удобно нам в нем живется. Распаковываем свои вещи и вновь приводим наше жилище в порядок. Никому не хочется говорить.

Первая, слабая и тонкая струнка неуверенности оказалась задетой у нас в душе.

22

В сухой сезон в чаще лесов наступает пора «басил».

Зарождается «басил» высоко, на верхушках деревьев и оттуда спускается на землю на шелковистой нити. «Басил» — гусеница, но отличная от всех других разновидностей этих невинных пушистых существ, попадающихся в наших садах. Это целый дюйм ужаса, каждый ее волосок вонзается в кожу, вызывая страшные мучения.

Нет слов, чтобы описать невероятный зуд, причиняемый этим существом. Когда солнце озаряет своим блеском чащу леса, кажется, что высокий небосклон разламывается и из его трещин выползают «басилы». В воздухе полно их тончайших нитей. Они норовят забраться на открытую шею или оголенную руку человека. Горе тому, кто начинает чесаться, едва почувствовав легкий зуд: тело после этого так нестерпимо зудит, что хочется прямо содрать кожу.

У Селин во время купания начался приступ зуда. Я стою перед ней в бараке и держу ее за руки, чтобы она не расчесывала себя. Одно из средств против этого зуда — поддержать тлеющие головешки на столь близком расстоянии от кожи, чтобы они слегка опаляли ее; видимо, они обжигают волоски гусеницы; во всяком случае это приносит облегчение. Однако лучшее средство, пока не кончится сухой сезон, — зорко следить за опасностью, угрожающей в воздухе.

В сезон дождей в чаще лесов наступает пора «лиматиков»*.

Они ползут по земле, эти извивающиеся черные твари, приподнимая свои слепые головы и рыская челюстями в поисках какой-нибудь поверхности, чтобы присосаться к

* Пиявка.

ней. Порой этих мелких черных червей столько, что земля под ногами кажется живой. Иногда «лиматик» сползают с листьев на низко свисающие ветки и присасываются к щеке человека.

Как бы человек ни оделся, как бы плотно ни прикрыл руки и ноги, они все равно проберутся через ткань, заползут столь незаметно, что обнаружить их нельзя, пока не снимешь носки или брюки. Лишь тогда находишь на себе этих уродливых иссиня-черных тварей, вздутых от высосанной крови. Нелегко оторвать растягивающихся, словно резина, пиявок, а когда это удастся сделать, на коже остается маленькая, круглая, красная ранка и по ноге стекает струйка крови. У бойцов отряда службы снабжения, возвращающихся из похода, ноги покрыты «лиматиками», которые свисают подобно гроздьям черного винограда.

Некоторые из партизан несут с собой кусочек хозяйственного мыла или щепотку соли, завернутую в тряпочку. Если коснуться ими пиявки, она сразу же отваливается, но для этого нужно сначала заметить ее. Вдруг среди ночи один из обитателей нашего барака с криком просыпается. К его главному яблоку присосался «лиматик»! Раствор соленой воды заставляет пиявку отвалиться, однако засыпать с мыслью о подобной возможности — перспектива не из приятных.

23

В помещении курсов укладываются в дорогу учащиеся, готовясь разбрестись кто куда. В течение шести недель мы прививали им больше знаний, чем это отважился бы сделать любой университет. Часть этих знаний забудется, другие останутся в памяти, однако в будущем нашим ученикам предстоит прослушать еще многие курсы и лекции, участвовать в дискуссиях, заниматься самообразованием, — и все это поможет им закрепить знания, которые они получили. В основном мы стремимся привить им новое мировоззрение. Коль скоро это достигнуто, все остальное приложится постепенно само.

А теперь, исполненные энтузиазма, они возвращаются в свой «баррио», город или экспедиционный отряд, чтобы сделать более содержательными различные фазы своей борьбы. Каждый из них станет в свою очередь учить других.

Сегодня им предстоит участвовать в торжественном вечере, посвященном окончанию курсов. Истекшие шесть недель не прошли для них лишь в однообразных учебных занятиях. Они вели за это время также культурную работу, выпускали еженедельную курсовую газету под названием «Пакикибака» («Борьба»), сочинили курсовую песню «Горные соколы» и организовали драматический кружок. Сегодня будет показана разнообразная программа, все в лагере ожидают ее с нетерпением.

В помещении клуба вновь струится свет из фонаря «летучая мышь». Но обстановка вечера сегодня несколько другая. Подвешенные на веревке из ротанга одеяла заменяют занавес, жужжит в приятном ожидании публика, которой больше всего по душе театр. Наши учащиеся сидят на скамейках в первом ряду в чисто выстиранной и выглаженной простой одежде, волосы у них аккуратно расчесаны, а лица пылают румянцем.

Рег, как руководитель курсов, занимает председательское место. Вечер начинается пением национального гимна, после чего поднимаются учащиеся и хором поют свою собственную песню «Горные соколы». Как указывает Рег во вступительном слове, наш вечер не преследует развлекательные цели. Учение — дело серьезное; исход всей борьбы зависит от того, насколько успешно мы сумеем обучить наши кадры и просветить через них массы.

Вся программа вечера подготовлена учащимися. Первым выступает с приветственным словом молодой рабочий из города. Он порывисто вскакивает со скамейки, словно подброшенный пружиной, так что некоторые зрители вздрагивают от неожиданности. Он, пожалуй, несколько запальчив. Начав говорить, не знает, где остановиться, однако его выступление находит положительный отклик у аудитории. Основная мысль его речи в том, что правящий класс господствует вследствие нашего невежества и что народ придет к власти, когда мы станем умнее.

За ним встает одна из девушек. Она говорит:

— Я спою вам песню, а затем скажу несколько слов о ней. — Девушка поет ярко-патриотическую песню «Филиппинцы», а затем рассказывает слушателям, как сделать, чтобы песни народа дышали счастьем.

Один за другим встают и выступают учащиеся. Они стремятся показать, чему они научились и как будут говорить с народом, когда отправятся выполнять задания. Не-

которые из речей изобилуют выражениями, усвоенными в процессе учебных занятий, вроде «кризис империалистической системы», «направление основного удара» или «диалектика нашей борьбы», однако выступающие говорят с энтузиазмом, а слушатели отвечают одобрительными восклицаниями и аплодисментами.

Наконец все учащиеся встают и уходят за занавес. Собравшиеся удовлетворенно шепчутся. Сейчас начнется представление! Никто не ропщет, когда одеяла цепляются за отrostки ротанга, их приходится долго дергать, чтобы «открыть занавес». Первым номером показывают сатирическую сценку, посвященную ведению курсов и руководству лагерем. Никакого реквизита нет; вместо этого один из учащихся вывешивает таблички с надписями: «Помещение для учебных занятий» или «Площадка у флагштка».

Сатирическая сценка очень комична, все персонажи легко угадываются: преподаватели, руководители лагеря, заведующий столовой для учащихся. Одной из тем, как всегда, служат вопросы питания. Собрание разрабатывает меню на сегодня. «Товарищи, сегодня ужин будет приготовлен по рецепту, взятому из десятой главы политической экзони: „Обнищание рабочего класса“». Или другая сценка: перед учащимися стоит преподаватель.

— Наш сегодняшний урок, — говорит он, — посвящен вопросам стратегии и тактики. Стратегия определяет основную цель борьбы в данный период; под тактикой подразумеваются повседневные мероприятия к достижению этой цели. Вот и все.

Один из учащихся:

— Это все? А как насчет подробностей?

Преподаватель в изумлении:

— Подробности? Но ведь они подразумеваются сами собою, не так ли?

Уже поздно, когда начинается основная часть представления — маленькая пьеса в нескольких сценках, посвященная одному из серьезных эпизодов: вербовке нового товарища. В процессе убеждения этого колеблющегося человека искусно представлены все доводы, в силу которых филиппинец должен примкнуть к национально-освободительному движению.

Кульминационный пункт выпускного вечера состоит в выдаче дипломов об окончании курсов. На маленький столик кладут небольшую пачку свернутых в трубочку бумаг-

ных листов, перевязанных красными ленточками. Рег вы-
тывает каждого учащегося. В этот торжественный момент
в помещении клуба стоит полная тишина, прерываемая
лишь громкими аплодисментами, сопровождающими вру-
чение каждому курсанту диплома. Он написан от руки:
«Учебные курсы Сьерра-Мадре. Народный университет».

Один из выпускников, учащийся из Манилы, произно-
сит прощальную речь. Он говорит, какое значение имели
для него курсы и какое значение они имеют для страны.
После этого с заключительным словом выступает Рег.

— Поздравляя вас сегодня, — говорит он, — я привет-
ствую не только вас, наших двенадцать товарищей. Я при-
ветствую весь филиппинский народ, из недр которого вы
вышли, за то, что в этот момент нашей истории он выдви-
нул из своих рядов людей, готовых бороться за его сво-
боду. В то время как вы учились здесь тому, как добиться
перемен, в которых нуждается страна, тысячи и тысячи
других учащихся посещали и оканчивали учебные заведе-
ния в Маниле и других городах нашей страны, — учебные
заведения, всё преподавание в которых связано в той или
иной мере со стремлением сохранить существующий право-
порядок со всеми его пороками. К услугам этих учащихся
были целые библиотеки, переокласное оборудование и вы-
сокооплачиваемые преподаватели. Многих из этих студен-
тов посылали в США, чтобы еще прочнее привить им по-
нятия, которые заставили бы их мириться с положением
своей страны в качестве колонии.

Их тысячи, вас — небольшая горстка, но вы никогда
не должны чувствовать себя в меньшинстве. Воодушевляю-
щие вас идеи и чувства во сто крат сильнее всей той идео-
логической обработки, к которой прибегает империализм.
Если бы это было не так, то они не посылали бы против
нас вооруженные силы, пытаясь задушить наши идеи и зна-
ния. Небольшая горстка людей в состоянии изменить весь
мир, если воодушевляющие ее идеи соответствуют потреб-
ностям прогресса. Один роман Рисаля ниспроверг всю
систему испанского господства. Один Бонифасио создал
«Катипунан» *. Если идеи, которые вы защищаете, близ-
ки народу, то вы не одиноки, а представляете большинство.

* Тайная массовая революционно-патриотическая организация,
основанная в 1892 г. деятелем филиппинского национально-освободи-
тельного движения Андреасом Бонифасио (1863—1897). — *Прим.
перев.*

Вы теперь уже не горстка. Вы — весь народ.

Я приветствую филиппинский народ, сыновья и дочери которого поднялись на борьбу за национальное освобождение. Я приветствую вас, принявших условия этой борьбы. И я приветствую ваше стремление вооружить себя знаниями, чтобы довести эту борьбу до победы. Тысячи, сотни тысяч людей станут на вашу сторону, так как вы вооружены идеями, которые непобедимы.

Так будем же бороться при помощи этого оружия, чтобы освободить наш народ от оков колониализма!

24

Война в Корее!

Мы узнаем о ней однажды в полдень по радио, которое доносит к нам в чащу лесов ее отдаленное взволнованное эхо. Я лежу, прислонившись к вещевому мешку, и думаю об американских войсках, отправленных в Корею. Ведь в этот самый момент мои соотечественники, продвигаясь по дорогам Кореи, стреляют в азиатов, борющихся за подлинную свободу своей страны после многовекового колониального порабощения. А я нахожусь здесь, на стороне азиатов.

Я вспоминаю иллюстрации из книжки своего детства. Быть может, так же лежат теперь на своих рисовых полях трупы корейцев? За пятьдесят лет ничего не изменилось. Американские пушки по-прежнему стреляют в Азии.

Странно думать, что в нынешней Азии, где ведется столько войн, стреляют из пушек иностранного происхождения. Голландские войска стреляли из американских пушек в индонезийцев, пока последние не дали им отпор и не отвоевали свою независимость. Чан Кай-ши стрелял из американских же пушек в китайцев, пока они не повернули их дула против него самого и не сбросили его в море. Французские войска стреляют из французских и американских пушек по вьетнамцам. Английские войска стреляют из английских пушек в малайцев. Филиппинцы убивают из американских пушек своих же соотечественников — филиппинцев.

Правительство моей страны не давало оружия испанскому народу, когда он нуждался в нем для борьбы против фашизма. Оно не отправило ни одной партии оружия ни одному народу колониальной страны, борющемуся за осво-

бождение. Зато многие тонны оружия отправлялись тем, кто подавлял борьбу за национальное освобождение. А в тех случаях, когда наемники не добиваются успеха, посылаются американские войска.

А что если американские войска вмешаются, когда «хуки» одолеют здешних наемников? Как мне поступить тогда?

А как поступил Том Пэн * в стране, находившейся под гнетом его родины — Англии?

25

Наших связных, отправляющихся в город с конспиративными донесениями, мы напутствуем: «Глядите в оба. Будьте осторожны, чтобы враг не поймал вас!».

Когда из какого-либо опорного пункта доставляется газета с сенсационными сообщениями о «хуках», мы говорим: «А враг усиливает свою пропаганду».

Товарищам, порой хвастающим по поводу ловкости «хуков», мы говорим: «Не умаляйте сил врага!».

Кто же этот враг?

Некоторые утверждают: этот враг — правительство. Правительство издает плохие законы и принимает решения, которые идут во вред народу; оно защищает помещиков и чужестранцев, а в ответ на жалобы народа поворачивается к нему спиной.

Другие говорят: этот враг — помещики. Они владеют землей, тогда как большинство крестьян не имеют ничего, они забирают львиную долю урожая, они заносчивы и нанимают гражданскую стражу, чтобы терроризировать крестьян.

Третьи считают: этот враг — жандармы. Это они стреляют из своего оружия в народ, когда тот пытается отстаивать свои права. Смогли бы помещики или правительство удерживать долго власть, если бы не опирались на этих головорезов из жандармерии?

Нет, этот враг — империализм, говорят некоторые.

* Том Пэн (1775—1783 гг.) — американский политический деятель и публицист, революционный демократ (родился в Англии в 1737 г.), переселившийся в США в 1774 г. и принимавший активное участие в борьбе американского народа за независимость против Англии. — *Прим. перев.*

Именно империалисты подкупают правительство и отдают ему приказы, это они снабжают оружием жандармерию и обрекают страну на нищету, не позволяя ей развивать отечественную промышленность.

Получается, таким образом, что врагов много. Но вот находится человек, который говорит: «Погодите. И в правительстве найдется немало хороших людей. Некоторые из них даже оказывают помощь „хукам“. Да и не все помещики так плохи. Некоторые из них отдают крестьянам справедливую долю урожая и относятся к ним хорошо. Некоторые даже снабжают „хуков“ рисом. Что же касается жандармов, то разве многие из них не дезертировали и не присоединялись к „хукам“, не бросали боеприпасы во время операций, чтобы мы смогли подобрать их?».

Сейчас некоторые из наших врагов переходят к нам. Мы неустанно ведем пропаганду: «Филиппинцы, не сражайтесь против своих братьев!». Во время революции происходят сложные процессы; участники ее нередко переходят на другую сторону. Некоторые из бывших «хуков» действуют ныне против нас, став нашими врагами.

Итак, кого же считать врагом? Враг — это тот, кто говорит «да» эксплуатации и ограблению, издевательствам над человеком. А друг — тот, кто говорит: «Нет, я против всего этого».

26

Во время второй мировой войны в военно-воздушных силах США была издана брошюра под названием «Памятка для спасения жизни». В ней содержались советы летчикам, вынужденным сделать посадку в джунглях. Советы о том, как ориентироваться в данной местности, как развести огонь и, что интереснее всего, как найти себе пропитание. По мнению составителей брошюры, леса буквально изобилуют источниками пищи, зверями и птицами, разными съедобными корнями, плодами, насекомыми.

Интересно, много ли летчиков спаслось в тропических лесах? Даже если человек и располагает необходимым оружием, не так-то легко убить кабана или оленя. А если ему вообще нельзя стрелять, чтобы не привлечь внимание врага? Рыбу также не выловишь голыми руками. А что до съедобных корней, плодов и насекомых, то они словно иголки в огромном стоге сена, имя которому лес.

Предположим, что одному затерянному в лесах человеку, быть может, и удастся, пошарив кругом, найти какой-нибудь росток съедобное насекомое, но что делать целой сотне людей в лесу, когда иссякнут их запасы? Что делать армии национального освобождения, если ее опорные пункты в городах уничтожены? Это критическая проблема, решить которую продовольственные базы не в состоянии: чтобы вырастить урожай, нужны три месяца.

Кое-что в лесу действительно годится в пищу, но этого мало. Так, есть «убод», пресловутый «убод». Это сердцевина деревьев из семейства пальмовых — хрустящая мякоть в стволах в местах ветвления листьев. Можно, не преувеличивая, сказать: «убод» — это «национальное» блюдо «хуков». В радиусе нескольких миль от каждого лагеря «хуков» выведен весь «убод» из деревьев «тукионг», «анибонг», «каонг», «дулог»*, и даже из горьковатого ротанга. Лучше всего «убод», добываемый из кокосовой пальмы, однако кокосовые орехи служат источником пропитания для многих, а поэтому мы не срезаем эти пальмы. «Убод» можно есть в сыром или вареном виде, в любом случае он бесцветен и безвкусен, а питательность его ничтожна, однако это лучше чем ничего.

Есть и светло-зеленая хрустящая разновидность папоротника, именуемая «пако», растущая по берегам ручьев. Есть дикорастущее плодое дерево «катмон», дающее чрезвычайно кислые зеленые плоды, кожа с которых снимается, как капустные листья. Все плоды, попадающиеся в чаще лесов, кислы, горьки, терпки, как терпка сама борьба за национальное освобождение.

Но лучше всего уродливая длинная лесная ящерица «байявак». Мясо ее нежное и вкусное, несколько напоминающее курятину. И когда, возвращаясь с охоты, кто-нибудь притащит волоком «байявак», держа ее за зубчатый хвост, его встречают приветственными возгласами. Порой удастся набрать целую банку улиток. Можно зажарить на сковороде лягушку, предварительно сняв с нее кожу. Но эти блюда — редкость, их хватает только на то, чтобы один раз поесть обитателям одного барака, а чем питаться дальше?

* Разновидности растущих на Филиппинах деревьев из семейства пальмовых.

В «Памятке» говорилось, что поджаренные цикады чрезвычайно вкусны.

Но пробовал ли кто-либо в чаще лесов поймать цикаду?

27

Июль 1950 г.

Наш опорный пункт в городе подвергся неожиданному разгрому.

Люди из отряда «балутан» являются поутру с пустыми мешками. Занятые на полях жители предупредили их, чтобы они не ходили в город. Там появился отряд филиппинской жандармерии, прибывший на грузовике вместе с одной из наших связных — молодой девушкой, которая указала местонахождение нашего опорного пункта. Находившийся там человек был зверски избит, брошен в грузовик и увезен в штаб-квартиру жандармерии в Санта-Крус. Итак, мы остались без припасов и очутились в опасном положении.

Девушка была связной одного из районов в провинции Батангас. Она обеспечивала связь между отдельными опорными пунктами; местоположение нашего лагеря ей неизвестно. Однако враги понимают, что там, где есть опорный пункт и подготовлены припасы, неподалеку находятся «хуки». По меньшей мере они выставят заградительные отряды и попытаются заморить нас голодом. Аламбре пожмает плечами.

— Ну что же, мы создадим временно новый опорный пункт в каком-нибудь другом городе.

Все это кажется просто, но на всякий случай наш барак урезывает сегодня вечером паек наполовину.

Утром сидим в бараке, готовя новые учебники к следующим нашим курсам, как вдруг слышим сильный грохот откуда-то из леса. Стреляют из миномета! Мы выполняем из барака и стоим в тревожном ожидании под деревьями. Через мгновение вновь раздается страшный грохот откуда-то справа. Это стрельба наугад; враг знает, что мы находимся где-то поблизости, но точное наше местонахождение ему неизвестно.

Обсуждаем положение, стараясь отнестись к нему спокойно.

Четверть часа продолжается эта пальба из минометов

на участке леса между лагерем и городом. Затем она смолкает, и в лесу вновь воцаряется привычная тишина, которая кажется теперь неестественной. Обуреваемые сомнениями, возвращаемся в барак. Не сложить ли на всякий случай вещи?

Вопрос решается после возвращения очередного патруля, который высылается на разведку каждое утро. Он сообщает, что в пальмовых рощах на краю леса полно жандармов. Сразу же снаряжается отряд нашей службы охраны, чтобы устроить засаду на тропе на полпути к лагерю.

А мы тем временем складываем вещи. На этот раз все делается по заранее подготовленному плану, без всякой паники. На некотором расстоянии от лагеря вырыта яма, куда переносится все наше более громоздкое имущество, а затем это место маскируется. С течением времени наши люди смогут вернуться сюда и постепенно забрать все, что здесь оставили.

Решено перейти в лагерь Джи Уай, расположенный на расстоянии одного или двух часов ходьбы в глубь леса, в стороне от основных троп, по которым может направиться враг.

28

Жизненный путь Джи Уай достоин восхищения. Это беззаветно преданный делу революционер. Единственная цель его жизни — полное национальное освобождение Филиппин. Большинству руководителей «хуков» удалось воспользоваться короткой передышкой между концом войны против Японии и началом нынешней борьбы и пожить в нормальных условиях на воле. Джи Уай после тягот прошлой войны почти сразу же взвалил на себя бремя нынешней борьбы.

Его происхождение несколько необычно для революционера: сын помещика из провинции Пампанга, но также и внук генерала, принимавшего участие в революции 1896 года; студент иезуитского университета «Атенео де Манила». Симпатии Джи Уай оказались на стороне крестьян. Оставив молитвы, он включился в движение протеста, занялся политической экономией, стал одним из активных сподвижников социалиста Педро Абад Сантоса в Пам-

панге. В 1940 году Джи Уай был избран мэром своего родного города Араят по списку социалистической партии. В следующем году в страну вторглись японцы. Он открыл городские склады риса для выдачи населению и ушел в подполье, где стал заместителем командующего армией «Хукбалахп». Когда в 1945 году американские войска высадились на Филиппинах, Джи Уай был временным губернатором освобожденной «хуками» Пампанги. Американские власти сразу же арестовали его за антиимпериалистическую деятельность, засадив вместе с другими активными «хуками» в концентрационный лагерь. Он находился там несколько месяцев, а затем, в результате массовых крестьянских демонстраций, был освобожден. Вскоре Джи Уай ушел в подполье, чтобы присоединиться к «хукам», скрывавшимся от преследования помещиков. Он был первым крупным руководителем движения, вернувшимся в зону гор и лесов.

И вот сейчас он громко приветствует нас из своего дома, расположенного на противоположном берегу глубской речки. Мы переправляемся через нее по узкому, покачивающемуся бревну. Моя шаткая походка на этой переправе вызывает у него улыбку, ту кривую улыбку, которая придает его лицу китайский облик и повинна в кличке Гуан Йек, или Джи Уай — по начальным буквам этого имени. Его рукопожатие жестко и крепко, как крепки его тощая фигура и ум.

Джи Уай — руководитель военного отдела движения. Этот дом в чаще лесов — его штаб-квартира. Он стоит одиноко под сенью деревьев у излучины реки — огромный, неуклюжий дом, известный по всему району Сьерра-Мадре как «Большой дом». (Он был построен для совещания, состоявшегося в конце 1949 года, где было решено, что на Филиппинах сложилась революционная ситуация, благоприятствующая переходу власти в руки народа). Из этого дома исходят теперь директивы, которые направляются в полевые командования «хуков» по всей стране.

Подготовка к захвату власти займет два года — таково было мнение участников совещания. Джи Уай не согласился с ними. На это потребуется десять-пятнадцать лет вооруженной борьбы, заявил он. Поскольку уже почти девять лет он участвует в партизанской борьбе, это значит, что он готов вести ее в течение двадцати или двадцати пяти лет. Не удивительно поэтому, что империалисты скреже-

щут зубами от злобы, которую вселяет в них подобный противник.

Готовясь к столь продолжительной борьбе, Джи Уай стремится сохранить энергию для предстоящих решающих боев и испытаний. В любой ситуации он действует спокойно и обдуманно, а когда другие волнуются, лишь улыбается. Он даже ест очень медленно, чтобы хорошо переваривать пищу. В моменты опасности он дольше всех медлит укладываться и эвакуироваться. Незачем спешить, говорит он. Враги не так глупы, они не станут торопиться туда, где их могут пристрелить.

Стремясь утвердить подобное настроение у врага, Джи Уай старательно практикуется в искусстве меткой стрельбы. Задняя часть Большого дома выходит на речку; он просиживает там с пистолетом Люгер, стреляя в зарывающихся в ил рыб. Я хорошо помню этот пистолет. В свои кратковременные наезды в Манилу Джи Уай останавливался у нас с Селией. Иногда он оставался в доме один. Возвращаясь домой, я заставал его притаившимся на верху лестницы с Люгером наготове.

Поскольку лес стал постоянным обиталищем для Джи Уай, он устраивается в нем по-домашнему. На столе стоит скромная, но изящная полка с книгами. Будучи любителем музыки, Джи Уай обзавелся патефоном, который заводит после ужина и слушает, лежа в темноте на циновке. У широкой и глубокой излучины реки устроен трамплин для ныряния, сделанный из неотесанной доски. На большом суку, нависшем над водой, подвешен ротанговый канат для акробатических упражнений в воде. По его словам, он должен быть физически подготовлен к длительной борьбе. Когда у Джи Уай случается приступ малярии, он бежит рано поутру к реке и ныряет в холодную воду.

Мужество, говорит он, лучше всяких лечебных процедур.

29

В Большом доме Джи Уай мы развязываем поклажу, вытаскиваем пишущие машинки и снова принимаемся за свою привычную деятельность. В случае необходимости я могу обойтись одним карандашом и блокнотом, чтобы писать тексты листовок и учебников.

На противоположном берегу реки наспех сооружается новый лагерь. Слышен звон топоров и «боло», стук падающих деревьев. Впечатление такое, будто строится новое поселение где-то в лесистых районах штата Огайо в былые времена. Люди идут, сгибаясь под тяжестью огромных связок листьев «анахау», или несут длинные шесты для остовов вновь строящихся бараков. Раскачиваются на ходу подвешенные к поясу «боло». Одежда потемнела от пота. Линия снабжения пока еще полностью не восстановлена, но люди уверены, что она вскоре наладится. Действительно, через несколько дней мы опять получаем свой обычный полный паек, насколько вообще его можно считать полным.

Говорят, что новый лагерь будет долговременным, с дощатыми полами и стенами. Покинутый старый лагерь остался невредим: враги прошли лишь небольшое расстояние в глубь леса и вернулись восвояси, не дойдя даже до места, где притаился дозор. Но, поскольку старый лагерь находился близ всем хорошо известной тропы, более смелые неприятельские отряды могли бы легко обнаружить его. Здесь положение другое. Враг, говорят наши люди, никогда не дерзнет проникнуть так далеко в чащу лесов.

Люди поют за работой. Она кипит как здесь, так и во внешнем мире, ибо непрерывно приходят и уходят связанные. Им безразлично, где находится наша штаб-квартира. Мы — это некая неподвижная точка; меняется лишь окружающий нас мир.

30

В лагере заседает военно-полевой суд.

Судят одного из бойцов схраны по имени Ит, который всего две недели назад женился на одной из девушек-связных. Весь лагерь отпраздновал это событие, так как Ит пользовался популярностью. А теперь ему предъявлено тяжкое обвинение: дезертирство во время налета врага.

Когда несколько дней назад враг проник в чащу лесов, он находился в дозоре, посланном, чтобы выследить неприятеля. Он самовольно оставил свой боевой пост, сказав находившемуся рядом с ним бойцу, что у него разболелась голова, и вернулся в лагерь. Ит заявил, что у него началось головокружение и он опасался, что совершит какую-

нибудь непростительную ошибку, если возникнет бой. Однако никто не сомневался в том, что он вернулся, чтобы в минуту опасности быть рядом со своей женой Анитой.

В лагере не слышно ни звука. На реке не полощут сегодня белье. Замерли и топоры. У очага в Большом доме сидят на корточках, согнувшись, двое дежурных, готовя обед; их тихий шепот едва заглушает легкое постукивание крышек на кухонных горшках. Мы сидим с Селией, делаем записи в наших блокнотах и прислушиваемся к окружающей нас тишине.

Ит не находится под стражей, его просто обезоружили. Он ветеран партизанской войны с японцами и говорит, что готов принять любое наказание, которому движение сочтет необходимым подвергнуть его. Но ему, естественно, не сидится. Он бродит по лагерю, из одного барака в другой, за ним следом идет Анита. Он заходит и садится на мгновение на верхней ступеньке каждого крыльца. Товарищи улыбаются и здороваются с ним, как будто ничего не случилось, но тут же отводят глаза.

Натянуто улыбаясь, он заходит в Большой дом, подходит к патефону Джи Уай, который он так любит заводить, и кладет на его диск пластинку. Это популярная песня «В отчаянии». Ее скорбные звуки навевают тяжелую тоску. Ит стоит, угрюмо слушая, затем снимает пластинку и осторожно кладет ее в сторону. Он уходит, ступая словно автомат. Вслед за ним идет Анита.

Заседание военно-полевого суда закончено. Сопровождаемые пристальным взглядом всех, трое выходят из барака, где заседал суд, и расходятся в разные стороны. Джи Уай приходит в Большой дом и, усаживаясь на полу около нас, говорит о решении суда. Приговор гласит: расстрел. Он должен быть приведен в исполнение немедленно. Это суровый приговор, но борьба вступает в решающую фазу, и от всех и каждого требуется соблюдение строжайшей дисциплины. В состоянии ли мы противостоять врагу в бою, если каждый боец станет сам себе командиром? Можем ли мы позволить себе быть гуманными в мелочах, подвергая опасности более широкие аспекты гуманности? Ит должен лишиться жизни, чтобы другие поняли, как за нее бороться.

Приговор будет приведен в исполнение в три часа. Старшинам всех барачников отдан приказ запретить всем покидать их после полудня. Застыв в тревожном ожидании,

мы выглядываем и видим, как меж деревьев проходит отряд вооруженных винтовками людей с Итом посредине. Шагая в ногу с ними, он идет с поднятой головой. Они исчезают в густой листве у края лагеря. С замирающим сердцем отсчитываем время. Обрывистый залп гулко звучит в тишине.

Возвращаются бойцы команды, которой был поручен расстрел. На их глазах слезы.

31

Я обсуждаю с Селией, как нам вести себя в случае внезапного нападения врага на лагерь. Он может напасть на нас совершенно неожиданно, внезапно подвергнуть обстрелу. Такие случаи уже бывали. В такой момент некогда раздумывать, собирать пожитки или заботиться о безопасности друг друга, если вам вообще суждено остаться в живых и избежать плена.

Муж и жена, естественно, стремятся защитить один другого. Но мы включились в борьбу, чтобы сражаться за общее дело. В нашем движении в расчет принимаются лишь общественные интересы, а не интересы отдельных личностей. Мы договариваемся поэтому, что, когда наступит подобный момент, никто из нас не будет ждать и заботиться о благе другого.

Я гляжу на Селию и с ужасом представляю себе это нежное создание в руках врага.

Таковы решения, которые приходится здесь принимать.

32

В чаще лесов нет места приволью. Куда ни глянешь, всюду высится стена из деревьев, стена со всех сторон и даже сверху, где она прикрывает небо. На просторе перед тобою открыты горизонты, здесь же единственный простор — это тот, что заключен в твоём сердце.

Находясь в городе, живя открыто, но действуя в подполье, мы чувствовали себя придавленными, знали, что за нами следят. Из окон нашего дома мы пристально вглядывались в темноту улицы: кто это стоит там под фонарем на углу? Когда мы ехали в автобусе, то думали: сколько тай

ных агентов уселось между нами и входной дверью. Мы жаждали найти убежище в чаще лесов, где никто не следил бы за нами и не мог бы схватить нас.

Теперь мы находимся здесь, в чаще лесов, где никто не волен передвигаться как ему заблагорассудится. Никто не вправе прохаживаться по лесной тропе. Лишь те, кто отправляется на задания, проходят беспрепятственно мимо дозорных патрулей, расставленных на внешней границе лагеря. Иначе могут возникнуть подозрения; к тому же по лесным тропам ходят и враги.

Порой, очутившись сами на тропе, мы пробираемся извилистым путем сквозь заросли к реке. Переходя через нее, мы останавливаемся посередине, глядим на неожиданно открывшееся над нами небо, нежмся на солнышке, дышим на просторе вольным воздухом, любуемся голубой чашей неба. На мгновение мир раскрывается перед нами, а затем мы вновь забираемся в чащу лесов, словно испугавшись яркого света дня.

Невольно думаем о том, что когда-нибудь настанет время покинуть чащу лесов и вернуться на открытые просторы городских улиц.

Революционер, борющийся за свободу, меньше всех пользуется ею сам: он ощущает ее лишь в душе.

33

Август 1950 г.

Люди в районе Сьерра-Мадре чем-то взбудоражены. Джи Уай укладывает свои вещи и отправляется куда-то на несколько дней — на совещание, говорит он туманно. Он возвращается очень усталый, весь в грязи и долгое время сидит на берегу реки, погрузив ноги в воду, перед тем как окунуться в нее. Мокрый, он приходит в дом, растирает тело докрасна и снова кажется очень бодрым, но ни слова не говорит о том, где ему довелось побывать.

Все чаще стали прибывать связные с донесениями из Секретариата в Маниле. Джи Уай засиживается допоздна, углубившись в бумаги и карту, он что-то пишет. Мы не задаем ему никаких вопросов: из соображений безопасности мало о чем в нашем движении говорят открыто. Нам поручают приготовить листовку к 26 августа — дню боевого клича, брошенного в Балинтаваке. В этот день в

1896 году участники тайной патриотической организации «Катипунан» подняли восстание против Испании. Листовка должна содержать пламенный призыв к народу, оказать поддержку «хукам» в свержении империалистических макионеток. Огромные кипы таких листовок печатаются на mimeографе и уносятся из лагеря в мешках.

По тропам, пролегающим близ нашего лагеря, направляются к югу крупные группы вооруженных «хуков» из расположенных севернее полевых командований. Командиры этих групп и еще какие-то лица приходят на совещание к Джи Уай; они снаряжены налегке, но увешаны боеприпасами. У них строгий, уверенный вид людей, отправляющихся выполнять особое задание.

Через лагерь проходят и другие группы, идущие из продовольственных баз. Они несут привязанные к спинам порожние мешки, подобно отрядам «балутан», направляющимся по нарядам службы снабжения. Такое передвижение работников продовольственных баз кажется необычным. Словно все обитатели леса пришли в движение.

Вечером 25 августа, когда мы собираемся уже ложиться, приходит Джи Уай. Он кажется спокойным.

— Надобность в соблюдении тайны уже отпала, — говорит он. — Теперь я могу сказать вам все. Сегодня ночью мы захватим Санта-Крус.

34

Понемногу мы узнаем о том, что произошло в Санта-Крус. По радио диктор скороговоркой передает искаженное, почти бессвязное сообщение о том, что тысячи невест откуда взявшихся «хуков» проникли в города и военные лагеря не только в Санта-Крус, но и в других местах — Южном и Центральном Лусоне, захватили крупную штабквартиру жандармерии в лагере Макабулос в Тарлаке, весь ее гарнизон перебили, а казармы стерли с лица земли. Что же касается Санта-Крус, то этот город, говорит диктор взволнованным голосом, находится в руках «хуков».

В середине дня прибежал связной из Лонгоса. Он ушел из города в десять часов утра, когда все еще доносились звуки стрельбы из Санта-Крус, и в небе повис огромный столб черного дыма. Вскоре после полуночи был поднят по тревоге отряд жандармов в Лонгосе. Командир отряда

помчался со своими людьми на «джипе» в Санта-Крус. Однако близ Лумбанга они натолкнулись на баррикаду из кокосовых пальм, сваленных поперек дороги, и были обстреляны засевшими в засаде «хуками». Они повернули обратно в Лонгос, но не успели прибыть туда до того момента, как «хуки» или городские партизаны обстреляли казармы жандармерии, после чего весь отряд бежал.

На рассвете связному удалось забраться на грузовик, переполненный любопытствующими местными жителями. Он проехал по шоссе к району ожесточенных боев в Санта-Крус. Однако баррикада близ Лумбанга все еще не была снята, ее патрулировала группа «хуков», которые вежливо уговаривали людей: «Не ездите туда. Поостережемся врага». Повсюду вдоль дороги люди высыпали из домов, расхаживали по шоссе, весело улыбаясь, и оживленно обменивались репликами: «„Хуки“ бьют жандармов». Группами собирались они у баррикады, спрашивая «хуков»: «Правда, что вы находитесь теперь у власти?». Все это было похоже на какое-то празднество.

Только двое суток спустя, когда прибыл специальный связной с вооруженным эскортом, мы получили подробное донесение. Он принес увесистую черную сумку, содержимое которой высыпает теперь на стол. Вот лежит она там, груда перевязанных пачек песо, десятки тысяч песо — деньги, конфискованные для борьбы.

От курьера мы узнаем всю правду о налете на Санта-Крус.

Четыреста «хуков», разделенных на две главные группы, сосредоточились к востоку и западу от города, ожидая в укрытии заранее назначенного часа. Когда этот час наступил, они в подготовленных для них грузовиках направились в Санта-Крус одновременно с обоих направлений. В это время другие отряды, укрывшиеся в засадах по всем дорогам, ведущим в город, валили деревья поперек шоссе и перерезали телефонные провода.

Перед нами проходили картины: возбужденные от волнения бойцы, заполнившие грузовики, которые мчатся к контрольным постам при въезде в город и у входа в лагерь жандармов. Слепленные фарами жандармы, которые как ни в чем не бывало подходят к машинам для обычной проверки и падают, сраженные пулями тут же на дороге. Люди с винтовками, бросающиеся врассыпную, спешащие выполнить свои задания.

В лагере филиппинской военной полиции переполох. Командиров, захваченных на квартирах, тут же расстреливают. Повсюду жандармы сбегают в бегство. Некоторые убегают в топкие болота у озера Лагуна-де-Бай и зарываются в грязь. Другие пытаются укрыться в городских домах. Однако многие во главе с лейтенантом остаются в бетонированной казарме, превращая ее в крепость. «Хуки» окружают здание, начинается ожесточенная осада. Поставлена задача полностью уничтожить весь гарнизон. Ночь оглашается звуками беспорядочной пальбы.

Занимаются и все другие объекты в городе: тюрьма, откуда выпускают на свободу несколько «хуков», а одного из заключенных, ставшего осведомителем, пристреливают тут же в камере; банк, куда доставляют кассиров и приказывают им открыть сейфы; больница, где один из наших работников собирает, как ему было поручено, медикаменты. Осведомителей, адреса которых были известны заранее, выводят на улицу и расстреливают.

Правительственные здания и казармы поджигаются. Зарев пожара освещает город. Горожане высыпают на улицы, несмотря на то что «хуки» уговаривают их оставаться дома. Они обнимают «хуков», выносят им еду. Люди указывают места, где скрываются жандармы. Участники налета по заранее заготовленному списку, составленному разведывательными постами, взламывают помещения торговых заведений, принадлежащих элементам, враждебно относящимся к движению, и конфискуют консервы, одежду, обувь — все, что может пригодиться в горах. Горожане помогают грузить товары на машины, а то, что нельзя увезти, «хуки» пересдают им; люди спешат по улицам, сгибаясь под тяжелой ношей. Попытки взламывать помещения торговых заведений, не значащихся в списке, пресекаются вооруженной охраной. В зареве пламени с грузовика один из «хуков» с винтовкой за спиной произносит речь, в которой клеймит преступные действия жандармов, их издевательства над народом, клеймит правительство изменников, продающих свою страну империалистам. Он призывает народ оказывать поддержку «хукам». Специальные группы раздают листовки собравшимся на рыночной и городской площадях, забрасывают их во дворики домов. Все охрипли от криков.

Всю ночь и на рассвете продолжается осада казармы. В нее бросают бутылки с горючей смесью, она окутана чер-

ным дымом и изрешечена сотнями пуль, но все еще держится. У дверей казармы поджигают бочки с бензином, однако жандармы отчаянно защищаются. За казармой находят командира лагеря, спрятавшегося в порожней бочке от бензина. Он умоляет о пощаде, обещая отдать приказ своим подчиненным сдаться, но «хуки», уже потерявшие терпение, расстреливают его. Время истекает.

Эрнинг, один из лучших военных руководителей «хуков» в провинции Пампанга, стоя на грузовике, руководит обстрелом казармы. Пуля сражает его. Эрнинг — один из трех «хуков», погибших во время налета.

Вся эта операция по захвату города партизанами проводится несколько грубо и топорно, однако так именно сражается народ в гражданскую войну.

Уже давно занялось утро. Самонте, командующий излетом, опасается воздушной атаки. Могут прилететь самолеты и настигнуть грузовики на дороге. Поэтому он объявляет отбой. Все отряды на машинах уходят на большой скорости из города.

В Санта-Крус воцаряется непривычная тишина. Все еще клубится дым пожаров, резко пахнет порохом. На улицах валяются разбросанные и затоптанные товары, тут и там лежат трупы застреленных жандармов. Однако все горожане уже исчезли, поторопившись вернуться домой до того, как нагрянут войска.

Лишь спустя несколько дней Самонте прибывает по тропе в Большой дом. Медленно и устало ступает он по бревнам, перекинутым через реку. Рослый, костлявый, стоит он неуклюже перед домом.

— Мы потеряли Эрнинга, — говорит он и снимает шляпу.

35

Наша революционная борьба имеет свою стратегию и тактику. Цель этой борьбы — не разрушение и смерть, а созидание и возрождение.

Вопреки кажущейся неорганизованности эта революция не является хаотичной или стихийной, она управляется людьми, обладающими научными знаниями об обществе, с точным учетом основных сил союзников и резервов.

После больших споров руководство движения пришло к

выводу, что на Филиппинах сложилась революционная ситуация. Согласно социально-научному определению, революционная ситуация возникает тогда, когда правящие круги оказываются больше не в силах править прежним путем, а народные массы не могут больше мириться с прежним образом правления. Здесь, на Филиппинах, по мнению руководства, правящие круги дискредитировали себя, прибегнув к обману, террору и ущемлению прав народа. Народ не может больше терпеть, он готов прибегнуть к крайнему средству — оружию.

Вот как расценивают руководители сложившееся положение:

Главный враг — империалисты, а их союзники — это марионеточные компрадорские группы. Они под защитой вооруженных сил и карательных органов государства. Их резервы — непросвещенные, нейтральные народные массы.

Основная сила революции — союз крестьян, рабочих и интеллигенции. Их союзники — все элементы, которые страдают от эксплуатации. Их боевой революционный авангард — все те, кто готов вести активную борьбу. Их резервы — непросвещенные, нейтральные народные массы.

В настоящее время боевые силы обеих сторон уже вступили в борьбу. Революционная ситуация перерастает в революционный кризис, который становится кануном перехода власти в другие руки. Нынешний период — период подготовки стратегической задачи захвата власти. Наши тактические задачи — действия, которые способствуют эффективной мобилизации союзников революции и ее резервов для усиления натиска на главного врага и его союзников.

Основная задача в данное время — борьба за резервы, за непросвещенные, нейтральные массы. Чтобы побудить их стать на сторону революции, необходимо усилить накал борьбы, продемонстрировать мощь революционных сил и разоблачить слабые стороны правящих кругов. Мы делаем это двояким путем: пропагандой словом и пропагандой действием; ведя разъяснительную работу среди народа, показывая ему примеры активной борьбы и втягивая его в борьбу. Вот почему принимаются меры к росту Армии национального освобождения. Вот почему совершаются вооруженные налеты на карательные органы государства и временно захватываются города, чтобы показать народу силу Армии национального освобождения.

Педринг, один из бойцов нашей внутренней охраны, раскалывает перед Большим домом бревно на дрова при помощи «боло». Я выхожу, сажусь на полено и слежу за его работой. Его удары ловки, без лишних движений.

— «Ка» * Педринг, — спрашиваю я, — какое значение для тебя имел бы захват власти?

Он останавливается на одно мгновение, чтобы взглянуть на меня.

— Большое, — говорит он и продолжает свою работу.

— А именно?

Он раскалывает несколько поленьев, а затем говорит:

— Я почувствую, что нахожусь у власти. Конечно, я не стану одним из тех, кто будет вершить большие дела в стране. В нашем лагере я не играю решающей роли. Это сделают люди с большим умом, такие, как Джи Уай. Я же буду продолжать работать так, как я это делаю сейчас, зная, что моя работа также имеет важное значение.

В своем родном городе я больше почувствую, что нахожусь у власти. Сегодня у власти помещики. Чтобы получить работу, нужно верно служить их интересам, угождать перед ними. Помещику достаточно шевельнуть пальцем, чтобы жандармы защитили его собственность. Но если крестьянин просит защиты у военной полиции против помещика, его поднимают насмех или даже избивают. Как вы знаете, крестьянину суждено быть рабом помещика.

С переменой власти все станет иначе. Работа будет предоставляться людям способным и преданным интересам всего общества. Всем будут руководить комитеты, и народ будет выбирать эти комитеты, не подвергаясь никакому давлению. Быть может, и я стану членом одного из комитетов, мне бы хотелось этого. Мне кажется, что я мог бы помочь в решении многих вопросов в нашем городе.

Думаю, что у меня будет тогда больше еды, будет обувь и лучшее жилище. Мои дети станут учиться в школе.

* Сокращенно от слова «касама» — товарищ.

Все мы получим хорошее образование. Большая часть денег пойдет на наши собственные нужды, а не в карманы помещиков, политических прихвостней или чужеземцев, которые вывозят все богатства из страны.

Однако важнее всего, по-моему, то, что между всеми нами установятся, как в нашем лагере, хорошие, товарищеские отношения, никто не будет обижать, обманывать другого или выступать против него. У всех будут равные права, и мы будем помогать друг другу.

Он замолкает на мгновение.

— Я смогу запросто зайти в кабинет к руководителям моей страны, и они отнесутся ко мне по-товарищески.

37

Молодая девушка в белом платье сидит, перепуганная, в окружении мужчин. Это Вирджи, связная. Схваченная врагами, она раскрыла им местонахождение наших опорных пунктов в Лонгосе и других городах. В результате были арестованы и подвергнуты пыткам несколько человек. В нашей деятельности возникли значительные осложнения. Во время налета на Санта-Крус Вирджи была освобождена из тюрьмы. Ее брата убили во время нападения на казарму жандармов. Теперь она здесь перед революционным судом.

Она признает, что проболталась. Но ведь товарищи должны понять, что ее пытали. Враги насильовали ее издевались над ней... Широко раскрытые, полные слез глаза скользят по лицам окружающих. Пока продолжается этот, казалось бы, столь спокойный допрос, в бараке сгущаются тени приближающегося вечера. Все, что занесено на бумагу, предъявляется Вирджи. Она ставит под этим свою подпись.

Занимается вечер, лазурные тени ложатся на подножие леса. Чего-то ждет группа вооруженных людей. Это команда, наряженная для расстрела, — предательство в нашей борьбе наказывается строго.

Менонг, боец службы охраны, рассказывает, обезоруженный, по лагерю. Его застали ночью спящим на стожке на посту. Лагерь встревожен. Мысль о судьбе, постигшей Ита и Вирджи, витает во всех бараках.

Однако движению не свойственно стремление к крова-

вым расправам. Никаких поспешных решений о наказании Менонга лишь потому, что были наказаны другие, не выносятся. Скорее наблюдается тенденция тщательнее соблюдать справедливость. Назначается комиссия по расследованию обстоятельств дела, которая в течение двух дней изучает все относящиеся к делу факты.

Факт первый. В ночь, предшествовавшую этому случаю, Менонг работал в отряде «балутан» и нес припасы из города. Его поставили дозорным, не дав выспаться. Факт второй. Дежурный командир проявил халатность, не делал положенных регулярных обходов сторожевых постов. Факт третий. Сторожевой пост, на который был поставлен Менонг, был сделан в виде удобного бамбукового сиденья, располагающего скорее к дремоте, чем к бодрствованию.

Все эти обстоятельства оживленно обсуждаются и взвешиваются. Некоторые требуют смертной казни для Менонга, но такие составляют меньшинство. Наконец выносятся приговор: три года тяжелой работы — колоть дрова, переносить поклажу, готовить пищу для своих товарищей. Тяжелее всего дополнительное наказание: он должен быть обезоружен.

Менонг ходит по лагерю с топором на плече, словно с ружьем, но опустив глаза, понимая, что он теперь больше не воин.

38

Сентябрь 1950 г.

Оказывается, мы были слишком самоуверенны и теперь расплачиваемся за свою беспечность.

Нападение на Санта-Крус, казалось, деморализовало врага в этом районе. Поэтому, не дожидаясь обследования положения в низинах, мы решили послать связных к центральному командованию в Маниле с рапортом о подробностях налета и с частью денег, конфискованных в Санта-Крус. Две молодые девушки — связные Джи Уай и мальчик по имени Руминг готовятся к этому походу. Они приятно взволнованы предстоящим уходом в город, где смогут в награду сходить в кино. Донесения и деньги прячутся между двумя слоями листьев «пандан», из которых сплетены хозяйственные сумки-корзинки «байонг». Они уходят, сопровождаемые вооруженной охраной, и до нас доносятся их оживленные голоса.

Рано поутру охрана поспешно возвращается. Бойцы страшно расстроены. Они принесли тревожные вести. Как обычно, с наступлением ночи они привели связанных к окраине города, и те прошли в город, как всегда, между определенными домами. Однако через несколько мгновений началась большая суматоха, слышались крики и звуки выстрелов. Когда бойцы вернулись, чтобы выяснить, что случилось, город был полон жандармов. Едва избежав столкновения с ними, они прождали некоторое время у наружного поста в роще кокосовых пальм, но никто не явился, и похоже, что все наши связанные попали в руки врага.

Наступило тревожное время. Никто в лагере не может работать. Пополудни тревога несколько ослабевает. Возвращается Руминг! Мы вне себя от радости, пока не узнаем от него, что произошло. Связные были уже почти около дома, где находится опорный пункт, как вдруг натолкнулись на двух жандармов. Все трое пустились в бегство, пытаясь пробраться в какие-нибудь дома, но их обитатели закрыли с перепугу все двери, опустили оконные щиты из листьев «нипа» *. Руминг видел, как обеих девушек, у которых в руках были хозяйственные сумки-корзинки «байонг», схватили на расстоянии всего нескольких футов от него, а сам он благодаря маленькому росту незаметно прокрался между домами и скрылся в темноте.

Как же нам быть теперь? Делать нечего, остается лишь ждать и тревожиться. Даже из беглого ознакомления с донесениями врагу станет ясно, что руководящие органы движения находятся где-то поблизости. Нам придется разослать патрули во всех направлениях, чтобы разведать о передвижениях врага. Руминг предлагает свои услуги; ему всего десять лет. Он считает, что не справился с заданием как связной, и стремится искупить свою вину. Джи Уай, усмехаясь, дает согласие. Карабин Руминга почти с него. Он отправляется вместе с Сису, юным конвоиром и другом Самонте.

Под вечер на некотором расстоянии, со стороны рощи кокосовых пальм, слышится стрельба, сначала единичные выстрелы, а затем в течение трех-четырех минут длинные частые очереди. Потом наступает тишина. Мы лежим со сложенными пожитками, ожидая, когда она кончится, од-

* Низкорослая пальма, листья которой используются в строительстве домов.

нако проходит ночь и ничто не нарушает ее. Утром возвращаются патрули.

Они приносят много известий и все плохие. Лонгос полон вооруженных до зубов жандармов, к ним прибывают на грузовиках новые подкрепления. Всех крестьян согнали с полей, запретили уходить в лес или в рощи кокосовых пальм. Жителей нанимают в качестве носильщиков для переноски военного снаряжения. Все говорит за то, что готовится крупная операция, которая, вне сомнения, будет проведена в чаще лесов.

Что же касается стрельбы, то об этом следует рассказать особо, и это делает Руминг. Он и Сису, ведя разведку в пальмовой роще, натолкнулись на целую роту жандармов. Врагов сопровождал провозник, которого Руминг узнал, — это бывший «хук» Кабальес, ставший осведомителем. Оба юных «хука», ни минуты не колеблясь, припали на колено и открыли огонь по вражеской роте. Пули попали в Кабальеса и одного из полицейских, оба упали. А затем юные «хуки» бежали под градом пуль всего вражеского отряда и благополучно скрылись. Так Руминг, этот десятилетний боец, исправил свою ошибку и стал героем.

Эта небольшая победа не может, однако, изменить ход событий. Наступила теперь и наша очередь бежать.

39

Продовольственные базы подобны постоянным дворам, созданным вдоль лесных троп для бездомных «хуков».

В горах Сьерра-Мадре «хуками» проложены две основные линии троп. Внешняя линия, расположенная ближе к городам, называется военной линией, по ней передвигаются наши вооруженные силы, объединяемые полевыми командованиями. Внутренняя линия соединяет лагеря и продовольственные базы. По этой последней мы и направляемся сейчас, под вечер, причем все обитатели лагеря идут отдельными отрядами, состоящими из жителей одного барака. Каждый отряд отправляется в путь по мере того, как заканчивает укладывать свои пожитки. Нам предстоит собраться всем на первой продовольственной базе, находящейся в двух часах хода отсюда.

Уже поздно, когда мы приходим на место. Продоволь-

ственная база похожа на глубокую водную чашу в лесу, а нависшее, тусклое в сумерках небо подобно светящейся крыше, прикрывающей иссиня-зеленые глубины озера, в которые мы словно погружаемся. Где-то далеко на кромке леса застыл неподвижно олень.

Эта продовольственная база состоит из ряда выжженных участков, соединенных дорожками наподобие ожерелья. Мы останавливаемся на первом участке, где сооружен барак, размером не больше зернового закрома. Нас пятеро: Селия, я и трое конвоиров. Мы забираемся с нашей поклажей в барак и готовим скудный ужин на импровизированном очаге. Нам тесно, мы испытываем то странное, смутное чувство, которое обычно сопутствует беглецам, и тем не менее, несмотря на тесноту, нам здесь хорошо и уютно. Мы затягиваем волнующие песни «хуков», воспевающие походы и боевые подвиги. Когда я выхожу наружу, то вижу несметное множество звезд, нависших над нашим участком.

Однако поутру идет дождь. Когда мы просыпаемся, стоит серый мглистый рассвет, и туман и дождь скользят своими белесыми щупальцами по опушке леса. Подкрепившись скудным завтраком — горсткой вареного риса, мы отправляемся в путь к следующей поляне — нашему очередному сборному пункту.

В нашей группе сто или больше человек, стекающихся из разных бараков, разбросанных вокруг лесных участков. На открытом склоне, где деревья были недавно вырублены и наполовину сожжены, чтобы очистить участок для посадок, мы строимся в колонну по одному, которая растягивается по всему склону; оба ее конца теряются среди намокших от дождя деревьев. Мы похожи на самое разношерстное сборище беженцев, которое когда-либо встречалось в истории, — вымазанные в грязи, ссутулившиеся под дождем, облаченные в самую разномастную одежду: в шляпах и с обнаженной головой, в резиновой обуви и босиком. Все с огромными тюками за спиной, похожими на чудовищные горбы, покрытые чехлами из листьев «анахау», брезента или «пончо», с горшками и другой утварью, с винтовками и карабинами. Впереди колонны — руководители похода, они окликают старшин бараков, требуя рапортов. В промозглом тумане слышатся звуки переклички, после чего мы отправляемся в путь, скользя по мокрому склону.

Дождь льет теперь ручьем, и в лесу от него больше не укрыться. Каждый лист и каждая ветка собирают на себе воду, которая стекает с них при малейшем прикосновении. Мы облеплены кусочками коры и размолотой древо-точцами древесной пальмы, перемешанной с дождевой водой. У нас с Селией дождевые плащи из пластика, в которых очень хорошо расхаживать по городским улицам, но здесь они становятся помехой, задевая о каждую ветку, а поэтому мы в конце концов срываем их с себя и обвязываем ими тюки. Через несколько мгновений промокаем до нитки. Капли дождя застилают и туманят мне очки, но я не могу протереть их. Руки в грязи. Слышно лишь, как барабанил капли по листьям.

Все утро колонна движется по извилистой тропе, то взбираясь по крутым косогорам, с которых вода стекает ручьем, то спускаясь с них. Тропа превратилась в узкую полосу грязи, настолько разрыхленной идущими впереди, что по ней стало трудно ступать. Это медленный изнурительный переход. Я взбираюсь вверх, цепляясь за выступающие корни и траву, которая обрывается под руками, а спускаясь вниз, скатываюсь и скольжу на протяжении каких-нибудь пятидесяти футов, пока больно не ушибаюсь о деревья или камни. Толстый слой грязи на ботинках и одежде еще более затрудняет ходьбу.

К полудню сквозь шум дождя и свист ветра слышится впереди какой-то глухой рев. Где-то недалеко протекает река, и рев доносится из узкого ущелья, через которое она мчит свои воды. Мы приходим наконец к длинному и глубокому склону, всходящему в ущелье, к крутой, словно ныряющей вниз, тропе, падение на которой сопряжено с большой опасностью. Я сажусь прямо в грязь и медленно, осторожно спускаюсь вниз, держась за деревья. А затем через завесу из зарослей пробираюсь к берегу реки.

Берег и дно реки устланы валунами, отколовшимися от каменных глыб, которые скатились сюда, размывтые такими вот проливными дождями, и теперь река, пополняемая дождем, бурно пенится над ними. Нелегко перейти такую реку. Вода чуть не сшибает нас с ног, доходя до пояса. Дождь бьет по нашим согнутым спинам, а серая мгла наполовину застилает противоположный берег реки. В конце концов мы образуем живую цепь поперек реки, причем более крепкие из нас, примостившись к крупным камням, передают всех остальных из рук в руки друг другу —

продолжительная и нелегкая операция. Спотыкаясь, выбираемся наконец на берег и валимся в изнеможении среди разбросанных здесь валунов, не обращая внимания на заливавший нас дождь.

Мы делаем остановку, чтобы перекусить. Кажется невозможным разжечь сейчас огонь, и тем не менее это удастся сделать при помощи прутьев, вытащенных из-под камней, под покровом «пончо». Стуча зубами от холода, торопимся съесть разложенный на тарелках горячий рис. Под дождем он становится холодным и водянистым.

У нас мало времени, чтобы переждать дождь или отдохнуть, так как пополудни предстоит проделать подобный же путь. Мы выбираемся наверх из ущелья и вновь попадаем в грязь. Вскоре создается впечатление, что мы просто кружим на одном и том же месте, то взбираясь вверх на гору, то спускаясь вниз в ложбину, и все время нас окружает тот же лес. Грязь кишит «лимагиками», и мы го и дело отдираем их привычным жестом от ног. Уже ложатся предвечерние тени, убаюкивающе монотонно стучат дождевые капли, смыкаются от усталости глаза и слабеют мышцы ног. Но я не думаю больше о том, куда мы держим путь, а соображаю лишь, куда ступить ногой.

После восьми часов похода, полусонные, мы переходим вброд небольшую речку, пробираемся через какую-то листву и оказываемся вдруг на открытом месте, где дождь ручьем поливает наши лица и где из бараков (мы прибыли на продовольственную базу) выходят громко приветствующие нас люди, снимают наши ноши и ведут к теплым очагам, где всех ждет пища и отдых.

40

«Багонг Силанг» («Возрождение»). Так называли эту продовольственную базу работающие на ней люди. Я прихожу к выводу, что все «хуки» — мечтатели и поэты.

Вряд ли можно было найти более подходящее название для этого чудесного места, словно вырезанного на нефрите в зелени заросших лесом возвышенностей. Широкий журчащий ручей огибает это место глубокой петлей, а в этой петле и по ту сторону ручья красуется маленькая ровная, с богатой растительностью равнина. Вокруг круто вздымаются утопающие в листве высокие взгорья. По-

саженный здесь рис уже вытянулся в трубку и колосится. Культивируются также «кассава», «камоте», «калабаса», помидоры и табак.

После дождя небо стало чистым, голубым. Над «Багонг Силангом» царит безмятежная тишина. В ярких лучах солнца клубится дым из бараков, которые можно было бы принять за бревенчатые избы, воздвигнутые у лесной просеки, за хижины первых поселенцев в диких местностях штата Кентукки в эпоху Буна *. А эти люди, направляющиеся по тропе в чащу лесов, похожи на поселенцев, идущих с длинными ружьями на охоту за дичью. Именно этим они действительно собираются заняться, так как это товарищи, которым поручено охотиться на оленей, чтобы пополнить наши скудные принасы. В качестве следопытов выступают и разведчики, которые наблюдают за тем, чтобы никто нас не выследил.

На продовольственной базе словно расцвела новая поросль: разноцветные и белые лоскуты — все наши пожитки, разложенные для просушки на солнце. Вчера мы бедствовали под дождем в грязи, но сегодня сияет солнце, мы отдохнули за ночь. А сейчас греемся на солнышке, лежа на благодатной земле, восстанавливаем свои силы.

У ручья одна из женщин, работающих на продовольственной базе, при помощи согнутой шпильки на веревке, привязанной к палке, ловит мелкую рыбку «бия», сверкающую серебром на солнце. Вот она погружает свой крючок, быстро тянет его — и уже искрится в воздухе серебристая рыбка. Движения женщины плавны, ритмичны.

Мы с Селией срываем к ужину листья «камоте», нежные съедобные листья «тальбос», растущие на кончиках этих стелющихся растений. Время от времени поднимаем голову, чтобы взглянуть вокруг, на окружающую нас красоту, на мягкий золотистый свет, льющийся сквозь зелень.

41

Теперь, когда мы покинули нашу базу, нам предстоит обосноваться на новом месте. «Багонг Силанг» — приятное место, но оно не подходит для крупного лагеря, так как рас-

* Бун, Дэниел (1734—1820) — один из первых американских поселенцев на территории нынешнего штата Кентукки. — *Прим. пер.*

положено слишком далеко от городов, а находящиеся поблизости базы не в состоянии обеспечить снабжение большого количества людей.

Наши передовые отряды, в состав которых входит большинство бойцов охранения, выполняющих также строительные работы, продолжают продвигаться к югу, чтобы создать там лагеря неподалеку от рынков в городах Кавинти и Луизиана. Наша учебная группа останется в «Багонг Силанге», так как у нас намечены занятия на курсах, которые мы не хотим прерывать и на которые учащиеся прибывают даже во время операций правительственных войск, пробиваясь через их кордоны. Счастливая мысль — преподавать и учиться на месте, символизирующим собою возрождение.

Отсюда отряды нашей службы снабжения отправляются на восток, к «барно», расположенным в районе Маубан, на морском побережье. Пусть враги тешатся в оставленных нами лагерях близ Лонгоса.

Мы находимся словно на шахматной доске. Получив шах в одном месте, переходим на другую клетку!

42

Над «Багонг Силангом» низко нависло иссиня-черное небо. Ожидается дождь. Вдруг с севера раздается глухой грохот.

Выходим из барачков и недоуменно глядим друг на друга. Вслед за грохотом слышится краткий отрывистый треск. Что это? Гром? Нет. Это бомбежка и обстрел. Враг пустил в ход самолеты.

Всю вторую половину дня доносится, то приближаясь, то отдаляясь, пулеметная стрельба. Что же они обстреливают? Расположение Большого дома? Продовольственные базы? Полевые командования? Мы расхаживаем взад и вперед под деревьями, держась вдали от открытой местности, и думаем, куда нам спрятаться, если самолеты залетят сюда. У многих деревьев здесь выступают над землей крупные корневища, между которыми образуются убежища, вроде траншей. Мы говорим друг другу, что лес укреплен.

Вдруг перед самым заходом солнца над краем взгорья неожиданно появляются два самолета и ныряют в ложби-

ну, в которой расположен «Багонг Силанг». Это — П-51, остроносые истребители времен второй мировой войны, предоставленные теперь в порядке американской военной помощи филиппинским военно-воздушным силам. В пятой военно-воздушной армии США, к которой я был прикомандирован во время войны, мы восторгались видом этих самолетов, предназначенных для борьбы против фашистов в войне, которая, как мы были уверены, велась во имя защиты свободы. А теперь эти же самолеты используются против народа, борющегося за свободу. С горечью наблюдаю я, как полюбившиеся мне некогда самолеты выполняют свою жестокую миссию. Я думаю о рабочих американских заводов, которые их выпускают. Разве они предназначались для таких вот операций?

Они облетают кругом по краям нашей поляны, почти касаясь кромки леса, и рев их моторов заставляет дрожать деревья. Они летят так низко над нами, что мы видим пилотов, которые высовываются и высматривают нас, а также подвешенные к крыльям смертоносные бомбы. Быть может, темные тучи в этот поздний час затрудняют видимость, так как они не сбрасывают свой страшный груз. Зато раздается отрывистый треск пулеметов, и, распластавшись на земле, мы прижимаемся лицами к корням деревьев. Это огонь наугад, которым поливают лес. Затем самолеты резко взмывают ввысь и исчезают за краем взгорья. Звук моторов слабеет и наконец совсем затихает.

Мы выходим из своего укрытия и стоим в нерешительности на открытом месте, прислушиваясь.

43

Вернулись усталые, забрызганные грязью патрули. Они выслеживали жандармов в лесу. Враг захватил наш первый лагерь, расположенный на горных кряжах и давно эвакуированный нами. Наши дозорные притаились в лесу близко от врагов и видели, как они готовили пищу и закусывали в наших старых бараках, а затем, уходя, сожгли лагерь, обратив все в пепелище. Наши товарищи, вне себя от гнева при виде этого, хотели открыть огонь, но им было приказано не обнаруживать себя.

Несколько дальше в лес проникли самолеты. Был обстрелян, но мало пострадал Большой дом. Бомбы, сбро-

шенные на две продовольственные базы, прошли мимо цели и упали в глубине леса. Наши люди без труда избежали нападения. Сухопутные силы врага не углубились столь далеко. Удовольствовавшись сожжением прежнего лагеря, враг вернулся в город.

Мы опередили его на два перехода.

44

На одном из уступов взгорья, высящегося над продовольственной базой, мы сооружаем новое помещение для наших курсов. Все учащиеся теперь уже на месте. Они сами берутся за работу, кто при помощи «боло», а кто просто голыми руками, и за три дня новое помещение готово. В законченном виде оно представляет собой обширный навес с одной лишь стеной сзади. На одном из концов длинного помоста с неровным и сучковатым настилом устроен очаг, а ряды бревен для сидений установлены прямо перед помостом, чтобы учащиеся могли легко сбрасывать с себя одеяла или накрываться ими. В качестве школьной доски мы прибавляем гвоздиками все то же «пончо» (потрескавшееся и истертое, так как мы использовали его для упаковки поклажи во время последнего перехода) — и наши курсы можно считать открытыми.

Учащиеся настояли на том, чтобы устроить школьный дворик. При помощи граблей, сделанных из прутьев, они расчистили грунт на всем участке уступа, сделав его гладким, словно учебный плац под сенью деревьев. Здесь они рано утром делают зарядку, а пополудни прогуливаются с книгой в руках, подобно всем другим учащимся-выпускникам. Во дворике, примыкая к помещению курсов, высятся огромное дерево с выступающими корнями в человеческий рост (ради этих корней и расчистили участок уступа). Здесь курсанты сделали укромный уголок с сиденьями, вырезанными в корнях, где они собираются, обсуждая вопросы, которые входят в программу наших курсов. Все они горят огромным желанием учиться, чтобы надежнее подготовиться к борьбе.

Я несколько робею перед этими людьми, которых мне предстоит обучать. Они прибыли сюда, пробившись через вражеские кордоны и преодолев большие расстояния. Новая линия снабжения пока еще не налажена, прихо-

дится резко сократить обычный паек наших учащихся. Однако они не унывают и требуют начать занятия.

Вот они — «хуки»-курсанты:

Хорхе Фрианеса по прозвищу Джордж, который известен врагам, давно охотящимся за ним. Он прибыл, маскируясь, по шоссе, прорвавшись через десятка два контрольных пунктов. Джордж — один из немногих «хуков», побывавших за пределами Филиппин; он жил в тридцатых годах в Чикаго, где работал мойщиком посуды. Два года назад он был одним из высших руководителей движения «хуков», он был отстранен от руководства по политическим мотивам и переведен на организационную работу на местах, которую выполнял успешно и добросовестно, и теперь проходит подготовку, чтобы вновь перейти на руководящую работу. Единственная его собственность — это теплая куртка, которая служит ему одновременно одеялом и верхней одеждой. Вместо подушки он пользуется деревянной колодкой.

Игнасио Дабу (прозвище — Сенте) проделал весь путь сюда из Пампанги в Центральном Лусоне по горной тропе, на что ушло несколько недель. Он не рискнул отправиться по шоссе. Но и горная тропа таила немало опасностей; ему и сопровождавшим его двум бойцам пришлось дважды отстреливаться от повстречавшихся на пути жандармских патрулей. Дабу — военный работник и ветеран бесчисленных битв.

Мигэль Давид (Пепинг) также прибыл из Пампанги по «военной тропе» в горах, пройдя пешком несколько недель. Его сопровождал один человек. Правая рука Пепинга была пробита очередью из автомата во время налета жандармов на один из лагерей и теперь беспомощно свисает; он научился писать левой рукой. Давид — руководитель учебного отдела РЕКО 2.

Амандо дель Кастильо (Алунан), сын Матео дель Кастильо, который был председателем Национального крестьянского союза (ПКМ), прибыл с Паная, одного из Висайских островов. Несмотря на то что за ним усердно охотятся, он проделал самый дальний путь по суше и морю по «незаконному маршруту», увертываясь от невероятных опасностей, чтобы благополучно прибыть в этот барак в чаще лесов.

Соеди других: Альго, Лус, его жена, и Вальдо из района РЕКО 4 в Южном Лусоне. Им не пришлось проделать

столь далекого пути, однако все они находятся в горах еще с 1942 года. В начале тридцатых годов Вальдо был соратником Аседильо, легендарного рабочего вождя из Лонгоса, который ушел в горы, когда его обвинили в мятеже во время забастовки, и в течение нескольких месяцев отбивался от крупных сил жандармов, пока им не удалось убить его. Его голову насадили на шест и выставили на городской площади в Кавинти.

Через деревья на наш школьный дворик пробиваются лучи солнца. Листза отбрасывает тень на выведенные мелом фразы на «пончо». Дует ветер, идет дождь, повсюду грязь. Но какое значение имеют погода, расстояния, голод, неудобства? Мы продолжаем преподавать и учиться в чаще лесов.

45

День отдыха. Мы с Селней уходим вместе. Прокладываем себе путь меж деревьев, где нет никаких троп. направляясь против течения реки, омывающей нашу продовольственную базу. Сквозь плотную лиственную изгородь пробираемся к берегу реки, держась за руки и робко оглядываясь влево и вправо, будто молодые олени, пришедшие на водопой.

Здесь образовалась небольшая отмель из белых камней, которые блестят на солнце. Привыкнув жить в тени, щурим глаза от неожиданного блеска. Разуваемся и ступаем по горячим камням.

Впервые за все эти месяцы мы оказались одни. В лагере, где мы спим вместе с другими, словно одно гигантское туловище, распластанное на полу, и где мы неизменно на виду у других, уединения нет. Теперь же мы нашли свое собственное обиталище в чаще лесов — зеленая стена деревьев со всех сторон, голубой потолок, белый пол с покрывающей его голубой ковровой дорожкой.

Мы раздеваемся, обнажая свои до странности бледные тела. Яркое солнце печет нам спину. Окунаемся в глубокую прохладную заводь, где течением вымыло гладкую чашу на каменистом ложе. Селия сидит здесь, спиной к течению, вытянув ноги. Лучи солнца отражаются в мягко журчащей воде. Мы плещемся, и наш веселый смех отдается гулким эхом в чаще лесов.

Мы садимся на большой валун, чтобы просохнуть, и если расчесывает свои длинные черные волосы, на которых солнце оставляет красноватые блики. У нас сохранилась одна-единственная банка мясных консервов, которую мы несколько виновато хранили для такого вот случая. Открываем ее и едим мясо прямо руками — истинный пир, во время которого гоним от себя приходящую на ум мысль: «А вправе ли мы так поступать?».

Мы сидим, прижавшись друг к другу, тихо толкуя о нашей совместной жизни. Быстро проходит время. Тени от деревьев, стелясь по берегу, незаметно подкрадываются к нам и зовут нас обратно. Наше время истекло. Встаем и возвращаемся в чащу лесов к делам, которыми заняты все мы.

46

Из Манилы приходят письма и газеты — вестники внешнего мира. Мы видим, как из продовольственной базы к нам пробирается связная. Идем ей навстречу к большому дереву, садимся на его могучие корни и с нетерпением вскрываем небольшие пакеты. С волнением ждем известий о текущих событиях и о жизни наших товарищей.

Сообщения вводят нас в круговорот событий. С 26 августа в правительстве Кирино царит паника. На реке Пасиг близ дворца Малаканьянг стоит наготове катер, чтобы эвакуировать президента и его семью в случае захвата Манилы «хуками». Некоторые офицеры филиппинской армии, вплоть до майоров и полковников, устанавливают контакты с движением, готовясь перейти на его сторону, если положение будет ухудшаться. Непрерывной струей вливаются в ряды «хуксов» дезертирующие из армии военнослужащие рядового состава.

Таковы отдельные сообщения, но это не все. В Манилу прибывают и оттуда отбывают также многие американские миссии. Миссия Белла, которая должна разработать план экономической помощи с целью поддержать шатающееся правительство и наметить, какие реформы необходимо провести, чтобы умиротворить население. Миссия Мелби, задача которой — определить объем американской помощи, необходимой, чтобы справиться с «внутренними проблемами филиппинского народа». Миссия высших чинов раз-

ведки в составе бывших офицеров Управления стратегических служб США для обучения и консультирования военной разведки в филиппинской армии. Таковы шаги, которые предпринимает переживающий кризис империализм.

Уже начались перемещения в составе правительства. Смещен военный министр Канглеон, и на его место назначен Рамон Магсайсай, ставленник Объединенной группы военных советников США.

Пока враг пытается укрепиться, необходимо выводить его из равновесия, причем инициатива должна исходить от нас. Поэтому, указывает Секретариат, 7 ноября все районные командования проведут согласованные наступательные операции крупного масштаба, включая налет на предместья Манилы. Необходимо привести все командования в состояние боевой готовности. Нужно подготовить листовки и брошюры для «генеральной репетиции».

В смятении отрываем глаза от текста, невольно поражаясь видом леса, неподвижно и безмятежно застывшего в вековой тишине.

47

Слишком много троп проложено в сторону «Багонг Си-ланга»: линии снабжения, линии связных, тропы военных отрядов, охотничьи тропы. Работники продовольственной базы жалуются: как же нам выполнять свои обязанности, если вы раскроете наше месторасположение? Они правы. Мы слишком пренебрегли соблюдением мер безопасности. И теперь принимается решение перевести наши курсы в другое место.

На расстоянии одного часа перехода вниз по течению реки находится старое, заброшенное место, где некогда помещалась база одного из полевых командований. Мы направляемся туда, ступая по камням в воде, чтобы не оставлять за собой следов. Наши учащиеся, строившие до этого помещения для курсов, превратились теперь в транспортную бригаду. Они весело шутят: «Чему только нам не приходится учиться на своих курсах!».

Наше новое местоположение — это причудливое сочетание неудобства и красоты. За деревьями, окаймляющими реку, расположена отлогая, целиком оголенная от деревьев возвышенность — один из многих, встречающихся в горах

участков, которые, видимо, были примитивным образом расчищены когда-то безземельными крестьянами, чтобы сделать их годными для культивации, а теперь заросли высокой, почти в рост человека травой «когон». Над ней лес подымается круто ввысь, и здесь, в укрытии, в полукруге, образованном зарослями «когон», мы занимаем ряд барачков. Помещение наших курсов, где живем мы с Селией, а также несколько учащихся, лепится к высящемуся, словно лезвие ножа, склону горы, столь крутому, что нам приходится держаться за ветки деревьев, когда мы поднимаемся на него. С одной стороны, в глубоком ущелье, протекает небольшой ручей; с другой — виднеется открытый подъем, где трава «когон» колышется и волнуется на солнце, будто пшеничное поле.

Один из наших учащихся проявляет инженерные способности. От находящегося над нами и падающего в ручей водопада он прокладывает к нашему «баталану» * длинный акведук из стволов пальм, сердцевина которых мягка и легко выдалбливается. Таким образом вода подается прямо к нам в барак.

48

Октябрь 1950

Голод в чаще лесов — тяжелое, притом граничащее с издевательством испытание.

Повсюду буйная растительность — деревья и кустарники, растения и лозы, черпающие соки из плодородной, обильно поливаемой дождями почвы. Однако ни одна разновидность этих бурно произрастающих листьев и веток не съедобна. Изголодавшимся людям остается лишь беспомощно глядеть на эту роскошную листву и до безумия терзаться.

Мы голодаем. Враг вновь переозадал линию снабжения, напав на наши опорные пункты. Отряд «балутан» вынужден отправиться по горным тропам в находящийся далеко от нас город. После его ухода на Сьерра-Мадре начинают свирепствовать тайфуны, обрушивая целые тонны воды на окрестности, в результате чего все ручьи и речушки пре-

* Задняя часть жилища, где моются и стирают.

вращаются в глубокие реки. Ручей, протекающий в расположенном рядом с нашим лагерем ущелье, сразу же начинает пениться, подбираясь к угловым стойкам барака, до желтизны взбаламученный обломками горных пород. Нашим людям пришлось бы переправляться через многие широко разлившиеся реки, которые стало невозможно переходить вброд.

Проходят дни, а дождь все идет и идет. Наши съестные припасы иссякают.

Сначала мы сокращаем наш паек наполовину и пытаемся восполнить его «убодом». Однако вскоре весь запас его в окрестности, куда удается в такую погоду проникнуть нашим товарищам, оказывается исчерпанным. После долгих часов странствований они возвращаются, промокшие и измученные, и приносят один или два небольших куска «убода». У нас остался только рис, небольшая кучка на дне мешка. Мы вновь варим теперь жидкую, совершенно водянистую рисовую кашу «люгоу».

Капли дождя стучат по бараку так громко, что нам приходится при разговоре повышать голос. Снаружи не видно ни зги — все застилает зеленая завеса травы «когон».

Проводим собрание учащихся наших курсов. Следует ли нам продолжать занятия или же прервать их? Вопрос не вызывает споров. «Продолжать!» — заявляют они. Революция не обходится без трудностей.

Занятия продолжаютсЯ. У некоторых учащихся начались головные боли, они настолько ослабли, что не в состоянии высиживать весь день, а поэтому слушают лекции, лежа на бревенчатых сиденьях. Мы едим «люгоу» сперва дважды в день, а затем только раз; наконец риса больше нет, и есть нам нечего. Ночью мы лежим, сгрудившись все вместе, чтобы согреться в холодном и сыром бараке, где ничто не просыхает, а дождь тем временем льет непрерывно. Поутру подымаемся с большим трудом.

Я стою перед своими учащимися, и, так как несколько дней я ничего не ел, у меня кружится голова, пока я подыскиваю слова. Когда я не в силах больше стоять и близок к обмороку, сажусь и начинаю медленно говорить. Я вижу, как исхудавшая от голода Селия ведет свой урок, и речь ее звучит совсем бодро.

«Революция продолжается, — говорят учащиеся, — революция продолжается!».

Но вот наступает день, когда уровень воды в реках падает, и наши товарищи наконец появляются, тяжело взбираясь по склону горы; их промокшая насквозь одежда прилипла к телу. Промокли и съестные припасы за их спиной, но мы радостно принимаемся за еду.

Наступает день выпуска наших учащихся, мы отправляем их, гордых и рвущихся к борьбе.

Итак, революция продолжается.

49

Время от времени, подавленный мраком барака в пасмурный день, я выхожу из него, цепляясь за кусты и низко нависшие ветки на крутом склоне. Подымаюсь немного вверх и гляжу через просвет на протекающий внизу ручей. Две стройные пальмы высятся там над другими деревьями и зарослями. В бурю их длинные ветви колышутся, как космы волос на ветру.

Порывистый ветер и шквал дождя обрушиваются на оба дерева, которые пригибаются так низко, что кажется, будто их тонкие стволы вот-вот переломятся. Или они содрогаются и хлещут листьями в кружащемся вихрем воздухе. Но каждый раз, легко и грациозно, как ни в чем не бывало, они вновь обретают свою прежнюю прямую осанку.

Каждый раз я выхожу и люблюсь парой этих деревьев, которые словно подают мне пример выносливости.

50

Солнечный день, всег теплый ветер. Мы с Селией взбираемся по взгорью, высящемуся над нашим бараком. Пахнут свежестью омытые дождем деревья. Внизу ветер волнует залитую солнцем траву «когон», образуя на ней длинные полосы, подобные гигантским муаровым разводам на бархате. Он тербит нашу одежду и колышет неистово шелестящую листву.

Взобравшись выше на один из уступов на склоне, мы натываемся на пустующий барак. Здесь жили некоторые из наших учащихся, ушедшие отсюда после окончания курсов. От барака, как и от всех других покинутых жилищ,

веет пустотой и запущенностью. Ветер ворошит остатки золы в очаге. Трепещут порванные полоски старой брошенной циновки. Перекатываются с места на место клочки бумаги под настилом.

Огромное дерево, растущее над бараком, вскинуло свои ветви, похожие на длинные протянутые руки. Зрелище это внушает какой-то безотчетный ужас — чудится, будто дерево протягивает свои щупальца к барaku. Под настилом виднеются побеги каких-то растений. Во все щели в бараке дует вестер.

Кажется, что все стихии в чаще лесов горят нетерпением вновь овладеть этим местом, где некогда обитали люди. Весь этот неотвратимый натиск несколько сграши, нам делается не по себе, и мы уходим прочь.

51

Пужинав, мы сидим, поджав под себя ноги, вокруг нашей маленькой лампы и читаем, как вдруг до нас доносятся звуки торопливых шагов по грязи. Поднимаем глаза и видим з дверях Рега в брезентовом дождевике, наброшенном на плечи и усеянном темными пятнами от дождевых капель. Тени, ложащиеся на его лицо от лампы, подчеркивают измученно сжатые губы.

— Товарищи, — говорит он, — я должен сообщить вам плохие, очень плохие вести. Их только что передали по радио.

Мы продолжаем сидеть, выжидая.

— Все наши руководящие товарищи в городе арестованы.

Ошеломленные, мы продолжаем бессмысленно глядеть на него.

— Все? — спрашиваем мы.

— Все! — повторяет он. — Была проведена массовая облава. Они были захвачены на разных квартирах. Все их имена были названы, и здесь не может быть никаких сомнений. Секретариат движения, а также большинство наших городских работников находится в руках врага. Враги утверждают, что захватили сотни документов, они приводили выдержки из некоторых. В их руки попал весь наш тактический план и все подробности нашей организации.

Это худшее известие, какое только можно было себе

представить, так как в руках арестованных находилось все руководство борьбой.

Мы сразу же вскакиваем на ноги, начинаем обсуждать случившееся, пытаемся выявить виновных и установить допущенные ошибки и нанесенный ущерб. Кто-то предал нас! Непростительная беспечность! Как могли они допустить такое, когда на карту поставлено так много? Охрана безопасности! Кто руководил охраной безопасности? Это большое несчастье. Но перед тем как сделать окончательные выводы, следует подождать дальнейших подробностей.

У нас такое ощущение, какое испытывают водолазы, когда их воздушные шланги рвутся где-то в глубине об острые коралловые рифы, или горняки, когда позади них обрушивается штольня и удушливая пыль вырывается из темного подземелья.

Но вот все, что только можно было сказать, уже сказано. Рег отправляется обратно в свой барак, опустив плечи, подставив их дождю и ветрам. Мы чувствуем себя неловко стоя, и один за другим садимся.

В моем вещевом мешке хранится книга — перевод великолепного романа Фадеева «Разгром» о сибирских партизанах, боровшихся с интервентами. Они пробиваются через вражеский кордон. И только девятнадцать из них остаются в живых. Мы сидим вокруг нашей маленькой лампы в чаще лесов, я читаю эту книгу вслух, и с ее страниц встают образы хладнокровного мужества, незримо витающая над нашим маленьким жилищем.

52

Наше движение не похоже на какое-то брренное существо, которое гибнет, если его обезглавить. Нет, оно — вечно живой организм, растущий и размножающийся путем слияния и деления отдельных его клеток, заживляющий свои раны и непрерывно обретающий новые формы.

У нас, разумеется, есть руководители, но кто они, руководители нашего движения? Это не резчики по дереву, вырезающие деревянную фигурку, приделывающие к ней конечности, которые можно дергать за веревочку. Нет, наше движение — не резьба по дереву, это — живое растение, пускающее ветви и плодоносящее; стоит лишь сорвать

с него плод, и на нем начинает расти другой. Наши руководители — это плоды растения, семена которого заложены в народе.

Народ — почва благодатная. Есть ли что-либо, что не произрастало бы на ниве народной? И не следует ли ожидать обильных плодов в эту жаркую пору революционного подъема?

Когда семена дают побеги и жизнь бьет ключом, ничто не в состоянии остановить ее. Если бы кто-либо из руководителей вздумал стать на пути с вытянутыми руками, восклицая: «Остановитесь! Хватит с вас! Это все, что от вас требуется!» — то движение отбросило бы его прочь и продолжало бы идти своим путем. Попадаются руководители, которые колеблются; попадают и такие, которые предаются. Но они не в состоянии остановить движение. Есть такие, что гибнут в борьбе, и народ хранит память о них, как о героях. Других арестовывают и заключают в тюрьмы, но самым фактом своего заточения они становятся подвижниками и символами, стимулирующими дальнейший рост движения.

Нет, мы не склоняем голову и не погибаем. Мы заменяем тех, кто ушел, и развиваем дальше наше движение.

53

Ноябрь 1950 г.

Отовсюду в район Сьерра-Мадре приходят донесения. Враг становится агрессивнее.

В городах полно шпиков, и зачастую полицейские патрули проникают в такие места в чаще лесов, куда раньше они никогда не ступали ногой. Наши полевые командования нападают на них из засады, подстреливают их автомашины на дорогах, готовят им смертельные ловушки на горных тропах, но все это не останавливает их. Им стали известны теперь наши планы, и они имеют приблизительное представление о расположении наших групп.

Пристани Манилы забиты огромными ящиками с военным снаряжением. Филиппинам спешно предоставляется военная помощь из США. С военных баз непрерывной вереницей едут грузовики, доставляющие военное снаряжение для новой армии, создаваемой Объединенной группой американских военных советников для борьбы с «хуками».

Жандармерия, дискредитировавшая себя, ненавистная и оказавшаяся неспособной, уже не используется для борьбы против народа. В действие вступила приведенная в боевую готовность филиппинская армия, организацией и обучением которой занимаются американские военные специалисты, прибывшие из Греции и Кореи, где империализм приобрел опыт по части подавления народных движений.

Эти профессиональные интервенты реорганизовали филиппинскую армию, разбив ее на боевые группы силой в один батальон, причем каждая из этих групп направляется в один из секторов, где, по имеющимся сведениям, действуют «хуки». Ряд этих групп сосредоточен в районах, где «хуки» сильнее всего. Эти боевые группы насчитывают по тысяче двести солдат и представляют собой самостоятельные боевые единицы, в состав которых входят пехота, артиллерия и рота обслуживания, а также разведка и группа психологической войны. Они обладают мощной огневой силой, благодаря обилию автоматического оружия. Все их снаряжение от шлемов до сапог, от гаубиц до пистолетов и от танков до «джипов», предоставлено в счет американской военной помощи.

Организуется двадцать восемь таких боевых групп. В этот счет не входят обычные штабы, вспомогательные и интендантские части регулярной армии, а также огромный разведывательный аппарат. Таким образом, общая численность сухопутных войск на Филиппинах составит пятьдесят четыре тысячи человек. К этому следует добавить филиппинские военно-воздушные силы и филиппинский всеполюсморской флот береговой охраны, которые полностью включились в борьбу против «хуков». Жандармы в количестве восьми тысяч продолжают охранять дороги и города. Сюда не входят также двадцать или тридцать тысяч человек гражданской стражи, нанимаемой и оплачиваемой помещиками, городская полиция, а также бесчисленные агенты, нанимаемые и вооружаемые сенаторами, конгрессменами и различными правительственными учреждениями, — все эти элементы используются для борьбы против «хуков» и для того, чтобы терроризировать народ.

В общей сложности против «хуков» брошено свыше ста тысяч правительственных войск и карательных сил, то есть примерно по десять человек на каждого «хука». Таково мерило угрозы, которую мы представляем для империализма и его союзников.

Что же касается нас самих, то в результате ареста в Маниле наших руководителей и захвата находившихся у них документов мы очутились в положении войск, подвергшихся фланговой атаке во время похода. План нашей крупной операции, назначенной на 7 ноября, полностью раскрыт, и ее придется отменить. Задача созыва и подготовки того широкого совещания руководителей движения, которое предполагалось провести в ближайшем будущем, чтобы наметить тактику в предстоящий решительный период борьбы, ляжет теперь на плечи совершенно новой группы руководителей, которые ныне разбросаны по всей стране. Все, что нам остается делать пока, это усилить нашу охрану, подготовиться к переходу в другие места и маневрировать перед лицом наступающего врага.

54

Однажды угром мы пробуждаемся от рокота самолетов. Это небольшие самолеты-разведчики, прочесывающие лес вниз по течению реки, по направлению к ближайшему полевому командованию. Они улетают, но к полудню появляются самолеты-истребители, сбрасывающие бомбы и обстреливающие местность с бреющего полета. Они кружат по длинной дуге, пролетая над нашим лагерем, и мы слышим, как они протяжно завывают, готовясь к очередному бомбометанию, а вслед за этим слышим гул и грохот.

В середине дня из ближайшего полевого командования к нам мчится связной, перескакивая с камня на камень по реке; его рубашка выдернулась из-под пояса и развеивается на ветру. Войска захватили один из передовых постов полевого командования в лесу, и командование собирается эвакуировать свой лагерь. Командир «хуков» в этом районе советует и нам эвакуироваться, чтобы избежать возможности внезапного нападения. В это время дня немного поздновато эвакуироваться, и мы знаем, что враг располагается на отдых под вечер, а поэтому мы лишь укладываемся и проводим эту ночь в бараках среди разбросанной в беспорядке поклажи.

На рассвете все мы — двадцать семь мужчин и пять женщин, не считая двух маленьких девочек Рега и его жены, — собираемся у барака группы охранения на берегу реки. Не мешкая строимся в колонну с авангардом и арьер-

гардом, а бойцы охраны занимают места вдоль колонны для охраны политических работников. Отправляемся в путь, ступая по дну извивающегося к югу ручья, чтобы не оставлять после себя следов.

Мы попадаем в какой-то причудливый мир. Слегка извиваясь, катится ручей по ровной болотистой местности. Целые гирлянды из мха и лиан уплотняют окружающую нас листву, затемняя свет и заглушая звук. Проникающие кое-где через эту завесу солнечные лучи образуют на стоячей воде небольшие, цвета ржавчины круглые пятна. Из воды выступают странные растения с большими, ровного зеленого цвета листьями, их корни изгибаются коленами. Впечатление такое, будто мы оказались отброшенными на много веков назад и очутились в каком-то первобытном мире. Но вот позади нас вновь раздается рокот самолетов, слышатся взрывы бомб и дробь пулеметного огня — странное, нереальное эхо здесь, в этом извечно безмолвном мире. И вновь рыскают самолеты, проносясь низко над нами, а мы погружаемся в липкий, первозданный ил, словно спасаясь от каких-либо крылатых птеродактилей.

На поверхности мутной воды появляются и исчезают пузырьки. Дождь! Мы рады ему, так как он застилаг глаза пролетающим над нами разведчикам, но он также сулит нам беду. Через несколько минут на нас обрушивается ливень, вода бурлит у наших колен. В полдень закусьваем под дождем, безуспешно пытаясь укрыть от него холодные кучки заблаговременно сваренного риса.

Мы держим путь к югу, к месту расположения наших новых лагерей, сооружать которые товарищи отправились месяц назад. Добраться туда можно лишь по тропам «банкero»*, по которым люди из низин перетаскивают бревна. Из них выдалбливают затем примитивные «банка» — речные челны жителей «баррио». Бревна перетаскивают при помощи «карабао». Так, с течением времени в чаще лесов оказалась проложенной глубокая канава. Она наполнена грязью, что дает возможность скользить по ее поверхности. Дождь превратил все это в липкую бурую массу — в поток из ила, извивающийся между деревьями. Вот по какой тропе нам приходится передвигаться.

Весь день после полудня мы идем по этому адскому пути, погружаясь подчас до пояса в попадающие рытвины.

* Мастера, выдабливающие челны «банка» из бревен.

Через час мы выбиваемся из сил, с головы до ног в буром иле. Мы не в состоянии проронить ни слова; широко раскрыв рот, ловим воздух, дыша тяжело и отрывисто. Попадая в ухаб, медленно, чавкая ногами, выбираемся из него по корням на грунт. Монотонно барабанит в лесной чаще дождь, мы подставляем под него лицо, чтобы охладиться. Селія настолько устала, что просто держится за мою поклажу, я тащу ее за собой, ее ноги волочатся по грязи. Я сам иду невесть куда, так как стекла моих очков забрызганы грязью и дождевой водой.

Серая пелена дождя и сереющие сумерки. Натыкаюсь на деревья, но не чувствую боли. Падаю. Поднимаюсь. Я измучен до того, что словно погружаюсь в сон. Наступают сумерки, и кажется, что затуманилось зрение. Грязь, дождь. По какому адскому кругу обречены мы бродить?

В темноте спотыкаемся, прощупывая тропу лишь по глубине залегающего на ней ила. Впереди в лесу прыгают какие-то причудливые красные тени — плод воспламененного воображения. Неожиданно мы сворачиваем и спускаемся по склону к реке, освещенной ярким красным пламенем.

На противоположном берегу пылает большой костер, и отблески мечущегося пламени озаряют высящуюся позади стену леса. Черная ночь и красное пламя. Вокруг костра движутся фигуры людей. Поодаль видны бараки. Сквозь журчанье реки неясно доносятся чьи-то зовущие голоса, словно перекликаются прачки в сумерках на реке Лиффи *, описанные Джеймсом Джойсом **. Как в полусне, входим в темную воду реки и переходим ее вброд, погружаясь в красные отцветы, воронками отражающиеся на поверхности воды. Впечатление такое, будто мы переходим через поток огненной лавы. Из темноты к нам протягивают руки, чтобы помочь выбраться на противоположный берег.

Это только одна из сторожевых застав; здесь лишь несколько барачков, и они очень малы. Тем не менее мы забираемся в них, спасаясь от дождя. Мы слишком устали, чтобы приготовить себе ужин, и засыпаем в промокшей и грязной одежде, сжавшись в комочек.

На рассвете взбираемся на срыв над рекой, на спорный пункт нашей группы. Утро ветреное и дождливое. Члены одного из наших хозяйств сильно запаздывают, и

* Река в Восточной Ирландии. — *Прим. перев.*

** Джеймс Джойс — английский писатель (1882—1941). — *Прим. перев.*

мы стоим молчаливо, ожидая их под намокшими деревьями. Дождь обдает нас холодными брызгами, а ветер пронзительно свистит в листве деревьев.

И вдруг среди всех этих невзгод я чувствую какое-то облегчение.

Солдаты, сидевшие в траншеях или валявшиеся в грязи на полях затяжных сражений, знают по собственному опыту, что наступает момент, когда перестаешь ощущать все невзгоды, свыкаешься с ними. Человек, ведущий спокойную жизнь в городе, тяготеет душой и телом к удобствам. Для человека целеустремленного, особенно для революционера, такое положение опасно. Поэтому одно из двух: или человеку удастся переступить через эту грань и воспитать в себе безразличие к жизненным удобствам, или же он отступает от своей цели. Однако стоит лишь перешагнуть через эту грань и отнестись безразлично к невзгодам, как они перестанут ощущаться в дальнейшем.

Но как много нужно преодолеть, чтобы переступить эту грань в партизанской борьбе, которую ведут «хуки»; для этого нужно побороть даже больше, чем невзгоды, которые испытываешь на обычном поле брани. Тяготы, которые переношишь в рядах регулярной армии, носят переходящий характер, так как знаешь, что со временем тебя обязательно сменят и направят в тыл на отдых; если же не поешь вовремя или твой паек скуден, то знаешь, что стоящие за тобою могучие силы вскоре снабдят тебя всем необходимым и что поэтому твои лишения носят временный характер. Так именно обстоит дело в отношении сил врага, от которого мы спасаемся теперь бегством и который пребывает в лесной чаще лишь несколько дней, а затем возвращается в свои казармы, на свои койки и в свои столовые. Однако у нас все эти лишения и голод составляют неотъемлемую часть жизни. Поэтому одно из двух: или мы преодолеем все эти невзгоды, или же они одолеют нас; вот почему мы пересиливаем их и не считаемся с ними.

Сегодня я достиг состояния полного безразличия, которое порождает не оцепенение, а бодрость, — именно так обстоит дело в этой борьбе. Наконец появляются запоздавшие члены одного из хозяйств. Мы отправляемся по тропе, ведущей к югу. Поклажа кажется легкой, и на ум мне приходят мотивы всех песен нашего движения.

Дорога теперь легче. Мы ступаем по длинным, с изгибами, склонам, где между деревьями больше просветов и

меньше поросли. Эти склоны похожи на просторные вестибюли с колоннами, слегка затуманенные мелким морозящим дождем. Вдруг дождь, словно равняясь на мое настроение, перестает, будто его вместе с мглой всосала в себя какая-то стихия наверху. Через колонны робко пробиваются лучи солнца, скользя по дрожащим, словно струны, дождевым каплям на листья.

В полдень мы выходим из постепенно поредевшего леса в открытую долину, посящую название Майяпис. Мы идем теперь, как это ни странно, по совершенно открытой местности. Небольшие круглые зеленые бугры, без единого деревца, окаймляют ровный проход, прорезаемый ярко-голубым ручьем, столь холодным, что у нас коченеют ноги.

Я гляжу на нашу колонну, на сгорбившиеся под тяжелой ношей и ступающие с неровными интервалами фигуры, словно это охотничья экспедиция, устало бредущая в неведомые, еще не открытые человеком края. Впервые вижу я всех нас, вышедших из царства тени, из-под прикрывающей нас десницы леса.

Враг, засевший где-нибудь на опушке леса, мог бы в упор расстрелять нас на этом открытом месте среди бела дня, а поэтому мы спешим вновь укрыться под покровом листьев.

После яркого света и вольного воздуха мы попадаем на тропы, мрачные как пещеры. Всю вторую половину дня пробираемся через густые заросли в джунглях, куда никогда не проникают солнечные лучи. Папоротники доходят нам до плеча, мы идем по грязи, которая никогда не сохнет. Я то и дело оборачиваюсь, чтобы не потерять Селию из виду, но вижу только ее голову и плечи, ее приподнятые локти, ее застывшее, усталое лицо, подобное цвевку, плывущему ко мне по поверхности этого тускло-зеленого папоротникового моря.

Мы расположились в каком-то мрачном овраге, где вода течет маслянистой струйкой, как вдруг откуда-то спереди до нас доносится равномерный глухой звук ударов, будто кто-то стучит ладонью по туго натянутому барабану. Стук! Стук! Стук! Что это за незнакомый звук в лесу? Друг ли это или враг? Стук! Стук! Наконец мы догадываемся. Это «лусонг», выдолбленный комель бревна, в котором длинной деревянной ступкой толкут не очищенный от пленок рис. Да ведь там должны находиться наши това-

рищи! Воспрянув духом, мы поднимаемся, спешим, к вечеру выбираемся из царства влажной растительности и попадаем на небольшое плоскогорье, где расположилась одна из продовольственных баз.

Продовольственная база. Тропа, пролегающая вдоль высоких посевов маниока. Пустые бараки, ожидающие проходящих транзитом «хуков». Купание в каменном ручье при свете ручного фонарика. Огонь очага в бараке и тепло от него, которое ощущаешь, сидя на корточках и клая носом; убаюкивающее кипение риса в раскачивающемся над огнем котелке, горячая пища, спальный помост с жесткими бревнами и, наконец, глубокий сон.

55

Декабрь 1950 г.

Мы прибыли в мрачную зону леса, и притом в сумрачное время года. Наши бараки отделены друг от друга не пропускающей света густой порослью. Деревья шершавы и черны от времени, кругом разбросан валежник, ломающийся с глухим треском, когда ступаешь на него. С голых стволов спускаются длинные, уродливо торчащие разлапистые корневища. Плотные, с многочисленными шипами лианы, переплетенные, словно циновки, ползучими растениями, стелются с деревьев на землю и снова вверх, на деревья. Я без конца рублю эту завесу при помощи «боло», чтобы открыть доступ лучам солнца.

Но солнца нет. Сквозь листву видно лишь серое, тусклое небо, с которого стекают космы дождя. Рассветает поздно, а темнеет рано. Воздух пропитан холодной сыростью. Накрывшись одеялами, мы сидим на полу, скрестив ноги и ссутулясь над своей работой.

Чтобы помыться, спускаемся по крутому склону, осторожно ступая по небольшим выемкам, отмеченным прутьями, к тому месту на берегу, около которого ручей образует большую тихую заводь. Она темна, как омут, и вода в ней чернеет в своем безмолвии под увешанными гирляндами деревьями. Когда я нагибаюсь над ней, то мое лицо словно всплывает из ее мрачных глубин.

Позади нашего барака стоит старое, наклонившееся и тронутое гниением дерево. Некоторые его ветки обломились, голые сучья — в немой агонии. Дерево наклонилось

ластолько, что кажется, будто оно вот-вот свалится. Мысль об этом дереве преследует нас. Мне чудится, что оно свалится и сомнет нас своими черными ветвями, засыплет нас влажной ползучей трухой.

56

Каждое утро, услышав доносящийся издали звук, я выхожу из барака. В одном месте листва образует просвет и позволяет взглянуть на небо. Далекий гул в воздухе превращается в громкий рокот, но завесе из листьев мелькает тень, и, наконец, прямо над головой я вижу корпус самолета — этой чудеснейшей из машин птицей проносящейся над дикой местностью.

Над нашим лагерем пролегает маршрут ежедневных рейсов филиппинских гражданских самолетов, и я каждый раз пользуюсь моментом, чтобы взглянуть на них. Для меня это своего рода радостная мимолетная связь с внешним миром среди подавляющей своим мраком гущи леса.

Кто же они, что летают там так свободно в воздушных просторах? Праздные жены владельцев сахарных плантаций на острове Негрос, отправляющиеся в Манилу за дорогими покупками? Агенты банков, совершающие инспекционные поездки к клиентам и заемщикам? Китайские коммерсанты, спешащие на скупку леса и риса для спекуляции? Провинциальные военачальники, летящие по делам, связанным с кампанией против «хуков»? Представители американских нефтяных компаний, текстильных фирм, консервных предприятий, обследующие рынки? Политические деятели, направляющиеся в свой избирательный округ, чтобы укрепить там свои позиции? Магнат бизнеса, помещик, архиепископ, армейский офицер, иностранный инвестор, продажный политикан? Надменные гордецы, сильные мира сего и паразитические элементы.

В одно мгновение они покрывают в полном комфорте большее расстояние, чем мы можем преодолеть за неделю изнурительного перехода. Лесная чаща для них — просто унылая местность, через которую хочется пролететь как можно скорее. Кому из них придет в голову взглянуть на нее и представить себе, что за зеленым покровом скрываются выносливость, голод и страдания?

Но мои мысли привлекают не пассажиры, а сам само-

лег, столь ловко и красиво парящий в воздухе и с одинаковым успехом способный перевозить как спекулянта, так и крестьянина.

Наконец силуэт самолета исчезает, его тень быстро скрывается за чащей лесов, его рокот стихает и совсем замирает. Я возвращаюсь в свой принокший к земле барак, неподвижно застывший в этой глухой, первозданной местности.

57

Помню, в детстве мне приходилось слышать о лесе, который мы мысленно представляли себе, сидя на уроке английского языка в средней школе. Это был Арденнский лес*, где в ручьях плыли книги и повсюду царило добро. Здесь Орlando развешивал на сучьях тексты своих стихов, где их находила прекрасная Розалинда. Под покровом зеленой листвы происходили вздорные размолвки, а рожи служили сценой нежных примирений.

Но для нас ручьи — это просто безмолвные тропы, а добра здесь нет и в помине. Порой, эвакуируясь с какого-нибудь места, мы также оставляем листовки, прикалывая их к деревьям, но это призывы к войскам повернуть оружие против своих офицеров и перейти на нашу сторону. Здесь нет пустых размолвок, а есть лишь смертельная вражда в драматической, не знающей компромиссов борьбе, и когда главные действующие лица в этой драме приходят в столкновение, то зеленая завеса содрогается от выстрелов, а прогалины устилаются трупами.

Да, этот лес совсем иного рода!

58

Наш барак — это рабочий кабинет в чаще лесов. Сидя здесь, я думаю о том, как живут подчас революционеры в городах западного мира. Они встают поутру в своих квартирах, не спеша завтракают, прочитывают доставляемую им на дом утреннюю газету, а затем подъезжают в метро или

* Лес в графстве Уоркшир в Англии, сказочная, идиллическая картина которого изображена Шекспиром в комедии «Как вам это понравится». — *Прим. перев.*

на автобусе к месту своей работы, где плавно и мягко шуршат лифты, где в конторах устроены жалюзи и стоят телефоны, где достаточно одного дня, чтобы назначить и собрать заседание комитета, где тихо жужжат призываемые в движение электричеством мимеографы и где только что отпечатанные листовки можно тут же распространять на улице среди прохожих. А затем они возвращаются преспокойно домой, чтобы вкусно поужинать, посмотреть телевизор, пойти в театр или почитать книжку, лежа в постели с лампочкой, включенной у изголовья. Даже действуя в подполье, спишь порой на мягкой постели.

Но в стране, подобной Филиппинам, всякий, вступающий на путь революционера, покидает свой домашний очаг и ведет жизнь, полную лишений. Голодает он сам, голодает и его семья. Он словно берет свою жизнь в руки и вешает ее на тонкую ниточку. Его подполье — это продуваемая насквозь пещера, где ему приходится оберегать в ветреную ночь свой зыбкий огонек.

Наш рабочий кабинет — это барак в чаще лесов.

59

Дождь!

Вот враг, что преследует нас неотступно, нанося нам удары на всех тропах и осаждая каждый барак. Ежедневно слышим мы, как он барабанит своими бесчисленными перстами по нашей крыше и стенам. Каждый участок в лагере он превращает в болото, и, чтобы зайти к соседу, в уборную или спуститься к ручью за питьевой водой, проделываешь мучительную прогулку по противно чавкающей грязи. Когда мы возвращаемся с купания, ноги по колено в грязи. Наша парусиновая обувь не успевает просыхать и всегда покрыта грязью; до нее противно дотронуться, и мы оставляем ее за дверью.

Однако, промокнув, нетрудно и обсушиться, можно и счистить с себя грязь. Подлинное же, подспудное зло — это медленный процесс гниения под влиянием сырости. Гниет все: одежда, что не успевает просохнуть в заливаемых дождями бараках; обувь, что превращается в клочья, когда идешь по тропе; рвущиеся лямки и пахнущие гниением заплесневелые одеяла. Съестные припасы также быстро плесневеют в лесу; их нельзя долго хранить. Пле-

сенью покрывается и лента для пишущих машинок, валики становятся липкими, сыреет бумага для мимеографа, типографская краска расплывается и образует на ней кляксы, а все металлические части покрываются ржавчиной. Влага проникает и в вырытые в земле укрытия, которые мы оставляем за собою, разрушая все, что мы закладываем в них на хранение. Видимо, дождь не утихнет, пока окончательно не доконает нас.

Мы чрезвычайно обеспокоены судьбой наших книг: у нас их так мало, а книги по теоретическим вопросам почти не восстановимы. Нам приходится писать и размножать на мимеографе тексты всех учебников для наших курсов. Как бы мы ни обертывали их — тканью, пластиком, бумагой, холстом, — влага все равно проникает внутрь и разрушает все. Первое, что мы делаем, промокнув после похода в речной и дождевой воде, — вынимаем книги и сушим их у очага или на солнце. Мы храним их в самом сухом уголке барака. Но ничего не помогает. Переплеты отклеиваются, коленкор отстает от картона, страницы рассыпаются, стоит лишь дотронуться до них рукой. Старательно и кропотливо сшиваем вновь страницы, а когда они безнадежно крошатся, перепечатаваем текст книги заново на машинке. Как и мы сами, наши книги гордо выдерживают все испытания.

80

В чащу лесов прибывают люди.

Где-то в районе треугольника Луизпана — Кавинти — Сампалок должно состояться расширенное совещание руководителей движения. Во все уголки в горах и на южные острова были разсланы через связных извещения. По-немногу, пробираясь через кордоны или длинным кружным путем, в лагеря и продовольственные базы по соседству с нами стекаются руководители, чтобы собраться в нужное время в назначенном месте и ждать накопления необходимых припасов, способных обеспечить снабжение большого количества людей в течение нескольких недель. А обеспечить нужно не только самих руководителей, но и многочисленный состав отборных отрядов охранения. Нелегко подготовить и провести такое совещание, предоставив ему надежную охрану и обеспечив абсолютную тайну перед лицом зоркого и активного врага.

Промозглым утром через пелену дождя к нам пробираются по одному люди. Одного из них мы сразу же узнаем и выбегаем из барака ему навстречу. Это Луис Тарук, тяжело навьюченный, шагающий по грязи подобно какой-то длинноногой птице, с зажагым в руках автоматическим карабином. Мы обнимаемся прямо здесь, под дождем. Мы не виделись с ним целых два года. Знакомая нам фуражка. На нас глядит осунувшееся, но улыбающееся, как всегда, лицо. Он прибыл со своей группой из Пампанги, пробродив целый месяц по болотистым и опасным горным тропам.

Рядом с ним появляется тоненькая фигура. Широкие спортивные брюки, куртка. Это его жена, Патти, с которой он недавно обвенчался, фармацевт, окончившая Филиппинский университет. Я пожимаю ее тонкие пальцы. Она исхудала и страшно устала от похода, но ее рукопожатие тепло и сильно, и она с первого же взгляда понравилась мне.

За ними подходят по одному бойцы охранения, небритые, забрызганные грязью, похожие на верблюдов в своих накинутых на поклажу «пончо», — крепкие, как на подбор, молодцы. Здесь же находятся Пол Акино и его брат Феликс — сыновья Био Акино, вождя крестьян Пампанги. В том, кто стоит невозмутимо в стороне в столь непринужденной позе, я не сразу узнаю Линду Бие, самого прославленного из всех военачальников «хуков». Он приветствует меня улыбкой столь робкой, что она не вяжется как-то с его боевой репутацией, которую смело можно счесть уникальной в истории Филиппин.

Луис и люди его группы размещаются в бараке Рега Тарука, его брата. В бараке шумно, он набит до отказа, но это их не смущает; все они выходцы из Пампанги, а филиппинцы из одной и той же провинции неизменно тяготеют друг к другу. Движение «хуков» борется против этих местнических тенденций, но преодолеть их полностью не в состоянии. Из руководителей один лишь Джи Уай полностью свободен от них.

Через несколько дней прибывает еще один человек. Это Джесси Магусиг, при виде которого невольно исполняешься восхищения. Джесси был командирован однажды в провинцию Батангас. Во время стычки с жандармами его ранило в голову, из-за чего парализовалась вся левая сторона тела. Джесси доставили тайком в Манилу для ле-

чения. Но помочь ему ничем уже было нельзя. Он лежал беспомощно, спрятанный в одном из домов. Сдаться он отказался, хотя это помогло бы ему вылечиться. Когда в октябре в городе были совершены налеты и аресты, адрес дома, в котором находился Джесси, стоял в списке. У него был друг среди лиц, облеченных властью, который послал ему предупредительную записку. Однако дома в то время никого не оказалось, посыльный побоялся ждать его, и у Джесси оставались считанные минуты, чтобы спастись. Несмотря на свой паралич, он сумел выбраться на улицу. Ему удалось поймать такси. Налетчики нагрянули в дом в тот момент, когда такси уже поворачивало за угол. Некоторое время Джесси прятался у друзей, однако оставаться в городе было опасно. Друзья решили переправить его сюда, на юг.

И вот теперь Джесси прибывает. Так как самостоятельно ходить он не может, его несут на спине товарищи. Они по очереди сменялись, чтобы переправить его через реки вверх и вниз через горы и ущелья и густые леса. Они идут, шатаясь от усталости. Джесси машет рукой. Его измученное лицо озаряется улыбкой.

— Привет, Сильвестро! — восклицает он.

61

В середине 1947 года, когда я жил в Маниле на положении журналиста, мне была предоставлена возможность отправиться «на места», чтобы собрать там материал из первоисточников для книги о «хуках». Тогда я и повстречался впервые с Луисом Таруком. В течение месяца я сгранствовал с ним в провинции Пампанга, побывал на горе Араят, в бологиютом районе Кандаба, на рисовых полях, избегая встречи с жандармскими патрулями.

После встечи с Луисом замысел моей книги совершенно изменился. Вместо предполагаемого исторического очерка я написал его «биографию», озаглавив ее «Рожденный народом». Я попытался отобразить в этой книге не только самого Луиса, но и весь филиппинский народ в целом, борющийся за свое полное освобождение от оков колониализма, потому что такой человек, такой лидер, как Луис, был в подлинном смысле этого слова порожден жизнью и борьбой крестьян Пампанги. Он представлялся мне их символом.

Улыбающийся, бодрый, решительный, готовый к лишениям и жертвам, Луис — прирожденный революционер, участвующий в борьбе в силу самой логики своего классового положения. Однако он играет важную роль не как отдельное лицо, а как участник движения, к которому примкнул. Именно его роль в этом движении обеспечила ему вес, престиж и руководящее положение. Подобно всем нам, он действует в унисон с курсом исторического развития, и если бы он уклонился от него, то уподобился бы бревну, унесенному с гор во время наводнения и выброшенному на берег, где ему суждено иссохнуть. То же самое относится и ко всем нам.

Когда в 1947 году я впервые встретился с Луисом, он был военачальником «хуков», сохранив этот пост со времен японской оккупации. В 1958 году его сменил Джи Уай. Луис стал руководителем РЕКО 2, сильнейшего и важнейшего из всех. Человек более мелкого калибра считал бы это понижением. Но товарищи просто считали, что ему не хватает политического развития, достигнуть которого он сможет на этом новом участке борьбы.

Теперь, когда мы просиживаем по вечерам у очага в бараке, обсуждая вопросы, связанные с нашей борьбой, он часто глядит задумчиво на горящие угли, подперев подбородок руками. После ареста в Маниле наших руководящих товарищей — тем, кто остался на свободе, предстоит взять на себя новые роли и новые обязанности. Быть может, он и раздумывает о том, какую роль ему придется взять на себя и как он будет справляться с нею, — какие новые главы придется вписать в уже написанную книгу.

82

Связной доставляет нам сообщение из другого лагеря. Это Хесус Лава предлагает некоторым из нас прибыть к нему для предварительных бесед перед предстоящим совещанием. Отправляются Луис и Рег, а через сутки и я иду им вслед.

Нужно по меньшей мере восемь часов, чтобы добраться до места. Я отправляюсь на рассвете в сопровождении двух бойцов охраны. Селия остается дома, так как чувствует себя неважно. Впервые за время нашей совместной жизни мы расстаемся более чем на сутки... Огонек в очаге

похож на ярко-красный драгоценный камень на фоне серого рассвета.

Так как нас только трое, ничто не мешает нам идти быстрым шагом. Я уже привык к походам в лесу и горах, и все мы чувствуем себя бодро, несмотря на дождь и туман. В юные годы мое воображение всегда пленяли тропы, по которым бродили индейцы; теперь же мы сами спешим по лесным тропам, пересекаем заболоченные места и переходим вброд ручьи, какие некогда попадались, должно быть, Ласаллю*, Шамплэну** и лесным следопытам.

Предстоящее совещание предполагается провести в лагере Джесса. Это единственное в своем роде место. В свое время бывшие «каингерос»*** соорудили плотину на местном ручье и создали обширный пруд в чаще, расположенной между возвышенностями. В центре пруда находится густо заросший деревьями островок, с трех сторон соединенный с берегом полуразвалившимися бамбуковыми гатами, которые надломились и осели настолько, что погрузились наполовину в воду. Мы переходим по одной такой зыбкой гати, осторожно нащупывая ногами раскачивающиеся под поверхностью воды бамбуковые прутья. «Хуки» нарочно оставили эти гати в полуразрушенном состоянии, чтобы сбить с толку воздушных разведчиков врага. На островке кипит работа. Повсюду воздвигнуты или строятся новые крепкие бараки, хорошо скрытые за деревьями. Отовсюду доносится визг «боло» и поперечных пил. Вот отряд «балутан» разгружает свою поклажу у склада, где хранятся рис, сахар, «монго», консервированная солонина, мука и ярд.

Джесс встречает меня у порога своего барака. Он одет в поношенные серые брюки, заправленные в высокие носки, и в старенький, с заплатами на локтях, темно-синий свитер с высоким воротом. Его лицо озаряется, как всегда, широкой улыбкой, а окруженные морщинками глаза весело оживляются за сверкающими стеклами очков. Он наклоняется, чтобы пожать мне руку, и хотя мы не виделись с

* Р. К. Ласалль (1640—1687) — французский путешественник и исследователь американского материка. — *Прим. перев.*

** С. Шамплэн (1567?—1635) — французский путешественник и исследователь американского материка, считающийся основателем Квебека (Канада). — *Прим. перев.*

*** Безземельные крестьяне, выжигающие участок в гористых лесах — «каингин», а затем засевающие его.

ним целых три, полных тягот года, он здоровается со мною так, словно мы расстались только на прошлой неделе. Такой обычай установился сам собою в нашем движении, как бы доказывая, что трудности нам нипочем и что длительная разлука дружбе не помеха.

Хесус (Джесс) Лава — самый младший в замечательном созвездии братьев, из среды которых выдвинулись выдающиеся руководители национально-освободительного движения на Филиппинах. Всего в семействе Лава было пять братьев — сыновей мелкого землевладельца в провинции Булакан (Булакан всегда был центром национально-освободительного движения на Филиппинах, родиной поэта Балагтаса и выдающегося публициста Марсело дель Пилара в эпоху испанского владычества). Старший брат, Висенте Лава, был ученым, занимавшимся вопросами переработки кокосовых орехов, и тем самым способствовал развитию национальной промышленности; после убийства японцами Крисанто Эванхелисты он стал Генеральным секретарем Коммунистической партии. Висенте был политическим руководителем движения «хуков» в период японской оккупации. Умер он в 1947 году в результате лишений, связанных с партизанской жизнью. В 1948 году один из младших его братьев, Хосе Лава, юрист и банковский ревизор, стал видным политическим руководителем движения. Нам с Селией довелось работать вместе с Хосе в Маниле. Это он предложил Селии и мне отправиться в горы, чтобы оказать помощь движению. Я настолько уважал его за его высокие моральные качества, что сразу же согласился. Когда во время полицейских налетов, осуществленных в Маниле в октябре, он был арестован, Джесс автоматически занял его место как заранее намеченный кандидат в руководители «второго эшелона». Два других брата из семейства Лава — Орасио, выдающийся экономист, большой патриот, и Франсиско, юрист и член Союза гражданских свобод, — не состоят членами какой-либо политической организации и не участвуют в организациях «хуков», но пользуются большим авторитетом среди интеллигенции за свои патриотические убеждения.

Хотя со времени ареста брата Джесс принял на себя руководство «хуками», ему придется подождать, пока совещание окончательно не утвердит его в качестве верховного руководителя. Вряд ли можно сомневаться, что он будет

избран на этот пост, так как по своим способностям он стоит на голову выше всех остальных руководителей и, кроме того, очень любим участниками движения.

Двое суток провожу я с Джессом в его бараке, беседуя с ним по всем вопросам нашей борьбы. В первую ночь мы лежим на своих спальных циновках; угли, тлеющие в очаге, тускло освещают барак, бросая мрачные красноватые тени. Делимся своими мыслями. У меня сложилось впечатление, что он нащупывает почву, пытаясь создать себе представление о людях, с которыми ему придется работать, принимать важнейшие решения. Джесс был врачом, притом хорошим врачом, и его приятные манеры и улыбка, с которыми он не расстается, даже высказывая критические замечания или резко возражая, объясняются в какой-то мере привычным врачебным подходом к больным. Он к тому же проникательный политик и в числе других был избран в 1946 году в конгресс по списку партии Демократический альянс.

Из отдельных пунктов в горах прибыли другие руководители, и на следующий день мы — Джесс, Джи Уай, Рег, Луис, Матео дель Кастильо, Хорхе Фрианеса и я — подробно обсуждаем нашу дальнейшую политику. Основной вопрос состоит в том, какого курса нам следует придерживаться, имея в виду арест руководителей движения и контрнаступление врага. Происходит довольно резкий обмен мнениями, особенно в связи с идеями, высказанными Хорхе Фрианеса. В 1948 году он был отстранен от руководства, так как его обвинили в поведении курса, который был назван «примиренческим». Под этим понималась разработка тактики легальной борьбы и поддержка профсоюзами некоторых элементов внутри правящей Либеральной партии. Теперь же он высказался пессимистически по поводу курса на вооруженную борьбу перед лицом сильного империалистического врага. Однако в общем и целом в результате обсуждения выявлялась тенденция в пользу продолжения тактики, намеченной недавно арестованными руководителями: дальнейшее территориальное расширение движения, укрепление вооруженных сил и общая подготовка к захвату власти. Основные доводы сводятся к тому, что объективные условия в стране не изменились сколь-нибудь существенно и что субъективные силы революции — «хуки» не потерпели поражения и не стали слабее.

Наша дискуссия затягивается далеко за полночь, одна-

ко на следующее утро Луис, Рег и я встаем рано и возвращаемся в свой лагерь, где нас ждет Селия.

Совещание должно состояться через две недели.

63

Рождество 1950 г.

В бараке Тарука, где разместились пришельцы из провинции Пампанга, полно народу. Бурлит веселье. Конечно, повсюду в лагере готовятся к празднику, однако барак Тарука становится центральной кухней наших рождественских празднеств, из него исходят наиболее аппетитные запахи, а поэтому он особенно привлекает к себе всех. Идет, правда, дождь, но кому какое дело до него? Парни из отрядов охранения стоят около барака и поют под аккомпанемент гитары; каждый из них держит над головой большой зеленый лист «анахау» вместо зонтика. Самый незатейливый хор рождественских песенников, когда-либо певший в чаще лесов! В бараке девушки-связные громко хохочут над словечками, отпускаемыми некоторыми песенниками.

В своей любимой роли шеф-повара выступает Луис Тарук. На нем большой белый бумажный колпак, вместо фартука подвязан старый мешок. Он носится, подпрыгивая, между сковородами и кастрюлями и изо всех сил веселит девушек. Капли дождя, задуваемые ветром под крышу, брызгают на сковороды и шипят, а в переполненном бараке, где мы расселись на подоконниках и на краю спального помоста, полно дыма.

Связные специально ходили в Манилу, чтобы достать продукты для нашего праздничного обеда — «лумпию»*, «пансит»**, «моркон»*** и муку для горячих лепешек. Охотники подстрелили кабана, а некоторые из мужчин отправились далеко в рощи кокосовых пальм за орехами. Одна из продовольственных баз прислала немного манио-

* Свиные отбивные котлеты с гарниром из овощей и стручков, завернутые в листья салата. Подаются с кисло-сладким соусом и чесноком.

** Китайская лапша с искрошенным мясом, рыбой и овощами в соусе.

*** Мясной рулет с начинкой из овощей, изюма, сваренного вкрутую яйца и кусочков печенки.

ка, который теперь толкут и варят с кокосовым молоком и сахаром, чтобы подать его на десерт. По крайней мере раз в году нам предоставляется возможность выйти за рамки нашего обычного партизанского пайка и отведать разных яств.

Шумный день. Каждый барак принимает участие в празднестве. Несмотря на дождь, мы переходим из одного барака в другой, чтобы участвовать в отдельных номерах нашей программы. В бараке Тарука подается обед, и каждый приносит собственную тарелку. В нашем бараке под вечер устраиваются танцы для девушек-связных и парней из отрядов охранения. Бренчит гитара, мы стоим вокруг, хлопая в такт в ладоши, а барак весь сотрясается и грозит рухнуть. Разыгрывается также небольшой скетч, в котором в качестве деда-мороза выступает «хук» с автоматической винтовкой. В другом месте происходит «мериенда»*, а в одном из барачков подается кофе. Под конец мы вновь собираемся в просторном бараке Таруков, где проходит вечер самодеятельности. Исполняются песни и стихи, причем каждый из нас обязан выступить, все равно, обладает ли он приятным или режущим слух голосом. Горит фонарь «летучая мышь», и подается в изобилии рисовый «кофе», чтобы смочить горло.

Во время программы мы с Селией незаметно уходим и возвращаемся в свой барак, пробираясь при свете ручного фонарика по разбросанным в грязи веткам и камням. В нашем бараке пусто, холодно и сыро, а в полоске света, отбрасываемого фонариком, играет множество лесных теней. Мы опускаемся на колени у очага, смахиваем кучку серой золы, находим gleющий уголек и осторожно раздуваем его. Расстилаем близ огня свою циновку и одеяла. Сквозь шум дождя до нас доносятся еле слышные звуки гитары и песен. Мы предаемся воспоминаниям о днях, прожитых нами вместе в борьбе.

Над вершинами Сьерра-Мадре бушует тайфун, унося с собой уходящий год.

* Легкая закуска среди дня по установленному на Филиппинах обычаю.

Сперва «банши» * дает о себе знать, должно быть, во время бури в лесу. Ветер свистит и стонет. Проносясь над деревьями, он словно выстукивает свою жалобную мелодию на множестве пронзительно визжащих клавишей. Деревья-великаны в лесу сгибают и скидывают в неистовых муках свои ветви-руки, их космы разметались, и они стонут: а-а-а-а, а-а-а-а. Бешеное завывание ветра заглушает наши голоса в бараке, и мы не слышим друг друга.

На кровлю без конца сыплются ветки и время от времени с грохотом обрушиваются крупные сучья. Выходить наружу опасно, так как в воздухе полно летающих сучьев и колотящих остроконечных веток, которые могут выбить глаз. Выглянув в окно, видим, как исполинское дерево согнулось на ветру и продолжает медленно и страшно пригибаться все больше и больше к земле, — и вот уже его огромные корни выпячиваются наружу и трещат, словно рвущиеся канаты, земля содрогается, когда оно валится. Теперь оно лежит с уродливо вскрытыми внутренностями ствола.

Вслед за ветром устремляется дождь, суматошно хлещущий в чаще лесов, словно какой-то безумец, размахивающий брандспойтом. Дождь то налетает целыми полосами, подсыбными огромным знаменам на параде, и каждое из них обрушивается на наш барак со звуком рвущегося шелка, то льет сплошным потоком, низвергающимся на нас с оглушительным шумом.

Мы задумали было отпраздновать день Нового года сегодня, но празднество пришлось отменить. Мы не в состоянии даже разжечь огонь, так как дождевая вода просочилась внутрь и залила наш очаг. Брызги дождя попадают в барак. Мы жмемся друг к другу под одеялами или вскакиваем, чтобы закрепить часть кровли или залатать щель, образовавшуюся в стене.

Наше положение столь неопределенно. Мы лежим здесь, готовые ко всяким неожиданностям, во власти разбушевавшейся стихии. На исходе год, который так и не принес того, что мы от него ожидали.

* В ирландской и шотландской мифологии — дух, завывания которого у порога дома предвещают скорую смерть одного из членов семьи. — *Прим. перев.*

Январь 1951 г.

В чаще лесов веет свежий ветер и играют солнечные зайчики, осушая засоренные просеки. Мы протираем и сушим наши вещи, готовясь вновь взяться за работу, как вдруг где-то вблизи раздаются выстрелы.

Во всех бараках объявляется тревога. Через два часа мы узнаем, что случилось. Группа наших бойцов охраны находившаяся в дозоре, попалась на глаза большому отряду правительственных войск, оказавшемуся по ту сторону ручья чрезвычайно близко, увы, от нас, и была обстреляна им. Наши люди открыли ответный огонь, и неприятель скрылся в направлении, откуда он прибыл. Но мы не чувствуем себя больше в безопасности и решаем перевести наш лагерь в другое место. Враг выслеживает тропы, которыми мы пользуемся. Однако у Рега сильный приступ малярии, а поэтому мы решаем отложить на сутки наш отход. Тем временем половине наших бойцов охраны отдается приказ залечь в засаде над ущельем, где тропа особенно ненадежна.

В полдень возвращаюсь в барак после совещания с Луисом и Регом. Мы искали по карте место, куда перебраться. Я бросаю свои испачканные в грязи ботинки у двери и вместе со всеми усаживаюсь на полу, принимаясь за обед, состоящий из риса и супа, изготовленного из «тоге», т. е. стручков горшка «монго». Белен, наша связная, встает и выходит из барака.

Вдруг она вбегает в панике, с развевающейся юбкой, и пронзительно кричит:

— Жандармы! Жандармы!

На какое-то мгновение мы столбенеет, но в этот момент всего в нескольких ярдах раздается оглушительный треск ружейных выстрелов. Враг на территории нашего лагеря, он обстреливает нас.

Одним рывком, не раздумывая, мы вскакиваем и выбегаем из барака по направлению к реке. Позади нас грохочут выстрелы из автоматов: поп-поп-поп, банг-банг-банг. В плечи меня ударяют обломки коры и веток, а комки земли у ног крошатся и подбрасываются вверх. Рядом со мною бежит Хорхе Фрианеса, за мною — Селия. Одна из пуль попадает в Хорхе; я слышу, как он хрипит, вижу, как

валится плашмя лицом на землю. И вот я уже на берегу и ныряю с крутого склона в чернеющую внизу воду.

Раньше я всегда осторожно спускался с этого берега, но теперь, подгоняемый страхом, убегая от угрожающей сзади смертельной опасности, вприпрыжку мчусь босиком. Прыгаю в широкую глубокую заводь и что есть сил плыву к противоположному берегу. Кажется, что проходит несколько часов, пока я, наглотавшись воды, добираюсь наконец туда. Намокшая одежда тянет меня книзу, как вдруг я ощущаю под ногами камни и нащупываю руками корни какого-то дерева. Я стараюсь выпрямиться, но после столь большого напряжения мякну, словно брошенная на землю тряпка. Вымокший, не в состоянии глядеть сквозь залитые водой стекла, вишу, держась за корни. Где-то сверху нарастают звуки стрельбы. Кажется, что пули вот-вот прошьют мне спину.

Отупело думаю: где Селия? Я потерял Селию. Что мне теперь до всего? Медленно собираюсь с силами, подтягиваюсь за корни и становлюсь на землю.

Среди деревьев над моей головой проносятся с затихающим свистом пули. Спотыкаясь, вхожу в чащу. Как я остался жив!? Мои очки все еще на мне, и эта небольшая отрада вселяет в меня надежду. Вдруг среди деревьев мелькает что-то красное. Вспоминаю, что на Селии была тонкая красная куртка. Бегу туда. Да, это Селия. Селия! Это больше чем надежда: это сама жизнь! Она также насквозь промокла в реке и идет босиком, ее мокрые волосы растрепаны, но она цела и невредима. Крепко обнимаю ее на какое-то мгновение.

Вместе, держась за руки, мы бежим между деревьями, подальше от реки, подальше от лагеря, где стрельба все продолжается, то затихая, то возобновляясь с новой силой. По пути сталкиваемся с другими спасшимися. Пол Акино, его брат Феликс, Мединг — жена Феликса, которая несет на руках недавно родившегося младенца, затем Нанай, пожилая жена Аламбре, и Карлос, один из бойцов охранения. Все мы сходимся и останавливаемся за большим деревом, чтобы обсудить свое положение.

Стрельба стала реже. Время от времени над нами проносится шальная пуля. Трудно сказать, сколько человек сумело скрыться из лагеря, сколько погибло и сколько осталось в живых. Мы могли бы поискать других, но с риском натолкнуться на вражеские патрули. Зная, что мы где-то

поблизости, нападающие скорее всего обоснуются в лагере и начнут прочесывать лес, чтобы найти нас. Все наше оружие состоит из карабина Карлоса с двумя патронными обоймами и пистолета Пола с одной обоймой. Мы решаем поэтому отойти как можно дальше от лагеря и сразу же направляемся к северо-востоку, где, как нам известно, нет троп, которыми враг мог бы воспользоваться.

Я не обращал вначале внимания на то, что бос, но теперь чувство осязания вновь возвращается ко мне. За всю свою жизнь я никогда не ходил босиком, кроме как на мягком песчаном пляже. Но на земле в лесу далеко не мягко, здесь попадаются лишь камни, корни и колючки. Не успели мы пройти каких-нибудь сто ярдов, как мои ноги оказались изрезаны и исколоты. Я знаю, что и Селси придется нелегко. И тем не менее мы спешим уйти.

Понемногу наши мысли возвращаются назад, к моменту потрясшего нас налета. Рег, который был слишком слаб, чтобы двигаться, Джесси Магусиг, парализованный и способный разве лишь ползать. Хорхе, сраженный пулей. Наши пожитки. Мы потеряли все, что у нас было, что осталось в наших узлах в бараке, — все наши деньги и одежду, мою пишущую машинку, наши личные бумаги, мой паспорт. Все, что у нас осталось теперь, — это испачканная промокшая одежда.

Несколько часов мы плетемся так, переходя вброд ручьи и речушки, перепрыгивая в некоторых местах по камням или валежнику, чтобы не оставлять следов. Мы вздрагиваем по малейшему поводу, каждая хрустнувшая ветка или ящерица, шурша пробежавшая по листьям, пугает и настораживает нас.

С приближением сумерек в лесу становится очень тихо, и в самой этой тишине таится угроза. Кажется, даже деревья застыли в ожидании каких-то ужасных событий. Вспоминаю все истории о тайнах леса, которые мне, американскому провинциальному мальчику, приходилось слышать — все эти леденящие кровь рассказы о ветрах, завывающих среди деревьев, о мертвецах, скрытых под опавшими листьями, о призраках, поспешно прячущихся от человека. Все эти ощущения теперь одолевают здесь, в чаще лесов, где вооруженные люди, которых мы даже не видим, подстерегают нас.

Сумерки застают нас в поросшей папоротником ложбине, покрытой рыхлой грязью и отдающей отвратительным

запахом гнили. Мы рады скрывающей нас ночи, но у нас возникает другая забота — о месте, где приклонить голову. Уже почти темно, когда мы выбираемся наконец из хлюпающей грязи на старое каменистое русло реки. На ее берегу находим неглубокую впадину, в которую и забираемся. Она невелика, и мы с трудом уместаемся в ней восьмером. Старая Нанай вздыхает и тихо плачет. Что будет с нами? Младенец лежит, не издавая ни звука, на руках матери. Есть и пить нечего. У Пола остался коробок спичек. Разводим огонь у входа во впадину, используя сухой плавник, застрявший между камнями.

Языки пламени ярко вспыхивают в темноте. Мы глядим на тени, причудливо пляшущие по разбросанным в беспорядке первозданным камням речного русла. Так некогда лежали, должно быть, неандертальцы, которые думали только о том, как поддержать свою жизнь.

66

Другом или недругом стал для нас теперь лес? Поутру, когда мы выбираемся на камни, он простирается перед нами, безмолвный и равнодушный, по обе стороны высохшего каменистого речного русла. Он скрывает нас, а потому он нам друг, но он не в состоянии ни накормить нас, ни указать нам дорогу, ни облегчить наши страдания. Именно это холодное безразличие мы ощущаем больше всего.

Есть нам нечего. Усевшись на один из плоских валунов, мы начинаем обсуждать, как быть дальше. У нас нет ни малейшего представления о том, где мы находимся, но это не столь важно. Главное знать, где находится враг. Вспоминаю карту, которую Рег, Луис и я рассматривали накануне, в частности направление течения крупных рек, и рисую на клочке отсыревшей бумаги схему, пользуясь обугленным колышком. Где-то севернее находится довольно большая река, текущая в восточном направлении к побережью, а в северном направлении, устремляясь к этой реке, протекает сеть более мелких речушек. Где-то к северу от этой реки находится «Багонг Силанг». Это все, что я помню.

Пойдем в «Багонг Силанг» — решаем мы как ни в чем не бывало. Карлос возражает, он хочет задержаться в этом

районе, который, по его словам, он хорошо знает, но все остальные против этого. Итак, мы должны отправиться к северу. Когда солнце подымается достаточно высоко, видим, что дно реки ведет к северу, а поэтому мы сразу же отправляемся в путь по залитой солнцем белой, дикой каменной дороге, пролегающей через зеленую чащу лесов, осторожно ступая по неровным камням.

Менее чем через час мы проходим через спуск в каменной стене и оказываемся в ущелье, где делает поворот устремляющийся к северу ручей. Как будто лес смягчился и улыбнулся нам. Освещенный солнцем, ручей катит свои искрящиеся алмазами голубые воды. Мы припадаем к нему и пьем студеную чистую воду. Это наш завтрак.

Расположившись здесь на отдых, слышим продолжительные серии выстрелов позади нас из района, где располагался наш лагерь. Переходим ручей вброд и направляемся дальше к северу.

Однако оставаться у берега реки было бы неблагоприятно. Враги также пользуются водными путями для передвижения, и мы можем натолкнуться на них. Поворачиваем поэтому в сторону и взбираемся прямо на стену, высящуюся над ущельем, чтобы идти по течению ручья, ведя наблюдение сверху. Решение суровое, так как нам придется пробираться через труднопроходимую, пересеченную местность в лесу, где нет никаких троп, но тем не менее мы идем на это, так как исполнены решимости сохранить себя для борьбы и избежать поражения. На подъеме камни очень острые, и нам приходится взбираться, ступая по корням и стеблям растений. Рассерженные красные муравьи выползают из своих разоренных муравейников, и наши босые ноги ощущают их жгучие, как огонь, укусы. Часто останавливаемся, чтобы отдохнуть, и чувствуем, как больно сосет под ложечкой.

Карабкаясь вверх, слышим знакомый звук в небе. Это рейсовый самолет филиппинской гражданской авиации, величественно плывущий в вольном воздухе. Будь мы обычные путники, просто заблудившиеся в лесу, мы побежали бы к открытому берегу реки, стали бы размахивать руками, сигнализировать кусками материи, зажигать хвост или даже кричать. Однако для пассажиров, которые могут заметить нас, мы — люди, которых преследуют, за которыми охотятся. Они не окажут нам помощь, а лишь направят против нас войска, как охотников наводят на дичь.

Мы прячемся поэтому у обрыва, скрываясь от горделивого творения рук человеческих.

Какую странную группу людей мы представляем собой, медленно пробираясь по этой дикой местности. Феликс молчалив, никогда не высказывает своих мыслей, своего мнения, никогда никому не возражает, а лишь идет следом за всеми. Его жена Мединг заговаривает только со своим младенцем; я поражаюсь, как она умудряется не выпускать его из рук в местах, где мне приходится пускать в ход обе руки. Каждый раз, когда мы делаем привал, она старается накормить его грудью. Нанай стара и все время причитает; нам приходится помогать ей во всем. Карлос, молодой человек, угрюм. Он хочет настоять на своем, а мы не хотим уступить ему, он почти не разговаривает с нами. Пол тоже молчалив, но он держится бодрее, так как ему не раз приходилось подвергаться опасности. Он рассказал нам, как, пробираясь через вражеский кордон, он двадцать пять дней ничего не ел, а лишь пил горячую воду, когда можно было рискнуть разжечь огонь. Мы уверены в нем. Селия и я, как кадровые работники, молчаливо берем на себя обязанность вести вперед и подбадривать эту разношерстную группу людей.

Единственное имеющееся у нас орудие — это мой перочинный ножик с двумя маленькими лезвиями. Перочинный ножик — против леса. Однако мы пользуемся им, подрезая ползучие растения и густые поросли. Это медлительная и мучительная операция, и мы убеждаемся, что, находясь на взгорье, нельзя внимательно следить за руслом реки из-за густых зарослей, лиан и торчащих на поверхности камней. В конце концов мы теряем реку из виду и ориентируемся лишь по солнцу.

В одном месте мы останавливаемся у группы «анибонг» * и пытаемся срезать один из них, чтобы извлечь из него «убод». Изголодавшись, все ждут с нетерпением. Но с небольшим перочинным ножиком эта операция занимает много времени, а единственного куска «убода» хватает всем лишь на один зуб. Решаем поэтому не тратить больше время и ножик на усилия, дающие столь незначительные результаты.

Под вечер мы оказываемся на холме. Деревья здесь реже, а земля покрыта мхом. Страшно усталые, мы делаем

* Лесное растение.

остановку. Вблизи растут «анахау». Срезаем много листьев, оголяя длинные, твердые стебли. Втыкаем их в землю так, что они образуют круг, и переплетаем листьями, сооружая круглое убежище с кровлей. Внутри, поверх сухих листьев и веток, накладываем побольше листьев «анахау». Став обитателями леса, мы должны устраиваться, как и положено лесным жителям.

На лес спускаются сумерки. Мы сидим на корнях перед нашим убежищем, ожидая наступления ночи. Все молчат. Да и о чем говорить? Вглядываемся в сумерки. Редко растущие деревья бросают длинные, как столбы, тени, а земля между ними слегка буреет и покрывается пурпуром. Лес замирает. В нем воцаряется невозмутимая тишина, обычная для необитаемой местности. Темная ночь спускается словно смерть.

67

Проснувшись поутру, рассказываемся в трагическом положении. Не видно ни неба, ни солнца. Сплошные серые тучи низко нависли над деревьями. Молча разбираем наше убежище, раскидываем обломки, сбрасывая их со склона, чтобы не оставить никаких следов, и начинаем взбираться вверх. Идет дождь.

Но нас беспокоят не наши лишения — не сильный дождь, не намокшая одежда, пронизывающая нас холодом, не грязь, по которой мы беспомощно скользим. По-настоящему тревожит нас потеря ориентировки. Нет солнца, по которому мы определяли свое направление. Затянутое мутными серо-желтыми тучами небо везде одинаково. Мы знаем господствующее направление ветра в эту пору года, однако в нависших над нами сплошных тучах не видно ни одного движущегося облака.

Ориентировка... В гористых лесах, даже когда ярко светит солнце, нельзя наметить себе какой-либо возвышающийся впереди над местностью ориентир и идти прямо по направлению к нему. На этом пути неизбежно будет попадаться множество ущелий, каменистые гряды, реки, которые придется обходить, сбиваясь с пути, пока сам ориентир не скроется из виду. Еще хуже во время дождя, когда в воздухе висит мгла.

Мы идем вслепую, поднимаясь и спускаясь со склонов,

двигаясь тупо и безмолвно, словно автоматы. У женщины с младенцем на руках ввалились глаза; спотыкаясь, как и мы, вся в грязи, она приподнимает руки, высоко держа над головой похожий на кокон сверток. Одна лишь старая Нанай подает голос. Ковыляя за Селией, она то и дело шепчет:

— Остановитесь, я не могу идти дальше!

Время от времени к западу от нас раздаются выстрелы. Видимо, враг прочесывает всю местность вдоль гребня гор, где расположились наши лагеря. Мы движемся параллельно гребню.

В нашей маленькой группе отношения осложняются. В безмолвном лесу, где слышен лишь шорох дождя, раздается вдруг плач младенца. Тихий, жалобный плач превращается в пронзительный, сверлящий уши вопль. Мы слушаем его, сжав зубы. В промокшем лесу он отдается гулким эхом. Озабоченно машем женщине, чтобы она успокоила ребенка. Она пытается это сделать, лаская его и воркуя. Но голодный младенец продолжает жалобно плакать. Она закрывает ему рот рукой, но лицо ребенка багровеет, она отпускает руку, и плач продолжается. Женщина смотрит на нас застывшими, умоляющими глазами.

Наступает очередь Карлоса расчищать нам путь. Срезая лианы, он то и дело останавливается, убеждая нас свернуть к западу, где расположены знакомые ему деревни, в которых можно достать пищу. Как и прежде, мы возражаем ему, указывая на доносящиеся оттуда отзвуки военных операций. Затаив злость, он подрезает ножом попадающиеся на пути лианы. Теперь, когда Карлос прокладывает путь, сразу видно, что он все время отклоняется влево, в сторону запада. Когда мы предлагаем ему держаться направления вправо, он сердито косится на нас и крепко сжимает свой карабин. Мы с Селией замедляем шаг и советуемся с Полом. Если Карлос начнет бунтовать или откажется повиноваться приказам, Пол застрелит его. Колебаться нельзя, так как Карлос вооружен. Пол соглашается. Теперь он несет свой пистолет не в кобуре, а в руке.

Мы — группа из восьми людей, но мы не просто восемь человеческих существ. Мы — участники революционного движения, от которого зависит будущая судьба миллионов. Дело не просто в том, чтобы сохранить наши жизни. Если бы это было так, то мы пошли бы на запад, к «баррио»; мы даже стали бы искать врага, чтобы сдаться

и получить пищу. Но мы не можем стремиться лишь к тому, чтобы только сохранить себе жизнь. Мы должны думать о том, чтобы жить и продолжать работать как революционеры. Но это еще не все, так как некоторые из нас несут более серьезные обязанности, чем другие. Мы могли бы отказаться от своей цели ради Нанай, ради Мединг и ее ребенка; но мы не вправе отказаться от нее и обречь на гибель кадровиков, которые нужны для борьбы. Мы будем продолжать поэтому идти своим путем; будем терпеть голод, трудности и лишения; будем ползти, если потребуется, на четвереньках к месту своего назначения и убьем, если это будет необходимо, всех недовольных и тех, кто навлекает на нас опасность; но мы вновь возьмемся в ряды участников движения и, уцелев, вновь станем активными революционерами.

Вот какие мысли движут нами.

Во второй половине дня наталкиваемся на следы чьих-то ног и на остатки свежесрезанных ножом лиан. Мы замираем. Неужели враг выследил нас? На мгновение нас охватывает страшная паника, и мы хватаемся за оружие, за наши несчастные два ружья. Затем вглядываемся более пристально. Да ведь это наши собственные следы. Мы блуждали по кругу.

Стало быть, бесполезно бродить в дождь под серым, словно в насмешку, небом. Мы лишь напрасно изнуряем себя. Посоветовавшись, решаем выбрать подходящее место и остановиться там, пока пройдет дождь, пока мы сумеем вновь найти дорогу. Выбираем ровное место на косогоре, близ ручья, над обрывом, где можно было бы укрыться в случае надобности, и воздвигаем там убежище из листьев «анахау». Мы голодаем уже третий день, очень ослабели, и работа эта отнимает у нас больше времени, чем обычно.

Мы ложимся здесь, в извечном лесу, и ждем...

Я никогда не верил утверждению, что в сознании тонущего человека проносится за один миг вся прожитая им жизнь. Даже здесь, когда мы, насквозь промокшие под дождем, медленно утопаем во мху и листве, я думаю не о прошлом. Мысли мои — о сегодняшнем дне и о тех лю-

дах, которые меня сейчас окружают в этом примитивном убежище из листьев.

Я отнюдь не выискиваю такие моменты в своей прошлой жизни в Америке, которые стали предпосылками моей настоящей деятельности. Я вовсе не задаюсь вопросом и не пытаюсь критически осмыслить, почему я нахожусь здесь, в филиппинском лесу, с женой-филиппинкой, рядом с которой я лежу на земле в измазанной грязью одежде, считая это вполне логичным. Я не вижу ничего странного в том, что нахожусь здесь в одинаковых условиях с неграмотными крестьянами другой расы — со старухой, жизнь которой проходила на полях в уборке урожая, с забитой молодой женщиной, имеющей весьма слабое представление о жизни, с двумя братьями и юношей, вырвавшимися из-под угнетавшей их пяты с оружием в руках. Это чувство единства с угнетенными, преследуемыми, но неустрашимыми вошло в мою кровь.

Проходит двое суток, а мы все еще продолжаем лежать здесь. Дождь льет не переставая. Уже пять суток мы ничего не ели. Из листьев «анахау» делаем сосуды, кипятим в них воду и пьем ее. Это ослабляет боли в желудке. Время от времени встаем и ковыляем за дровами. Приходится подолгу стоять под дождем, пока заставишь себя нагнуться и подобрать сухую ветку.

Мои ступни распухли, покрылись порезами, испещрены множеством черных впившихся в кожу колючек. Молча лежим с Селией, прижавшись друг к другу. Мединг без конца пытается накормить своего младенца, но молока в груди нет; посиневшее дитя лежит неподвижно, с закрытыми глазами. Нанай стонет и ворочается во сне. Мужчины сидят, уставившись глазами в огонь, где синеватые языки пламени лижут сырые почерневшие сучья. Ночью — как днем; просыпаясь, я неизменно нахожу кого-нибудь, кто сидит, уставившись глазами в огонь.

К исходу второго дня Карлос встает и выходит. Пришла его очередь собирать дрова. Проходит некоторое время. Над возвышенностью начинают опускаться сероватосиние сумерки. Карлос не возвращается. Выглядываем из нашего убежища, но Карлоса нигде не видно. Его карабина нет на месте. Мы сразу же решаем, что он сбежал. Со злобой говорим о нем.

Вдруг в сумерках прямо над нами раздается гулкий выстрел, потом другой. В одно мгновение выбираемся из

своего убежища и сползаем по крутому склону оврага, скользя и задыхаясь, к заросшему кустарником дну. Что это за выстрелы? Не наскочил ли Карлос на засаду? А быть может, он подавал сигналы врагу? От этой мысли у нас пересыхает в горле, и мы готовимся бежать из оврага.

Сверху кто-то кричит. Это Карлос! Не зазывает ли он нас в ловушку? Что такое он говорит? Он добыл кабана. Карлос подстрелил кабана! У нас есть теперь пища! Растерянно взбираемся обратно по склону оврага, стыдясь смотреть Карлосу в глаза. Он уходит с Феликсом в уже сгущающиеся сумерки, и оба возвращаются, неся кабана, привязанного лианами к жерди. Кабан небольшой, но мы бесконечно радуемся ему, усевшись у костра. Мы горжествуем!

Всю ночь напролет мы не спим, разрезаем кабана на куски, варим мясо и едим. Сначала мы поглощаем печенку, огромную, сочную, красную, полусырую, аппетитно сочащуюся печенку. Затем пьем бульон, сваренный в котелках, сплетенных из листьев «анахау», жирный, дымящийся бульон с плавающими в нем кусками мяса. Едим мясо, жаренное и шипящее на вертеле, наполовину обгоревшее и полусырое внутри, но одинаково аппетитное для нас. После каждого проглоченного кусочка чувствуем, как возвращаются к нам силы. Всю ночь мы весело смеемся и разговариваем, разрезая мясо кабана маленьким перочинным ножиком, который к тому времени уже зазубрился.

Наутро дождь слегка моросит и видно, как несутся в небе облака. Мы заворачиваем все остатки кабаньего мяса в листья «анахау» и лианами привязываем к спинам. Лишь Селия настолько слаба, что не в состоянии ничего нести.

Мы разрушаем наше убежище, обломки сбрасываем в овраг, уничтожаем следы костра. Перевалив через возвышенность, идем к северу.

Где-то поблизости должна находиться река, обозначенная на карте, но, пробродив весь день и мучительно натрудив ноги, не находим никаких ее следов.

Под вечер мы неожиданно выходим на открытую сторону длинного обрывистого склона. Он покрыт папоротником, столь густым, что мы ступаем по нему, словно по сплошному ковру. Я поражен видом, открывшимся перед нами.

Вдали, перекатываясь к горизонту, подобно волнам огромного моря, высятся одна над другой гряды гор Сьерра-Мадре, серовато-синие в меркнувшем свете дня, словно отливающие цветом пушечного металла штормовые океанские волны. Сверху скопления иссиня-серых облаков образуют такие же волны в небе, и если задрать голову, то трудно отличить, где земля и где небо. И чудится, будто первая же волна гор с ее зеленеющей пеной леса вздымается, на-двигаясь прямо на нас. Я никогда до этого не ощущал столь остро свою затерянность и ничтожество в этой дикой местности. Меня охватывает ужасное чувство, что я сгину в этой бездне, которая поглотит меня, затону в этом море лесов и надвигающихся со всех сторон вершин. Это чувство овладевает мною с такой силой, что я с трудом пробираюсь через папоротник под надежный покров деревьев.

Нам предстоит поискать «анахау», чтобы соорудить себе убежище. Мы находим их поздно на одном из болотистых откосов. У нас нет выбора, и мы вынуждены расположиться здесь на ночлег, настлав несколько слоев папоротника на покрытый грязью грунт. Оказывается, нет больше спичек. Нельзя развести огонь и переварить мясо, чтобы оно не испортилось. Уже сейчас оно припахивает, но мы все равно едим его. Мы лежим так в темноте и сырости, вдыхая запах влажной растительности и прислушиваясь к гомону тянущих свою ночную песню лягушек. Впервые нас охватывает чувство отчаяния.

Утром, едва мы успеваем пройти не больше полукилометра, начинается дождь. Сильный, жестокий дождь, размывающий почву на склоне у нас под ногами и обдающий нас потоками воды. Я настолько исхудал, что с меня спадают брюки; наступаю на промокшие манжеты, спотыкаюсь и падаю. Какое странное зрелище мы представляем: шатающиеся, падающие то на спину, то лицом в грязь, изможденные, с ввалившимися глазами. Волосы и одежда Селии забрызганы грязью: ее маленький рот застыл в безмолвной решимости, а под глазами появились большие темные круги. Мединг идет, словно слепая, пристально глядя в одну точку, падая на колени, автоматически приподнимая своего младенца. Нанай, упав, не желает больше подниматься. Мы тащим ее за собой, понимая, что обходимся с нею жестоко, отказываясь остановиться ради нее, не разрешая ей спокойно лечь и умереть.

Так спускаемся мы по каменистому склону, то и дело

спотыкаясь и падая, и вдруг выходим к реке, которая с ревом катит через валуны свои воды к востоку, чтобы там быстротечными протоками влиться в море. Мы ковыляем вдоль каменистого берега, тузим друг друга и радостно смеемся: «Видал? Видал?». Затем пересекаем реку, останавливаясь посередине, чтобы дать ей, дружественной нам реке, возможность смыть грязь с наших ног.

Однако куда же нам идти дальше?

Вдоль реки, по ту ее сторону, насколько хватает глаз высится обрывистый утес. Ничего не поделаешь, приходится взбираться на него. На это уходит несколько часов и весь остаток сил. У каждого древесного корня, торчащего из утеса, мы останавливаемся. Последние сто футов приходится взбираться по отвесной стене. Издали, снизу, доносится глухой рокот реки. Мы начинаем карабкаться по стене, цепляясь за мелкие корни, которые то и дело отрываются. Падение отсюда было бы смертельным. Кровоточащими руками мы втаскиваем друг друга наверх и, тяжело дыша, валимся там плашмя на живот.

В ста ярдах от этого месга видна гропа. Тропа в чаще лесов. Куда же ведет она? И что подстерегает нас на этой тропе в лесу? Широкая и хорошо протоптанная, она простирается в полном безмолвии, оставляя нас в неведении. Быть может, она ведет к нашим товарищам, но возможно также, что ее захватил враг, который преследует нас всех. Однако мы слишком слабы, чтобы обсуждать все возможности и альтернативы. Мы идем по ней влево, к северу.

Близится вечер седьмого дня похода. Нас гнетет какое-то предчувствие, и нам кажется, что если мы не поспешим, то никогда уже не прибудем туда, куда направляемся. Мы начинаем бежать по тропе, под дождем, по грязи. Мои ноги страшно разболелись, и каждый шаг приносит невероятные мучения; они вздулись словно маленькие подушки. Тем не менее я бегу даже с удовольствием, чувство боли перемежается с ощущением скорости, и мне кажется, что я уже не в силах остановиться. Я намного опередил всех. Наконец, хватаюсь за ствол дерева, наталкиваюсь на него, как слепой, и весь в поту валюсь на колени.

Наступает ночь, а мы все еще находимся на тропе, спускаясь по ее длинному склону. Слишком темно, чтобы двигаться дальше. Мы не видим, куда идем. Карлос говорит, что он пойдет вперед; он полагает, что мы находимся вблизи какой-то продовольственной базы. Отпускаем его и даем

ему пароль «хочет» (этим словом партизаны собирают всех на обед), которым он должен воспользоваться в случае удачи. Но мы сомневаемся в возможности такой удачи.

Нигде не найти листьев «анахау». Садимся поэтому прямо на сырую землю под дождем. Мы с Селией прижимаемся друг к другу, обнявшись и склонив головы на колени. Промокший лес имеет какой-то мрачно-феерический вид; заплесневелые гнилые листья фосфоресцируют словно призраки. Отовсюду капает. Нас окутывает пелена мрака и дождя.

— «Хочет!»

Откуда-то издали снизу доносится еле слышный зов. Видимо, это лишь галлюцинация в ночном лесу. Но вдруг далеко внизу темноту пререзает яркий луч ручного фонарика, и мы вновь слышим окрик: «Хочет!». Радостно вскакиваем и спускаемся, пошатываясь, по склону. Из темноты к нам протягиваются руки, чтобы помочь. В колеблющемся свете фонарика различаем знакомые лица, и хорошо знакомые нам голоса зовут нас по именам.

Мы находимся в «Багонг Силанге». Мы добрались до места.

69

Лежим в одном из бараков в тепле и полной безопасности, но уснуть не можем.

Дождь стучит по кровле и стенам. Барак укутан мраком ночи. Чудится, будто лес весь колышется и стонет. Раскаленные головешки бросают теплые, волнистые тени на потолок и на наши лица. У нас мучительно горят и пульсируют ноги, как бы мы ни ложились. Все тело ломит.

Враг не одолел нас, мы остались живы и невредимы, готовые продолжать борьбу. Наша борьба продолжается, несмотря на то что враг захватывает наши лагеря, сжигает наши бараки и загоняет наших людей в чащу лесов. Способность выстоять, сохранить кадры и организованную силу — вот что действительно имеет значение. Лагеря можно соорудить за одни сутки, базы можно перевести в другое место, а быстрое отступление — это лишь показатель нашей маневренности. Подлинное значение имеем мы сами, как люди и носители воли человеческой, — а мы живы.

И лес не одолел нас. Мы считали лес своим другом, дающим нам убежище, но он совсем не по-дружески подверг

нас испытанию. Да, лес испытывает нас, нашу выносливость, нашу волю в борьбе с враждебными нам людьми и с дикой природой. На этот раз победила наша воля.

В «Багонг Силанге» мы находимся в тепле и безопасности, но уснуть так и не можем.

70

Мы снова в опасном положении. Враг рыскает повсюду, пробираясь по тропам и выискивая нас. В «Багонг Силанге» мы узнаем о налетах, совершенных в южном направлении, откуда мы прибыли. Захвачены и сожжены все лагерь и продовольственные базы в районе, где мы находились.

С юга прибывает преследуемый врагом Джесс Лава и его большая группа, а также Джи Уай, Дель Кастильо и многие делегаты совещания. Островок подвергся налету, и наши люди спаслись бегством через полузатопленные бамбуковые гати в считанные минуты до нападения. Враг захватил все припасы, подготовленные к совещанию — рис, муку, консервы, сахар, даже бумагу для размножения на мимеографе отчетов о совещании. Арьергарду Джесса пришлось отстреливаться на тропе, чтобы дать своей группе возможность оторваться от преследующего их по пятам врага.

Врагу известно, должно быть, что совещание намечено провести в этом именно районе и что руководители движения находятся где-то поблизости. Следует ожидать, что он активизирует свои действия.

Группа Джесса останавливается на участке, который наша учебная группа занимала раньше в полукруге, что расположен над зарослями травы «когон» и находится ниже по течению реки. Врагу не удалось обнаружить этот участок. Мы с Селией покидаем «Багонг Силанг» и идем туда, чтобы присоединиться к Джессу. Мои ноги все еще воспалены и вздуты, у меня нет пока обуви. Идем медленно, с трудом. Мы все еще не пришли в себя после того, что нам пришлось пережить, и не свыклись с мыслью, что у нас ничего не осталось из вещей. Нам приходится обходиться без зубной щетки, мыла или одеяла. Зубы мы чистим пучками волокнистого покрова кокосовых орехов. Нашим товарищам, которые сами идут налегке,

нелегко поделиться с нами рубашкой или куском мыла. Немало времени потребуется, чтобы связаться с родными и друзьями в Маниле и вновь запастись хотя бы тем, чем обходятся партизаны.

От Джесса узнаем о судьбе наших товарищей по лагерю. Большинство из них уцелело, но они рассеялись кто куда. Рег, больной, в лихорадке, ушел, ковыляя, с ребенком в одной руке и с пистолетом — в другой. Но Хорхе Фрианеса погиб, его тело было найдено на берегу реки, куда он, очевидно, уполз после того, как был ранен; это было его последним, символическим актом сопротивления врагу, которому так и не удалось обнаружить его. Джесси Магусиг оказался более несчастлив. Лишенный возможности двигаться, он отстреливался из пистолета, оставаясь в бараке, пока не был изрешечен пулями. Когда враги, уходя, сожгли лагерь, они бросили его труп в огонь.

Мы скорбим о гибели Джесси и Хорхе, героев нашей борьбы, павших в бою.

71

Местность, где мы расположились, находится под угрозой. С севера и юга к ней приближаются следующие за нами по пятам правительственные войска. По несколько раз в день от патрулей полевого командования прибывают связанные с донесениями о передвижениях врага. Чтобы отвлечь его внимание, Джи Уай отдает приказ устроить ряд ложных засад далеко на юге, близ Лукбана. Однако наше нынешнее положение не вызывает никаких сомнений: ни один лагерь, ни одна продовольственная база или тропа в той части хребта Сьерра-Мадре, которая расположена в провинции Лагуна, не могут считаться теперь безопасными. Нам придется забраться глубже в горы.

Я всячески стараюсь залечить раны на ногах. Весь день, пользуясь иголкой и раскаленным ножиком, вытаскиваю занозы и удаляю гнойники. Лишь одни сутки можем мы позволить себе задержаться здесь, а затем должны вновь отправиться в путь. Утром в день нашего выступления я все еще прихрамываю, и Адинг, один из бойцов охраны Джесса, отдает мне свои ботинки.

— Мои ноги крепки, — говорит он.

Нашим проводником становится Уолтер, крупный широ-

копелчий мужчина из Лонгоса, один из старых соратников Аседильо, который большую часть своей жизни был «каин-геро» и знает Сьерра-Мадре лучше, чем кто-либо другой.

Человек могучего телосложения, он отличается спокойным, добродушно-веселым нравом, флегматичной улыбкой и невозмутимым отношением к опасности; несмотря на солидную комплекцию, он не раз подкрадывался бесшумно к стоянкам врага, выслеживая и подслушивая.

Он чем-то напоминает мне прежних горцев западных районов Северной Америки, которые в давние времена провожали обозы через долины. Теперь он ведет нас вниз по течению уходящей к востоку реки.

Участникам похода даны строгие указания: не курить, не кидать окурков в воду! Тщательно хранить все бумаги! Все оазрознённые предметы привязать к узлам! Ничего не ронять! Не ходить по грязи! Ходить только по воде и по камням, где влажные следы сразу же высыхают!

Этот чудесный день таит в себе опасность. Солнце уже взошло, и шаровидные белые облака плывут по голубым просторам неба. Возвышающиеся с обеих сторон от нас зеленые утёсы, как и стена леса, стоят в филигранном убранстве лиан, похожие на гобелены. Солнечные лучи, преломляясь в реке, сверкают бликами, переливающимися словно блестки на платье танцовщицы. Среди этого покоя кажется невероятным, что нам приходится бежать от смерти, а ненависть и война следуют за нами по пятам.

Я становлюсь на один из валунов и гляжу на цепь участников похода. Нас почти сто человек, растянувшихся ломаной линией вдоль реки, облаченных в самую разнообразную одежду и головные уборы; одни идут прямо по колёно в воде, другие перепрыгивают с камня на камень, словно солдаты Арнольда*, пробирающиеся вдоль реки Кеннебек по дикой местности к Квебеку, или «рейнджеры»** Джорджа Роджерса Кларка***, направляющиеся через топи в Винсенс****.

* Арнольд, Бенедикт (1741—1801) — генерал американских войск во время войны за независимость Северной Америки, ставший впоследствии изменником. — *Прим. перев.*

** «Рейнджеры» — солдаты диверсионно-разведывательной части. — *Прим. перев.*

*** Д. Р. Кларк (1752—1818) — герой войны за независимость Северной Америки. — *Прим. перев.*

**** Винсенс — первое поселение в штате Индиана (США). — *Прим. перев.*

Мы идем по реке почти до самого ее впадения в море, а затем поворачиваем в том месте, где протекает узкий ручей, бегущий по покрытым зеленью камням. Ручей стекает в узкое ущелье, над которым высится отвесная, закрывающая солнце скала из слоистых пород. Из скалы с тихим журчанием струится вода. Мы забираемся далеко в ущелье, а затем наша колонна останавливается. В голове ее стоит Уолтер и, задумчиво поглаживая подбородок, совещается с Джессом. Он указывает наверх. По его знаку вся колонна сворачивает и взбирается прямо вверх, словно штурмуя форт. Так мы не оставляем за собой никаких заметных следов.

Наверху сильно пересеченная местность, много крутых возвышенностей, напоминающих опрокинутые чаши. Здесь на семи холмах мы строим себе бараки, как древнеримские воины в ожидании нашествия варваров.

72

Я занемог. Подымаясь однажды к бараку от протекающего внизу ручья, почувствовал головокружение и упал в обморок. Несколько дней уже лежу на неотесанном бревенчатом полу в полубессознательном состоянии, с высокой температурой. Возможно, что это последствия семидневных скитаний без крова и пищи в чаще лесов. Трудно сказать. Приходит Джесс Лава со своей неизменной врачебной улыбкой. Он делает мне инъекции какого-то антибиотика из наших скудных запасов. Я не в состоянии пошевелиться, и Селия вынуждена поворачивать меня сама. Я настолько слаб, что не в силах даже подносить ложку ко рту, а поэтому она кормит меня водянистым «люгоу», который составляет теперь весь наш паек.

Я лежу неподвижно и вижу лишь небольшую завесу из лиан и листьев, колышущуюся на ветру в конце бревенчатого помоста. Через эту завесу пробиваются в барак солнечные лучи, играя пестрыми бликами. За ней простирается мир, неясный, расплывчатый, завеса прячет меня от этого мира. Весь лес — сплошная завеса, сквозь которую мне не виден мир, но и меня самого также нельзя увидеть. В душе я рад ей. Я рассматриваю каждый лист, его зубчатые края и просвечивающие на солнце прожилки. Вижу крохотные клеточки листьев и тонкую, морщинистую по-

верхность лиан. Здесь за одними узорами, за одними мирами, скрываются другие. Все пристальнее и пристальнее вглядываюсь в завесу.

В лагерь пришел боец с донесением. Враг направился по реке в сторону моря. Возможно, нам придется уходить. Но в состоянии ли я уйти, если не могу даже стоять на ногах? «Они дадут мне карабин, — думаю я. — Я буду лежать за своей завесой, как Джесси Магусиг, и стану отстреливаться от врага, когда он появится».

— Дайте мне карабин, — шепчу я.

Селия наклоняется надо мною.

— Замолчи, — говорит она. — Неужели ты думаешь, что мы тебя так оставим?

Враги ушли. Они уже забрались было в узкое ущелье. Наши бойцы охранения притаились всего в нескольких ярдах над ними с винтовками и автоматами наизготовку. Но враги неожиданно повернули обратно к реке.

Однако они захватили «Багонг Силанг». Они сожгли все бараки, срезали уже колосившийся коричневый рис, уничтожили все посевы сладкого картофеля и маниока, растоптали огороды — словом, полностью разорили это становище возрождения. Я лежу ночью, не в силах уснуть, скорбя о гибели «Багонг Силанга».

Постепенно силы мои восстанавливаются. Я сижу теперь в бараке и слушаю своих товарищей. Но они говорят не об операциях врага, а о совещании, о вопросах, которые предстоит обсудить на нем, о работе, которую придется проделать. Я также начинаю задумываться над нашими проблемами, над жизненными вопросами нашего движения.

Вражеские силы проходят через чащу лесов, а затем уходят совсем. Постепенно «хуки» вновь отправляются в путь по старым тропам, заполняя образовавшуюся за это время пустоту.

73

Февраль 1951 г.

Мы готовимся теперь к совещанию.

После захвата всех припасов на островке нам пришлось начать все снова, заготавливая кое-что то в одном городе, то — в другом. Нам не удастся снабдить себя в таком же достатке, как мы делали это раньше, так как враг следит за всеми рынками. Участникам совещания придется

удовольствоваться более скудным пайком. Основной нашей базой вновь стал Лонгос. Во время операций, которые проводились правительственными войсками, наши отряды несколько месяцев избегали этот город, и он бездействовал, словно поле, отдыхающее под паром. Теперь в нем вновь возникают наши опорные пункты, и мы пожинаем плоды доброжелательства его жителей.

Несмотря на то что разделенные на батальоны боевые группы врага следовали за нами по пятам, им так и не удалось, как это ни странно, обнаружить Большой дом. Он продолжает стоять в лесу, окруженный бараками, расположенными на противоположном берегу реки, где одно время предполагалось устроить постоянный лагерь. Во время воздушных налетов в сентябре прошлого года одна сторона Большого дома была изрешечена пулями. Пострадала и часть барачных корпусов, но все они вполне пригодны для жилья.

Однажды утром мы укладываем свои пожитки, покидаем возвышенности, которые служили нам укрытием, и перебираемся вниз, к Большому дому. Я все еще не совсем твердо держусь на ногах после болезни. Во время спуска по длинному склону ноги начинают дрожать, но на земле сухо, и идти легко. Февраль уже на исходе, и затяжные дожди постепенно сходят на нет. На Сьерра-Мадре начинается короткий сухой сезон. Солнце вновь озаряет чащу лесов. Высокие деревья на взгорье жадно тянутся к солнцу, подобно солдатам, выползающим из траншеи и вдыхающим свежий воздух. В густой, золотисто-зеленой листве стрекочут цикады. Смерть осталась где-то далеко позади.

Вокруг испещренного гнистыми пятнами Большого дома — этого летнего жилища, куда мы приходим теперь, к исходу зимы, — царит атмосфера безмятежной тишины. Лишь войдя внутрь, замечаем мы те маленькие перемсы, которые происходят в лесу, — крошечные кучки опилок в местах, где древоточцы выдолбили отверстия в стойках и кровле, скрытые проходы термитов, опоясывающие одну из угловых стоек, — все эти малозаметные признаки постепенного гниения и распада.

И вдруг вся эта тишина нарушается. Раздаются удары «боло», стучит на реке деревянный валец для стирки белья, с обоих берегов перекликаются голоса. «Хуки» возвратились домой. Джи Уай вернулся в свой дом у излучины реки.

Это место стало в известном смысле сердцем Филиппин, куда стекается вся животворная кровь народа, чтобы разлиться затем по всем артериям движения.

Каждый день сюда прибывают делегаты из далеких северных районов, преодолевая сто или двести миль по труднопроходимым горным тропам, или с расположенного на крайнем юге острова, продвигаясь тайком по морю и суше через контрольные пункты, расположенные на дорогах, ведущих из Манилы. Я вижу, как они приходят грязные, усталые, в насквозь пропитанных потом рубашках, увешанные тяжелой поклажей. Каждого из них сопровождает эскорт из вооруженных отборных бойцов — «хуков», ветеранов множества стычек, несущих свое оружие с легкостью, с какой спортсмены обращаются с битами и ракетками.

Все это похоже на сборище какой-то огромной семьи. Мы выходим из бараков навстречу каждому вновь прибывшему, радостно приветствуя его, смеясь и пожимая друг другу руки. Вся усталость сразу же забывается, и в дружеских объятиях никто не обращает внимания на грязь или пот. Большинство этих товарищей не виделись друг с другом еще со времени последнего совещания в 1948 году. Они были назначены в свое время военными руководителями в различные РЕКО, в районы развития движения или в подвижные части «хуков».

Под деревьями собираются группы бойцов. Как о самых обыденных делах они рассказывают о засадах, стычках, налетах, о крупных столкновениях в городе или на рисовом поле, на горной тропе, на болоте, в зарослях травы «когон» или на полях сахарного тростника. Они толкуют о тактических приемах, рисуют прутьями схемы на земле, показывая, как они уничтожили броневомобиль или совершили ночной налет на город. Они сидят на корточках, склонив голову, подбрасывая рукой камешки, и кратко рассказывают о товарищах, павших смертью храбрых.

Какими далекими кажутся здесь все те собрания, которые мне довелось видеть в Нью-Йорке и других городах, куда делегаты прибывают в комфортабельных поездах, самолетах или легковых машинах, останавливаются в больших отелях, где им резервируют номера, где в кафе и холлах толкуют о пикетах, петициях, голосованиях!

Здесь в чаще лесов, под сенью вздымающихся ввысь деревьев, я стал понимать, больше чем когда-либо раньше, страшную трагедию одинокого человека.

Лес, где все растет сплошной массой и трудно даже мысленно отделить какое-нибудь дерево от окружающих его собратьев, неотразимо напоминает о коллективности жизни. Можно ли бродить по лесу, не ощущая всей его множественности, этого впечатляющего переплетения веток, корней и вьющихся петлями лиан? Если бы сюда явились вдруг дровосеки и вырубili все деревья, кроме одного, то оно стояло бы здесь подобно заброшенному, голому бедняге, в наказание привязанному к столбу под палящими лучами солнца.

Раньше, еще до поездки на Филиппины, мне казалось, что я человек, связавший себя определенными обязательствами, солидаризировавшийся со множеством других людей во всей их совокупности, что я неотъемлемая частица леса, имя которому человеческое общество. Я придерживался известных принципов, состоял членом определенных групп и передавал в их распоряжение некоторую часть моего дохода. Два-три вечера в неделю я посещал собрания или митинги; когда составлялись петиции с протестами против несправедливости, с готовностью ставил под ними свою подпись рядом с другими; время от времени раздавал листовки с призывами к совместным действиям у фабрично-заводских ворот или на углах улиц. Я считал, что вовлечен в борьбу за общее дело.

Все это я делал, но в то же время занимался повседневным трудом, чтобы заработать на жизнь и оставлял себе большую часть своего заработка. У меня был свой собственный домашний очаг. После работы или собраний я уединялся там, забывал про весь мир и отдыхал в своем маленьком, с любовью устроенном уголке. Одна частица моей деятельности была посвящена общему делу, другая — служила мне самому. Немало времени я уделял также личным занятиям — книгам, театру, концертам и картинным галереям, внушая себе, что искусство — явление общественное.

Но я находился тогда лишь на опушке леса. А теперь я очутился в самой чаще.

Порой, усталый, я отстаю на тропе от других. Спихва-

тываясь, вижу, что остался один среди деревьев. Ужас одиночества охватывает меня. Я стремглав несусь вперед через густой лес, пока снова не вижу колонну и вновь не оказываюсь среди людей.

Сегодня вся моя жизнь безраздельно принадлежит нашему общему делу. Все мое рабочее время посвящено ему. Мой домашний очаг — это барак, в котором я живу вместе с десятком других его обитателей, без каких-либо перегородок, располагаясь вместе с ними на узкой полоске пола. В любой момент нас могут заставить покинуть наше жилище. В моем вещевом мешке хранится единственный комплект запасной одежды и одеяло, которые мне подарили. В карманах у меня нет денег или чего-либо другого, чем я мог бы поделиться с другими «хуками». Даже наш брачный союз с Селией не принадлежит нам больше безраздельно. Нам пришлось многим поступиться ради движения. В нем нет уединения, он на глазах у десятков людей.

Но ни о чем этом я не жалею. Моя безопасность, мои радости, весь смысл моей жизни — все связано с этой группой людей. Я всецело отождествил себя с движением, к которому мы все принадлежим.

Я — в самой чаще лесов.

76

В длинном, приземистом бараке в лесу сорок мужчин и одна женщина обсуждают судьбы страны.

На одном конце барака сидит, поджав под себя ноги, председательствующий, а все остальные разместились на циновках вдоль стен. Стены барака не сплошные; они покрыты листьями «анахау» лишь на одну треть в высоту, а все остальное пространство открыто, чтобы в случае необходимости можно было быстро выскочить и бежать. Участники нашего совещания вооружены и находятся все время настороже.

Барак сооружен на краю неглубокого оврага и со всех сторон окружен густой листвой. Журчанье ручья перемежается с приглушенными звуками голосов.

Барак находится несколько поодаль от Большого дома, который служит в настоящее время базой для отрядов охранения. Здесь живет теперь свыше ста пятидесяти бойцов — цвет народной армии, — каждый из которых готов

пожертвовать жизнью, чтобы уберечь руководителей движения от опасности. Они окружили место, где проводится совещание, широкими концентрическими кольцами. Около самого барака стоит на посту внутренняя охрана. Другое кольцо охраны состоит из постов, расставленных на всех тропах. Еще одно кольцо образуют посты, неустанно патрулирующие по широкому кругу на внешних подступах к лесу. Группы бойцов ведут разведку на дорогах к городам и поддерживают контакты с разведывательными отрядами, разбросанными по опушке леса. В самих городах наши связные бдительно наблюдают за возможным появлением шпионов. Охрана безопасности глубоко эшелонирована.

Предполагается, что обсуждение всех вопросов, стоящих на повестке совещания, потребует целого месяца непрерывных заседаний. Первым пунктом повестки стоит политический доклад с прениями, состоящий из двух частей: международное и внутреннее положение. Докладчик — Джесс. За этим последует ряд организационных отчетов, охватывающих все аспекты движения и его деятельности. После этого обсудят очередные задачи и примут соответствующие резолюции. В заключение будет развернута критика и самокритика, вскрыты недостатки, которые предстоит преодолеть как всей организации в целом, так и отдельным лицами, будут проведены выборы нового руководства.

Я гляжу на этих людей. Некоторые из них пользуются большой славой среди филиппинцев, почти все принимали участие в движении «хуков» с самого начала национально-освободительной борьбы против японских оккупантов. Они олицетворяют собой широкие патриотические силы на Филиппинах.

Большинство из них крестьяне: Димасаланг (Хосе де Леон), военный командир, Луис Тарук и его брат Перегрино, Аламбре (Доминго Кастро), Линда Бие (Сильвестро Ливанг), Сенте (Игнасио Дабу), Фред Лаан (Агатон Буланг), Самонте (Педро Кагин), Алго (Бриксио Алмираес), Фабиан (Бонифасио Лина), Рамсон, Дималанта, Капули, Рамирес, Баса, Сагаса, Матео дель Кастильо — бывший помещик из провинции Батангас, передавший все свое имущество движению и ставший руководителем Национального крестьянского союза.

Среди делегатов лишь небольшая горстка профсоюзных лидеров: Магно, бывший одним из руководителей Конгресса рабочих организаций, Холо, который также руководил

КРО. Подавляющее большинство лидеров КРО, таких, как Рамон Эспириту или Онофре Манхила, были арестованы и заключены в тюрьму; Гильермо Кападосия находится на Висайских островах и не в состоянии прибыть сюда вследствие интенсивной кампании по развертыванию движения, которая там ведется. Другой из высших руководителей КРО, Мариано Бальгос (Бакал), также не участвует в совещаний, чтобы не ослаблять успешной деятельности бикольской группы по развертыванию движения.

В совещании участвует и горстка интеллигентов, выходцев из среднего класса: Хесус Лава, Касто Алехандроно (Джи Уай) и Селия.

Вот они, руководители революции на Филиппинах. Нельзя не восторгаться их решимостью, силой духа и изумительным мужеством. Однако есть у них и другие черты. Они исполнены решимости добиваться политической и теоретической ясности, долго и горячо обсуждают курс действий и способы его проведения в жизнь. Многим стоит большого труда разобраться в вопросах стратегии и тактики, соотношения сил, в проблемах и задачах нашей борьбы, а ведь эти проблемы довольно сложны. Даже второстепенные вопросы, имеющие сравнительно небольшое значение, приводят к длительным спорам, и много часов уходит на то, чтобы добиться общего согласия в отношении определения какого-нибудь термина или теоретической формулировки. Лишь путем многократных, терпеливых разъяснений Джессу и некоторым другим удается развеять все сомнения и недоумения.

По мере развертывания дискуссии я сам начинаю постигать, какая длительная борьба предстоит нам на деле.

Несмотря на чрезвычайную обстановку, в которой мы находимся здесь, под угрозой нацеленных на нас орудий, эти люди умеют не только стойко бороться, но и отдыхать и развлекаться. В докладах сквозит юмор, а в перерыве, когда мы все закусываем на том месте, где совещаемся и спим, барак оглашается веселыми шутками. Представители отдельных районных групп из Южного и Центрального Лусона, из провинций Пампанга и Булакан, Лагуна и Нуэва Эсиха, неустанно оспаривают друг у друга первенство; кто в состоянии наберечь больше сторонников, собрать больше средств, устроить наиболее удачные засады. В часы отдыха они подшучивают над теоретической терминологией, которая здесь в ходу, толкуя о диалектике любви

(а это единство противоположностей!) или о стратегии и тактике ухаживания (я ухаживаю за девушкой, а направление моего главного удара — ее отец). По вечерам зажигаем лампы и сражаемся в шахматы. В качестве чемпиона выступает Джесс, который играет одновременно на четырех досках и легко выигрывает все партии.

В восемь часов вечера объявляется отбой и раздается команда: «Тулог на!» *. Ведь в чаще лесов нам приходится вставать на рассвете. Гасятся лампы, и по всему бараку слышно шуршание спальных циновок. В темноте догорает несколько последних сигарет, а затем воцаряется тишина, прерываемая лишь мерным дыханием спящих и мягкой поступью шагающих снаружи часовых, стоящих на страже революции.

77

Февраль — март 1951 г.

Где-то на одном из командных пунктов склонились над картой люди в военной форме. Они преследуют нас. Они вытеснили нас с юга и с тех пор прочесывают весь район горных лесов отсюда и до Северного Лусона, выискивая следы своих противников. Они водят пальцами по квадратам карты и останавливаются на зеленом участке, где расположились мы. Что привело их в эту точку? Кто знает? Один из осведомителей в городе, мельком заметивший отряд «балутан», пробиравшийся в сумерках через поле? Или курьер, за которым шли по пятам из города? Или, быть может, просто шальная догадка? Это неважно. Приказ отдан, и войска выступают в поход.

Это большая операция «Сабля» — крупнейшая военная операция, когда-либо предпринимавшаяся филиппинской армией. Все боевые группы, силой в один батальон каждая, введены в действие и брошены в леса или на поля и болота центральной равнины — всего пятьдесят четыре тысячи человек со всеми военно-воздушными силами, сопровождающими их или готовыми прийти им на помощь по первому зову. Сильнее всего они атакуют нас на юге, однако они проникли во все горные районы и брошены по всем путям, ведущим к северу и югу, чтобы помешать нам от-

* По-тагалоги: «Пора спать!».

ступить или перейти в другие места. Им кажется, что они зажали в кольцо все руководство движения.

Мы начинаем впервые догадываться о том, что происходит, когда Джи Уай отзывают с совещания. Вернувшись, он усаживается на циновку рядом с Джессом и о чем-то тихо беседует с ним. Совещание продолжается. Когда заканчивается обсуждение очередного пункта повестки, оглашается экстренное сообщение. Всем предлагается улечься к полудню и в час дня собраться на берегу реки против Большого дома. Все молча обмениваются взглядами, однако совещание продолжается как ни в чем не бывало до полудня. Мы полагаемся на нашу охрану.

Нам приходилось проделывать это столь часто, что сбор и постройка колонны происходят без всякой задержки. Кругом говорят, что, по сообщениям нашей разведки, в городах, расположенных в низинах, сосредоточено много войск, а гражданскому населению приказано не появляться на полях и в лесах. Однако в нашей колонне, вытянувшейся в одну шеренгу, царит приподнятое настроение. Все кругом в лесу залито солнцем, сопливо течет позолоченная солнечными лучами речушка, окаймленная отражающимися в ней зелеными берегами. Один за другим мы переходим через нее по единственному шаткому бревну, проходим мимо Большого дома и взбираемся по крутой тропе позади него. Наша колонна очень длинна — нас набралось, пожалуй, двести пятьдесят человек, — и проходит немало времени, пока вся она, извиваясь, не скрывается в лесной чаще, словно веревка, наматываемая на катушку.

Военная тропа, по которой мы следуем, суха и тверда, мы идем быстро, и, лишь подходя к какому-нибудь крупному бревну, перекинутому через овраг, или к ручью, колонна замедляет шаг, словно тормозящий товарный поезд. Отдаются приказы, передаваемые по шеренге: «Соблюдать интервал в три метра!», «Взять все оружие на предохранители, не допускать случайных выстрелов!», «Прекратить пение в колонне!».

К заходу солнца мы делаем привал, возводим примитивные укрытия из «пончо» и «анахау». В темноте ночи мерцают огни множества костров, бросая красные отсветы на стояшки, похожие на пещеры — три стойки и листовенная кровля. Мы спокойно располагаемся на отдых и еще до рассвета поднимаемся, уничтожая все следы стоянки. На следующий день под вечер мы прибываем к месту на-

шего назначения, избранному Уолтером. Мы подошли к месту пересечения военной тропы с ручьем. Входим в бурюю воду, которая доходит до пояса. Отдается строгий приказ: «Не выходить из воды, не ломать и не касаться веток, не оставлять ничего на плаву!». Почти целый час мы бредем глубоко в воде, пока ручей не превращается в мелкий ручеек, круто поворачивающий к подножию каменного утеса. В петле, образуемой ручьем, высится крутой склон, похожий на заросший лесом амфитеатр. Здесь мы строим свои бараки, а на самой верхушке сооружается помещение для совещания.

Пока идет строительство, мы проводим заседания у ручья, рассаживаясь на валунах и горах мелких камней, за что лагерь получил название «Малиит на бато» («Мелкие камни»). На фоне «амфитеатра» мы похожи на действующих лиц из древнегреческой трагедии. Сидим в тени листвы и отблесках солнца, журчит вода. Мы ведем разговор о классовой борьбе и государственной власти.

Совещаясь здесь, слышим едва доносящиеся до нас звуки выстрелов и гул самолетов, наполовину заглушаемые мерным журчанием воды. Это отзвуки операции «Сабля».

Вскоре мы перебираемся в маленький барак на вершине косогора, построенный для участников совещания. Каждый день наши заседания проходят под аккомпанемент стрельбы из орудий и автоматического оружия. Очевидно, войска стреляют по деревьям, так как нашим полевым командованиям приказано не вступать в этом районе ни в какие стычки с неприятелем.

Маленькие воздушные стрекоты, разведывательные самолеты «Пайпер кабс» проносятся над верхушками деревьев, разрезая со свистом воздух, но ни разу не выдает нас зеленый покров. Они летят столь низко, что наши люди, вооруженные автоматическими винтовками Браунинга, могли бы легко сбить их, но они этого не делают. Никто в нашем маленьком бараке не смотрит вверх — совещание продолжается. Отдельные отряды боевых групп врага пробираются по военной тропе, проходя мимо ручья, который служит входом в наше укрытие: отряды охранения лежат, притаившись в засаде, зорко следя за ними, но не трогают их. Совещание не должно прерываться ни на один момент.

Целый месяц продолжают так, бок о бок, операции врага и наше совещание, порой на расстоянии винтовочно-

го выстрела друг от друга. Но такая обстановка лишь способствует повышению уровня нашей работы.

Район, из которого мы прибыли, подвергся ожесточенной бомбежке и обстрелу с бреющего полета. Патрули донесли впоследствии, что Большой дом захвачен и сожжен. Большой дом! Подобно своре гончих, напавших на след, истребители филиппинских военно-воздушных сил с визгом проносятся на бреющем полете над чащей лесов. Их рев раздается прямо над нашими бараками — рев гигантских птиц, заглушающий все другие звуки внизу. Мы выглядываем из-под нашей кровли, видим тяжелые бомбы под крыльями и смертоносные стволы пулеметов. Одна метко сброшенная бомба могла бы уничтожить все руководство движения «хуков», но эта бомба не падает, так как летчик не видит ни одной мишени. В этом слабость самолетов, используемых для борьбы против партизан. Возможно, что противник пользуется ими главным образом для устрашения, надеясь, что, убегая от самолетов, мы попадем прямехонько в руки его боевых групп. Но у нас нет места страху.

Мы неразличимы в лесу. Он скрывает нас со всех сторон, в том числе и сверху. Мы слились с ним воедино, с его корнями и лианами, с его высокими деревьями и поросшими зеленым мхом камнями.

78

Март 1951 г.

Мы — те, кто в самом пекле пожара строит планы нового мира, которому суждено восстать из пепла.

Мы — лишь небольшая кучка людей, скрывающихся в лесу. Со всех сторон нас окружают враги. Их много, и они вооружены смертоносным оружием, способным утопить в крови народное движение. У них сила. И под самым носом у этой силы мы разрабатываем планы ее подрыва.

Враги сильны, но их сила недолговечна. По всему азиатскому континенту и на всех островах, расположенных по омывающим его морям, империализму дается отпор. Он охотно прибегает к пушкам, но в состоянии ли пушки накормить рисом волнующиеся голодные массы? Они болтают о реформах, но станут ли они проводить реформы, угрожающие их барышам, их власти? Они сулят покончить

с коррупцией, но в состоянии ли они это сделать, если коррупция лежит в самой основе власти марионеток? Они разглагольствуют о «восстановлении веры в демократию» на Филиппинах, но существовала ли здесь когда-либо демократия и может ли она быть «восстановлена» путем отказа людям в их правах и свободе?

Нас преследуют, но ряды Армии национального освобождения пополняются тем не менее новыми бойцами, у нас остаются нетронутые базы, кампании по расширению движения проходят успешно, а правительство все больше дискредитирует себя в глазах народа. Ситуация по-прежнему революционная.

Вот почему национально-освободительное движение продолжает готовиться к захвату власти и призывает к свержению режима империалистических марионеток.

Вот почему будет вестись подготовка к созданию временных революционных органов власти в городах и в провинции.

Вот почему Армия национального освобождения будет готовиться к реорганизации партизанских отрядов в регулярную армию.

Вот почему в районах местонахождения наших массовых баз будет проводиться подготовка к созданию крестьянских комитетов для распределения земли.

Вот почему будет провозглашен призыв к бойкоту предстоящих в ноябре 1951 года выборов.

Так решаем мы на совещании бросить вызов врагу.

79

Апрель 1951 г.

Метеорологический цикл нашего пребывания в лесу завершился. Мы прибыли сюда в сухой сезон, когда почва на тропах затвердела. Потом направление ветров изменилось, проливные дожди прошли, вновь стало сухо. Враг тоже обрушился на нас подобно буре или наводнению. Сейчас он отходит, и в наших не обнаруженных еще лагерях вновь воцарилась тишина. Все это похоже на былые дни, когда в лесу слышен был лишь шорох ящериц и стрекот цикад.

По странному совпадению наше совещание заканчивается к исходу марта, одновременно с окончанием операции «Сабля». Это похоже на танец теней: когда танцор устает и

садится, чтобы передохнуть, его тень также отдыхает. Только мы в сущности вовсе не отдыхаем. До сих пор о многом лишь говорилось, теперь же предстоит осуществить то, о чем велась речь.

Один за другим уходят делегаты, многие отправляются к местам своего нового назначения: в районы, где предстоит еще развить движение. Сагаса уйдет на север в долину реки Кагаян, Катапатан — на юг, для пополнения РЕКО 5 в районе полуострова Биколь. На остров Минданао направляется весь состав РЕКО, чтобы создать там новую базу. В Манилу посылаем совершенно новый состав городского комитета, чтобы воссоздать там организацию, уничтоженную в результате облавы в октябре 1950 года. В лесу за городом Санта-Мария — в районе, расположенном несколько к северу от нас, — создается военное училище под совместным руководством Димасаланга, Сенте и Виктория. Здесь будут обучаться подающие надежды военные кадры из всех РЕКО с целью создать ядро офицерского состава для регулярной армии.

Мы ждем ухода тех, кто получил назначение, а затем, соблюдая предосторожность, переведем наш лагерь в другое место. На случай, если кто-нибудь из ушедших будет пойман и его заставят говорить.

Лагерь, который мы теперь строим, в своем роде уникален и совершенно непохож на те, где мы обитали до сих пор. Он сооружается из длинном, невысоком, заросшем лесом горном кряже, вытянувшемся в виде латинской буквы J между рекой и ручьем. Мы строим наши бараки уступами вдоль хребта кряжа — всего двадцать пять барakov, в которых разместится около двухсот человек.

Здесь располагаются все руководящие органы движения: Секретариат и большинство членов политического бюро, организационный отдел с подчиненным ему национальным отделением курьерской связи, отдел просвещения с издательским и учебным отделениями, финансовый отдел и военный отдел с оружейной и учебной секциями. Кроме этого, существует лагерный комитет, который ведает всеми делами лагеря. Ему подчинены секция охраны, секция снабжения, секция культуры, секция спортивной подготовки и медико-санитарная часть.

В нашем распоряжении также большой клуб, учебный барак, парикмахерская и физкультурная площадка. В ряде пунктов вдоль кряжа проложены длинные наклонные до-

ружки, ведущие к крытым туалетам, которые построены на очень высоких столбах, установленных на нижнем склоне.

Наш лагерь мы называли «Балинтавак» по названию местности, расположенной к северу от Манилы, где выдающийся филиппинский революционер Андреас Бонифасио бросил в 1896 году клич восстания против Испании.

Этот лагерь не будет просто руководящим центром. Он станет образцовым лагерем, который должен управляться умело и в соответствии с принципами нового общественно-го строя. В нем должны найти место самые разнообразные мероприятия в области просвещения и культуры. В лагере остается на некоторое время максимальное число делегатов нашего совещания. После возвращения на свои места они смогут воспользоваться этим примером, чтобы повсюду поднять уровень движения и привить здоровые навыки всем тем, кто борется за лучшую жизнь в стране.

Каждое хозяйство организовано таким образом, чтобы любой его участник активно выполнял какую-нибудь полезную работу. Те, кто не занимает никаких постов в центральном руководстве, выполняют поручения по лагерному комитету или по хозяйству; некоторым дают задания по всем трем отделениям лагеря. Все нетрудоспособные — дети и старики — направляются на продовольственные базы или под защиту наших сторонников среди населения отдельных «баррио». Жители каждого барака создают свой комитет, возглавляемый председателем. Члены его ведают оборудованием, приготовлением пищи, санитарией и просвещением.

Мы стремимся привить всем чувство ответственности и организованный подход к жизни, а поэтому каждое лицо обязывают представить расписание своих повседневных занятий, включая время, отведенное для самообразования. Расписание передается председателю барачного комитета, тот проверяет, как это расписание соблюдается каждым жителем барака на практике. Председатель барачного комитета должен устанавливать также еженедельный план занятий для своей группы в целом, включая общее собрание всех жителей барака, где разворачивается критика и самокритика и разрешаются все вопросы, связанные с конфликтами между отдельными лицами или с нарушением дружественных отношений. Кроме этого, еженедельно проводится культурно-просветительное собрание жителей барака, на котором читается какая-нибудь лекция или проводится свободная дискуссия.

Вся эта общественная жизнь в низовых звеньях распространяется также и на организацию всего лагеря в целом. Ежемесячно созывается общее собрание, на котором присуждаются награды жителям наиболее опрятного барака, а также жителям барака, сумевшим наладить наилучшие и наиболее здоровые условия совместной жизни. Каждую неделю лагерный комитет проводит осмотр всей территории лагеря. Раз в неделю в клубе проводится какое-нибудь культурно-просветительное мероприятие, и каждое воскресенье пополудни устраивается учебная лекция и свободная дискуссия для всех политических работников. Дни общенациональных праздников посвящаются полностью спортивным состязаниям (волейбол с сеткой и мячом из ротанга, настольный теннис на столе из пиленого леса, шахматный турнир и бег со склона) и культурным мероприятиям — обычно устраивается представление силами лагерного драматического кружка. В эти дни пищевой рацион несколько увеличивается.

Таковы основы нового общества, закладываемого здесь, в извечном лесу.

80

Серьезно заблуждаются те, кто считает, что колониализм можно уничтожить, просто свергнув то или иное правительство. Здесь, в одном только нашем лагере, насчитывается свыше двухсот человек, взявшихся для этого за оружие. Однако та самая система, против которой они повернули свое оружие, держит в плену руку, готовую нажать на спусковой крючок.

Недостаточно изменить форму правления, необходимо измениться и тем, кому предстоит править. Существует теория, по которой вместе с изменением материальных общественных условий возникнет и человек нового типа. Мы смотрим на это несколько иначе: мы полагаем, что новый тип человека должен сложиться в самом процессе борьбы за эти перемены. Не может быть нового, свободного общества без новых, свободных людей, которые бы им руководили. Если поставить у власти людей, зараженных пороками колониализма, то новое общество задохнется в этих пороках уже на первых порах своей деятельности.

Возьмите любого бойца Армии национального освобождения, с гордостью носящего свое оружие. Он — крестья-

нии, проживший всю жизнь под чужеземным игом, как и все его предки, которых он еще может помнить. Чего требует чужестранный властелин от крестьянина колонии? Он требует, чтобы крестьянин рабослуживал перед ним, величал его «сэр», преклонялся перед ним, иностранцем, перед чужеземными обычаями и материальными богатствами, чтобы он никогда не перечил чужеземцу под страхом потерять свою работу, быть побитым или даже брошенным в тюрьму.

Этот крестьянин жил в обществе, в котором каждый его обманывал. Помещик забирает не только львиную долю урожая, который крестьянин выращивал в поте лица (и отнимать который у крестьянина будто бы разрешалось по закону), он шел дальше и отбирал у него больше, чем допускал закон. Если же крестьянин протестовал, его лишали земли или же направляли против него полицейских. Когда остающейся у него доли годового урожая не хватало, чтобы прокормиться, он вынужден был занимать деньги у своего помещика или искать частный источник (какой банк стал бы иметь дело с крестьянином?). В таких случаях с него драли обычно ростовщические сто или двести процентов. Если же он обращался за защитой к адвокату, политическому деятелю или чиновнику какого-нибудь полицейского учреждения, то каждый из них брал с него мзду, не давая ничего взамен.

Крестьянин или рабочий (обычно выходец из крестьянской среды) вынужден трудиться в атмосфере, в которой тяжелый труд не в почете: помещик, политический деятель, иностранец не «пачкают» себе рук трудом. Труд не пользуется уважением и плохо вознаграждается. Такая система порождает праздность и безответственность.

Такова среда, выходцами из которой являются рядовой боец Армии национального освобождения и рядовой политработник. Она наложила на них печать всех пороков окружавшего их общества, таких, как мелкий обман, нечестность, беспринципность, безответственность. Все эти пороки не представляют собой нормальных черт их класса, так как жизнь в «баррио» учит их общественному образу жизни. Это порочные и разлагающие черты феодализма и империализма, которым тем легче господствовать и извлекать свои барыши, чем больше они деморализуют народ.

Вот эти-то умонастроения мы стремимся искоренить в процессе народного движения.

Два недостатка представляют собой подлинный бич для «хуков» — нечестность и беспринципность. Происходит неустанный процесс критики и самокритики, оценки и самооценки. Если кто-либо из жителей барака скажет, что у него нет сигарет, когда его товарищ попросит закурить, а затем его застанут курящим тайком, то этого достаточно, чтобы созвать собрание. Если человек скажет, что это не он сломал «боло», а все данные подтверждают его вину, то его начнут обсуждать на собрании. Если один из членов отряда «балутан» присвоит на пути из города лишнюю порцию риса (упрятав его, скажем, в выдолбленной скорлупе кокосового ореха), его наказывают.

Наказания в лагере не ограничиваются одной лишь критикой. Дисциплинарная комиссия лагеря привязывает к шее провинившегося дощечку с указанием его проступка. Он должен затем обойти один барак за другим, объяснить его жителям, в чем он провинился, и обещать, что больше это не повторится. Он должен почувствовать, что за свой проступок ему придется отвечать перед обществом. Более серьезные проступки влекут за собой отстранение от занимаемого поста, разоружение или посылку на принудительные работы.

Строже всего наказуемы, в частности, финансовые злоупотребления — растрата денег, принадлежавших движению, то есть народных денег. В наиболее серьезных случаях, когда имеет место явная кража или присвоение денег, виновные присуждаются к расстрелу.

Одного из подчиненных Джи Уай, подростка Руминга, послали однажды в Манилу за покупками. Первый раз в жизни у него оказались деньги в кармане, и он так увлекся, что решил купить на них фруктовой воды для всех своих юных друзей в Лонгосе. Проступок был малозначительным, однако он не остался безнаказанным: в течение полугодя Румингу не давали никаких поручений.

Все, что действует раздражающе, запрещено в лагере. Строго запрещены азартные игры. Не разрешается распивать спиртные напитки. Один из руководящих военачальников «хуков» здесь, на юге, напился однажды в «баррио» и ворвался на общественную танцевальную площадку с пистолетом в руке; его навсегда отстранили от руководства.

За издевательства над жителями «баррио», грабежи, насилие полагается смертная казнь.

Здесь, в лагере «Балинтавак», происходит непрерывный

процесс воспитания, формирования человека нового типа. Внушается мысль, что каждый «хук» должен превосходить в моральном отношении своих угнетателей, что одного акта протеста против коррупции и тирании недостаточно, что все пороки старого общества должны быть ликвидированы.

Некоторые из обитателей лагеря были некогда бандитами или принадлежали к деклассированной прослойке люмпен-пролетариата. А ныне они принадлежат к числу наиболее трудолюбивых и проникнутых чувством ответственности жителей наших бараков.

Чувство ответственности здесь в большом почете. Всякого, кто относится безответственно к порученному ему делу, стыдят, причем не только перед товарищами по бараку, но и перед страной и народом, за который мы боремся. О качествах наших людей говорят не просто как о качествах «хуков», а как о качествах филиппинцев.

Товарищ в одном из бараков манкирует обязанностями по уборке своей территории.

— Если бы тебе пришлось стать старостой «баррио», — говорят ему, — то, значит, так выглядело бы вверенное тебе «баррио».

Такие требования предъявляются всем «хукам», однако руководители, кадровые работники должны вести себя безупречно. И кадровый работник имеет свои недостатки, но он борется с ними, он преодолевает их или же он перестает быть кадровиком. Критика на собраниях работников руководящих органов почти до грубости откровенна. Мне приходилось наблюдать подобную критику в группах левых кругов в США, однако там она никогда не принимала таких форм, как здесь, где каждый человек у всех на виду и каждый, кто отступил от установленных норм поведения, должен публично держать за это ответ.

Мало того что у руководителя должно быть меньше недостатков, чем у рядовых членов, он не получает к тому же никакого вознаграждения за занимаемое им положение, если не считать повышения ответственности. Руководитель ест ту же пищу, в таком же количестве и за тем же столом, что и самый рядовой участник движения, он носит такую же линялую и обтрепанную одежду, а в его вещевом мешке находятся точно такие же предметы снаряжения, как и у всех других. Даже если у него есть состоятельная родня или знакомые, он не вправе получать на свой личный счет больше двухсот песо (сто долларов) в месяц, причем из

этой суммы должен делать взносы для нужд движения. Весь излишек поступает полностью в кассу движения.

Руководитель должен обращаться со всеми остальными «хуками» как с равными, в полном смысле по-товарищески, не проявляя высокомерия или честолюбия. Он должен быть терпеливым, справедливым и самоотверженным.

Считают, что лишь такой человек может действительно заботиться об интересах народа.

81

Мы с Селией имеем то преимущество, что в чаще леса находимся вместе. Это немаловажный фактор в создании сколько-нибудь нормальных условий жизни в этой полной лишений обстановке. Все мы терпим разные невзгоды, однако подавляющая часть «хуков» страдает от неестественных, исподволь подтачивающих силы лишений — от несчастной судьбы мужчин, вынужденных обходиться без женщин.

Многие мужчины, участвующие в движении, особенно кадровые работники, имеют жен и детей, с которыми они не виделись уже много лет. Во-первых, их разыскивает полиция, и они не могут вернуться в свои «баррио» и города. Лишь изредка, раз в полгода или даже реже, им удастся, под покровом ночи, побывать в течение какого-нибудь часа дома. Во-вторых, связанные дисциплиной, они по указанию руководства отправляются в районы, находящиеся вдали от их местожительства. Они отсутствуют многие годы, и впереди их ждут новые годы отлучки. В народной армии нет отпусков — ни долговременных, ни кратковременных.

Однако в наших лагерях немало девушек и женщин — кадровых работников, связанных и медицинских сестер. Девушки и женщины есть также в организованных «баррио» в районах, где развивается движение. Никаких беспорядочных связей в наших лагерях не разрешается; девушки, допускающие что-либо подобное, отсылаются домой. Однако возникают и устойчивые связи, их нельзя запретить. А поскольку они существуют, необходимо их как-то узаконить.

Для холостых мужчин это не столь уж большая проблема. Им разрешается ухаживать за любой незамужней девушкой в лагере или «баррио». Так некоторые из мужчин стремятся ухаживать за связанной Белен. Они являются к

Селии, старосте барака, и просят разрешения сначала у нее. Селия переговорит с Белен. Если никаких возражений ни со стороны старосты барака, ни со стороны девушки нет, то молодые люди вольны ухаживать за ней.

Если какая-нибудь пара захочет сочетаться браком, она, естественно, не может отправиться для совершения этого обряда в город. Поэтому ее венчают «хуки». Этот обряд совершается любым старшим руководителем. Таким именно образом мы венчались с Селией в Маниле, в дополнение к обряду, предусмотренному законом. В лесу такие обряды носят более сложный характер. Они совершаются в клубе, в присутствии всех жителей лагеря. Бойцы предпочитают клясться в верности, соединив свои руки с руками нареченных на пистолете, и приносить присягу под скрещенными стволами винтовок своих товарищей. Руководитель, венчающий молодых людей, приводит их к присяге не только на верность друг другу, но и превыше всего на верность движению, а также на соблюдение принципа равенства мужчин и женщин, о чем он читает лекцию, являющуюся гвоздем всего обряда.

Брачные союзы, овященные «хуками», отличаются, как правило, своей прочностью и верностью. Они основаны не только на взаимной привязанности, но и на совместном служении делу народа. Они оказываются более прочными, чем обычные, «законные» браки.

Сложнее положение с женатыми мужчинами. Этот вопрос возник еще со времен японской оккупации, когда появилось множество внебрачных связей, получивших в движении название «куалингкинг»*. Такие связи подвергались суровой критике как со стороны руководителей движения, так и со стороны семейств, проживающих в «баррио».

С целью разрешить эту проблему в моральном отношении и изжить феодальные взгляды, которые во многих случаях определяют собою такие связи, движение выработало политику, названную «революционным решением проблемы пола». Было решено считать, что внебрачные отношения допустимы в наших условиях и что женатый мужчина вправе иметь другую жену в лесу, если это отвечает интересам движения. Однако это может быть сделано лишь при условии строгого соблюдения следующих правил.

* Слово, изобретенное участниками движения «хуков» и обозначающее прелюбодеяние или внебрачную связь.

Во-первых, женатый мужчина может иметь вторую жену лишь в том случае, если он убедит руководящий комитет РЕКО, к которому он принадлежит, что разлука с женой отрицательно сказывается на его здоровье или работе.

Во-вторых, он должен написать или сообщить жене о своем намерении и необходимости иметь жену в лесу. Одновременно, руководствуясь принципом равенства, он должен предоставить своей жене свободу вступить в такую же связь в своем «баррио» или городе, если она этого захочет.

В-третьих, жена в лесу должна быть полностью поставлена в известность, что данный мужчина уже женат и что их связь должна будет кончиться, когда ему представится возможность вернуться к своей законной жене. Другими словами, не должно быть никакого обмана. Если после окончания борьбы мужчина предпочтет остаться навсегда со своей «лесной» женой, он обязан полностью порвать с прежней.

Эти правила должны строго соблюдаться. За их нарушение один из общенациональных руководителей движения из провинции Нуэва Эсиха был отстранен от руководства.

При решении этой проблемы не обошлось без острых споров. Некоторые настаивали на том, чтобы законная жена давала разрешение на такой брачный союз в лесу. Другие указывали, что переключение полового влечения на активную революционную работу повышает дисциплинированность и преданность движению. Наконец, третьи считали, что они вправе требовать «революционного решения» каждый раз, как ими «овладеет сильное влечение», однако они подвергались резкой критике.

Как правило, такой курс проводится со всей строгостью. Мы с Селисй принимали участие в его формулировке. Мы считаем, что у многих мужчин не было бы никаких трудностей, если бы они преодолели свои феодальные настрояния и втянули жен в борьбу бок о бок с собою.

Часто среди ночи я просыпаюсь и, приподнявшись на локте, выглядываю наружу. В маленьком бараке, в котором печатаются наши издания, горит фонарь, и Велас делает оттиски на мимеографе. Всю ночь слышно, как щелкает аппарат, словно стрекочет какое-то насекомое.

Мы рассылаем массу материалов в разные РЕКО и полевые командования, в город и по почте адресатам по специально составленному нами списку. Так как одна из моих функций заключается в том, чтобы вести эту работу и руководить ею, то я бываю обычно занят — пишу от руки или печатаю на машинке — с самого рассвета и до темноты. Печатное слово — мощное орудие национально-освободительного движения, прокладывающее путь к свободе в умах филиппинцев.

Поразительно, какую массу изданий нам удается выпускать при наших ограниченных возможностях. У нас нет печатных станков, а есть только мимеографы. Когда один из них попадает в руки врага или ломается, то организуется налет на государственное учреждение в городе с целью захватить гам такой аппарат. Каждый магазин в городе, торгующий мимеографами, находится под надзором правительственной военной разведки. Основное обвинение, предъявленное Амадо Эрнандесу, арестованному председателю Конгресса рабочих организаций, заключалось в том, что он передал «хукам» мимеограф.

Половина всех носильщиков из наших отрядов «балуган» занята доставкой бумаги и типографской краски по горным тропам, а затем обратной доставкой влиз отпечатанных на этой бумаге листовок и брошюр. Листовки выпускаются для разъяснения всех важнейших вопросов и для освещения национально-освободительных идей в связи с каждой датой, имеющей отношение к национально-освободительному движению. Два раза в месяц мы выпускаем восьмистраничную газету «Титис» («Искра») на тагалогском языке. Не реже одного раза в месяц выпускается брошюра, посвященная какому-нибудь важнейшему вопросу борьбы, объемом до пятидесяти страниц с соответствующим иллюстративным материалом. Большой популярностью среди «хуков» пользуется журнал «Калайаан» («Свобода») по вопросам культуры, периодически выпускаемый на тагалогском языке и публикующий рассказы, стихи и очерки. Преимущественно для кадровых работников движения выпускается ежемесячный теоретический журнал, в котором помещаются от четырех до двенадцати статей по теоретическим проблемам борьбы.

Кроме того, мы ежемесячно составляем и размножаем на мимеографе две небольшие брошюры для самообразования — одну для «хуков»-бойцов, а другую для политра-

ботников, — написанные очень простым языком, на четырех — шести страницах каждая. В брошюрах помещаются, например, такие статьи: «Что делает империализм на Филиппинах?», «Характер народной армии», «Значение дисциплины», «Почему во главе нашей борьбы стоят трудящиеся?», «Наша аграрная программа», «Почему мы критикуем друг друга?», «Кто наши враги и кто наши друзья?», «История национально-освободительной армии». Одновременно мы заканчиваем составление учебников для наших курсов — задача трудная, так как у нас нет никаких исходных материалов и приходится составлять весь текст самим. Готовятся также специальные инструкционные материалы типа: «Как составить листовку», «Как организовать курсы», «Практика преподавания», «Техника пропаганды», «Как вести организационную работу среди населения».

Все это мы сами размножаем во многих экземплярах, однако один наш лагерь не в состоянии удовлетворить нужды всей страны. Вот почему мы посылаем образцы для дальнейшего размножения во все РЕКО, имеющие собственные mimeографы и запасы бумаги. Отдельные РЕКО также выпускают листовки, соответствующие специфическим проблемам и потребностям их районов. Подавляющая часть выпускаемых нами материалов издается на английском языке, однако значительное их количество переводится, главным образом Селией и Сауло, на тагалогский язык. В отдельных РЕКО делаются переводы на пампанганский, бикольский или висайский языки.

Порой, задумываясь, я удивляюсь, как нам удастся вести интенсивную умственную работу при столь скудном питании.

83

В бараке Национального отделения курьерской связи руководитель девушек-связных Андой запевает с ними песню. Каждый вечер в пять часов, после окончания рабочего дня, девушки садятся у барака и поют хором. В неудобной обстановке лагеря их нежные, высокие голоса звучат с какой-то шемящей мелодичностью.

Я восторгаюсь этими девушками, которые прибывают в наши лагеря, чтобы стать связными, медицинскими сестрами или культработниками. Простые, неискушенные, они приходят из своих «баррио», готовые безропотно пере-

носить все тяготы и беспрекословно подчиняться дисциплине. Большинство из них миловидны: им незачем было идти сюда лишь в поисках ухажеров. Во время налетов и стычек они гибнут наравне с мужчинами. Захватив их, враги мучают и издеваются над ними, подвергая их особым унижениям, которые приходится переносить женщинам. Некоторые из них не выдерживают, другие, подобно мужчинам, не сдаются. Все они — бойцы, участвующие в общей борьбе.

Во время моего пребывания на Филиппинах меня особенно занимал вопрос о судьбе женщины-филиппинки, быть может, потому, что, живя в колониальной стране, она несет двойное бремя. Она страдает и от зависимого положения своей страны и от зависимого положения своего пола. На ее нежном, круглом лице написаны печаль и терпение с примесью какого-то трепетного ожидания, в котором явно сквозит надежда. У нее отсутствующий взгляд, словно ее глаза устремлены на далекий горизонт, через который ей хотелось бы перешагнуть. В спокойных чертах лица таится напряжение существа, которое держат в узде.

В «баррио» ее судьба решается, когда ей едва исполняется шестнадцать или семнадцать лет. Она выходит замуж. Именно тогда ее трепетная надежда обрывается, а терпение остается.

Точно так же как возмущение молодых людей находит выход в движении «хуков», так и надежды молодых женщин находят себе в нем проявление. Надежды на что? На перемену в унылом однообразии жизни в «баррио» и в ожидающей ее в ближайшем будущем судьбе? На полное ее раскрепощение, которое воплощено в равноправии женщин в наших лагерях? На возможность сделать для своей страны нечто большее, чем просто родить ей сыновей? Среди «хуков» она — филиппинка, целью которой становится благополучие всей страны, а не одного лишь домашнего очага.

Здесь ее надежда оживает. Она перешагнула через горизонт, ступив на лесную тропу.

Однажды в мае, среди дня, когда все лужайки в лесу были залиты солнцем, мы сгрудились в нашем бараке вокруг маленького батарейного радиоприемника, слушая, как

судья произносит приговор нашим товарищам, арестованным в Маниле. Мы — это Джесс, Жи Уай, Луис, Рег, Селия и я.

Диктор только что описал обстановку, в которой происходит процесс. Зал суда заполнен солдатами с ружьями наизготовку. Для публики места почти не осталось. Солдат полно и вне зала суда, в коридорах и на лестнице манильской ратуши. Усиленные войсковые наряды с танками и бронемашинами размещены также на улицах и на всех перекрестках. На крыше ратуши установлены пулеметы, направленные на улицу. На всех шоссеиных подъездных путях к городу стоят контрольные посты с крупными воинскими нарядами. По войскам в этот день объявлено состояние боевой тревоги.

Мы невольно улыбаемся. Как они нас боятся! Они захватили наших лидеров, но как они нас боятся!

Еле слышно доносится до нас издали голос судьи, читающего заранее приготовленный текст. Его голос напряжен, он запинаясь, словно текст ему незнаком. Он говорит, что революция «хуков» — это не подлинная филиппинская революция, подобная революции 1896 года или множеству других восстаний филиппинцев против колониального господства. Он утверждает, что руководители «хуков» — не патриоты, что они — агенты иностранной державы, обманывающие народ и предающие его чужеземцам. Так разглагольствует судья, зачитывая решение, просмотренное (или даже прямо заготовленное) Объединенной группой американских военных советников на Филиппинах.

Он заканчивает чтение и обращается к нашим товарищам. Мы отчетливо представляем себе, как они стоят перед ним под направленными на них ружейными дулами, спокойно и пристально глядя на него. Все они отстаивали правоту своего дела. Судья зачитывает приговор по обвинению «в мятеже, усугубленном убийствами, грабежом, поджогами и похищением людей»:

Федерико Маклан — смертная казнь.

Рамон Эспириту — смертная казнь.

Онфре Манхила — смертная казнь.

Магно Буэно — смертная казнь.

Сезон Бунгай — смертная казнь.

Илюминада Калонхе — смертная казнь.

Хосе Лава — пожизненное заключение.

Анхель Бакинг — пожизненное заключение.

Симеон Родригес — пожизненное заключение.

Федерико Баутиста — пожизненное заключение.

Моноотонно, уныло бубнит голос судьи, читающего приговор, по которому пятнадцать других осуждаются к пожизненному заключению, к семнадцати годам, к десяти годам заключения. Шесть из осужденных — женщины, из них одна — двенадцатилетняя девочка Нати Крус, связанная, должна содержаться в «исправительном» доме, пока ей не исполнится восемнадцать лет, после чего она будет вновь осуждена, уже как взрослая.

Филиппинцы, приговоренные к тюремному заключению или к смертной казни за то, что боролись за свободу!

Голос смолкает, и мы выключаем радио. Я выхожу из барака и глубоко вдыхаю воздух. Вокруг меня простирается залитый солнцем вольный лес.

85

Процесс наших манильских товарищей (названный прессой «процессом Политбюро») — типичный пример империалистического правосудия.

Мы — сторонники законности, вещают империалисты и их марионетки. Существует закон. А закон говорит, что всякий, имеющий повод для недовольства, должен обратиться с жалобой в суд, судья разрешит эту жалобу в соответствии с законом. Конечно, судья был назначен на свой пост по рекомендации помещика, но разве это противозаконно? Всякий, кто занимается самоуправством, поступает противозаконно и должен нести за это ответственность по закону. «Хуки» не соблюдают законов, а поэтому наказываются по закону смертной казнью или длительным тюремным заключением.

В филиппинском уголовном кодексе нет закона, предусматривающего такое преступление, как «мятеж, угубленный убийствами, грабежом, поджогами и похищением людей». Однако армия считает это законным, помещики считают это законным, империалисты считают это законным, а юристы и судьи, готовые счесть это законным, всегда найдутся. Поэтому людей приговаривают на этом «законном» основании к смертной казни.

Когда войска, жандармерия или гражданская гвардия налетают на «баррио», стреляют из пулеметов по скопле-

ниям людей, не имея на это никаких полномочий или законных оснований, это делается, видите ли, для защиты законности и порядка и является поэтому законным. Но когда в ходе гражданской войны «хуки» убивают солдат в бою или убивают осведомителя, который подвергает опасности жизнь многих, то это считается уже убийством и признается противозаконным.

Когда армия и ее агенты устраивают налеты на дома крестьян и грабят их, то это является, видите ли, составной частью кампании против «хуков» и считается законным, но когда «хуки» устраивают набеги на своих врагов и конфискуют имущество в помощь восстанию, то это считается уже грабежом и признается противозаконным.

Когда все «баррио» предается огню, то это считается законным уничтожением базы «хуков», но когда в ходе гражданской войны «хуки» сжигают военные сооружения и правительственные здания, это считается уже поджогом и признается противозаконным.

Когда агенты правительства производят массовые аресты среди населения и держат арестованных в заключении, не отпуская их под залог, то это считается законной чрезвычайной мерой по пресечению деятельности «хуков», но когда «хуки» берут в плен и держат под арестом солдата или гражданское лицо, повинных в расправах над населением, то это считается уже похищением людей и признается незаконным.

Что может быть «законнее» системы колониализма? Она находится под защитой международного права. Акт Белла о торговле — «законное» соглашение: документы были подписаны в присутствии свидетелей. Части американской армии и военно-морского флота находятся на «законном» основании на филиппинской территории. Соглашение о военных базах найдет защиту у суда. Когда возникает национально-освободительное движение, то считается «законным» подавлять его, пользуясь советами «законной» Объединенной группы американских военных советников на Филиппинах, при помощи «законного» оружия, «законно» ввозимого в соответствии с пактом о военной помощи, заключенным на «законном» основании.

Закон всегда «законен». Однако существует много видов закона. Есть, не забывайте, революционный закон.

Поступило сообщение от горожан. Во время армейских операций несколько дней назад среди филиппинских правительственных войск, находившихся в действии, был замечен американский офицер. Мой соотечественник, участвующий в подавлении филиппинцев, которые хотят получить землю, есть три раза в день и обрести право распоряжаться своею судьбой!

Я вижу их на снимках, которые печатаются в поступающих к нам газетах, — этих офицеров Объединенной группы американских военных советников, — вижу их на приемах, устраиваемых помещиками и комирадорами, одетых в парадную форму, распивающих коктейли, со вздернутыми от чванства подбородками. Или на снимках, где они позируют с офицерами филиппинской армии с видом руководителей фирм, посещающих свои филиалы.

О чем они думают, разъезжая со своей свитой в блестящих служебных автомобилях по «нелояльным районам», по убогим городишкам, заставляя полуодетых детишек и измощенных крестьян, что тащатся в своих запряженных буйволами тележках, испуганно шарахаться в сторону? О чем они думают, встречая валяющегося на дороге одетого в лохмотья мертвого крестьянина, убитого американским оружием, доставкой и применением которого они руководят? Довольны ли они содеянным? Гордятся ли они на самом деле выполняемыми ими обязанностями?

Разве эти люди — потомки Израэля Патнэма *, который стойко оборонялся в строю колониальных фермеров против самонадеянных британцев? Разве они — наследники генерала Шермана **, переломившего хребет южан-рабовладельцев в эпоху национального восстания?

Разве в таком облике американцы хотят предстать перед всем миром?

Я отвергаю этот облик, как отвергает его весь мир. Те, кто с пренебрежением глядит на убитых и страждущих, — не американцы-демократы. Это звериный оскал им-

* Патнэм, Израэль (1718—1790) — генерал американских войск во время войны за независимость Северной Америки. — *Прим. перев.*

** У. Т. Шерман (1820—1891) — генерал армии Севера во время гражданской войны в США 1861—1865 гг. — *Прим. перев.*

периализма, который цепляется при помощи всенной силы за колонии и сферы приложения капитала и безжалостно истребляет всех, кто противится ему.

Мои товарищи говорят:

— Если это не настоящая Америка, то почему же американцы не препятствуют тому, что творится от их имени?

— Они не отдают себе отчета в этом, — отвечаю я. — Поверьте мне, они не понимают смысла всего этого.

87

Кто выступает от имени народа?

Ответить на это нелегко. В большинстве случаев каждый человек говорит сам за себя о том, что он знает, во что верит и чего желает.

Когда я беседую со своими товарищами-филиппинцами и говорю им, что стою за демократию, равенство и право всех людей быть свободными, я говорю как американец, проникнувшийся этими убеждениями в Америке. Принадлежу ли я к большинству в своей стране? Мне кажется, что да, хотя никто не может с уверенностью сказать это, пока все другие американцы также не выскажутся определенно.

Мои товарищи-«хуки» слушают меня и говорят:

— Ты хороший американец.

А когда они говорят об Объединенной группе американских военных советников, они заявляют:

— Это плохие американцы.

В их представлении существуют двоякого рода американцы.

Но есть также двоякого рода филиппинцы: те, кто борется за свободу, и те, кто пытается подавить эту свободу. «Хуки» выступают от имени масс, стремящихся к свободе.

Итак, кто же выступает от имени американцев: Объединенная группа американских военных советников или человек вроде меня?

88

Может ли человек считать в душе своей родиной сразу две страны и любить каждую из них за ее народ, традиции, за красоту ее природы?

Такое я, родившийся под северным небом и плененный тропиками, познавший любовь, страдания и свершения в

странах, расположенных далеко друг от друга, нашедший в каждой из них достойную почету родину и радость домашнего очага, боровшийся и приносивший себя в жертву обeim.

Я — американец и люблю землю Америки так, как ее может любить лишь тот, кто на ней родился. Реки с отражающимися в их водах взгорьями, бесконечное разнообразие многокрасочного ландшафта; города, раскинувшиеся рядом с гаванями; места, где сильные духом и телом мечтатели боролись, истекали кровью, но выстаивали до конца, — все это навсегда запало мне в душу, и я не в силах предать это забвению.

Но столь же крепко в моей душе запечатлелись и ажурные очертания бамбуков, взметнувшихся ввысь над залитыми солнцем полями; пальмовые рощи, растянувшиеся вдоль побережья; яркое солнце, переливающееся красками, как эхо прозвеневшего вдали гонга; зеленые всходы риса на затопленных полях, словно мазки на азиатских пейзажах: места, где люди веками отчаянно льнули к земле, которой их лишали и которую они сделали прекрасной, несмотря на то что их мечтам не суждено было сбыться.

Своей родиной в душе я считаю всю вселенную, а всех людей, живущих на Земле, считаю в душе родными. Я мечтаю о том времени, когда не будет больше границ, не будет рубежей, как бы говорящих: «Это твоя страна, а вся остальная земля — это чужая территория». Тогда не будет больше места всем тем, кто сегодня воздвигает границы между народами, и все народы, разделенные ныне бессмысленными барьерами, — американцы и филиппинцы, индийцы и арабы, англичане и кикую — все станут членами единой человеческой семьи.

Я участвую сегодня в этой борьбе рядом с моими братьями-филиппинцами потому, что никто из них не может полностью пользоваться благами своей прекрасной страны, потому что ее исконные традиции не могут найти себе проявления, а ее народ — выйти на путь процветания, пока не изгонит тех, кто воздвиг барьеры, мешающие пользоваться всеми благами, потому, что мне ясно — пока люди не обретут права на достойную жизнь, не может быть и речи о взаимном уважении в мире. Путь к всеобщему братству лежит в борьбе за завоевание достойной жизни для всех.

Я стою на стороне не одних лишь филиппинцев. Я стою на стороне всего человечества.

Настал день ежемесячного собрания жителей нашего лагеря. Пополудни в этот солнечный день обитатели всех бараков, прервав свои занятия, спускаются по склону взгорья, по двое и по трое, собираясь затем кучками на чисто подметенной, похожей на лужайку в каком-нибудь парке, территории вокруг клуба, чтобы побеседовать и поболтать друг с другом пока не начнется собрание.

Помещение нашего клуба представляет собой большую прямоугольную постройку, посередине которой устроена земляная «танцевальная площадка», окруженная рядами бревенчатых сидений, подобно трибунам на баскетбольной площадке. В самом конце помещения находится большой помост, где устраиваются представления нашего драматического кружка и где во время еженедельно проводимых танцев рассаживаются «оркестранты» (гитарист, человек, «играющий» на обернутом бумагой гребешке, и группа людей, которые поют и хлопают в такт в ладоши). Сегодня помещение клуба заполнено до отказа, все места заняты, и многим приходится усаживаться на помосте; собрались все, кроме находящихся в наряде дозорных.

Повестка дня, как всегда, большая, но это никого не смущает. Опоздавших встречают насмешливыми возгласами, вплоть до требований: «Привяжите им дощечку!». Председатель лагерного комитета Аламбре поднимается с места и машет клочком бумаги, на котором записана программа собрания, после чего шумный разговор в рядах сидящих прекращается. Первым пунктом на повестке стоят отчеты всех секций лагерного комитета и всех бараков, однако это вовсе не скучный пересказ фактов. Каждый отчет внимательно выслушивается с целью проверить его достоверность. Собравшиеся проявляют здесь удивительное чувство гражданственности. Когда отчитывается, например, начальник снабжения лагеря, приводя данные о своем бюджете, о расходах за отчетный месяц и о точном количестве закупленного риса, «монго», сахара и других продуктов, то кто-нибудь непременно поднимается с места и начинает оспаривать правильность приводимых данных или спросит, почему было закуплено так много «монго» и так мало лярда, чтобы поджаривать его. Точно как на собраниях горожан в Новой Англии в былые времена.

Когда отчитываются жители отдельных бараков, то возникает подлинный дух соревнования. Наиболее опрятным и лучше всего ведущимся хозяйствам присуждаются награды. Поэтому, когда отчитывается представитель или представительница барака, то его или ее соседи настороженно слушают и не преминут сразу же опровергнуть утверждение, что, скажем, физкультурная зарядка делается каждое утро или что уборка двора производится ежедневно. Представитель барака не гарантирован даже от выступлений членов своего же хозяйства. Интересы всего лагеря ставятся выше интересов отдельных хозяйств, так же как интересы отдельных хозяйств ставятся выше интересов отдельных его членов.

После отчетов присуждаются награды. Никаких материальных премий не выдается. Все это — целиком дело чести и служит объектом заветных желаний.

Следующим пунктом повестки дня стоит вопрос о предстоящих собраниях в лагере. В середине следующей недели предстоит обсудить вопрос о бойкоте выборов, назначенных на ноябрь. Кадровые работники не принимают активного участия в обсуждении подобных мероприятий, оно проводится рядовыми участниками движения, что является составной частью процесса их воспитания и развития. На обсуждение ставится также вопрос о проведении праздника 26 августа — в честь дня, когда в Балинтаваке был брошен клич, положивший начало восстанию против Испании — этой первой революции в Азии против колониализма. Собравшиеся вносят множество предложений, как отпраздновать этот день: спортивные состязания, улучшенное питание, театральная постановка. Группа бойцов охраны обещает отправиться по этому случаю в кокосовые рощи за орехами, чтобы мы смогли приготовить «гуйнатан»*. Рядовым участникам нашего движения предоставляется возможность критиковать высший кадровый состав лагеря. Это можно делать, конечно, в любое время, но, как правило, через соответствующие организационные каналы. Здесь же это можно делать непосредственно и в присутствии всех. Первым подвергается нападкам Аламбре. На соседней продовольственной базе убирали недавно кукурузу, однако он не послал никого, чтобы получить нашу долю урожая.

* Сладкое блюдо из риса, «монго», сахара и кокосового молока.

— Он плохо заботится о благосостоянии лагеря, — говорит один из бойцов.

Джесс подвергается критике за то, что во время последнего матча по волейболу он поддерживал одну команду против другой и аплодировал ей; как руководящий кадровый работник он не вправе становиться на чью-либо сторону или проявлять фаворитизм, утверждают критики. Джи Уай осуждают за то, что он не созывает собраний в своем бараке; его помощник Дуглас говорит, что они совещаются время от времени лишь «келейно».

Один из бойцов ХМБ также подвергается резкой критике со стороны руководящих работников. Он прикрепил записку к доске, где вывешивается лагерный бюллетень, с саркастическими замечаниями по адресу одного из руководящих кадровиков. Это — говорят — вредный способ наводить критику, способный лишь создать нездоровые отношения в нашем лагере. При желании выступить с критикой это следует делать здесь, открыто, в установленном для этого порядке.

Уже поздно, когда собрание закрывается. Сумерки налегают со всех сторон возвышенности, словно волны. Повара барачников спешат впереди всех, чтобы развести огонь. Из барачников, мимо которых мы проходим по пути к своему жилищу, клубятся длинными струями дым, сливаясь с сереющими сумерками. А красные отсветы огня в очагах напоминают о пламени, которое горит у всех нас в сердцах здесь, в чаще лесов.

90

Июль 1951 г.

Необычные времена настали в чаще лесов.

Уже несколько месяцев рассылаем мы нашу литературу, наши директивы, наши призывы из этого отдаленного пункта на Сьерра-Мадре в разные РЕКО, в низины, жителям «баррио» и городов. Мы подобны людям, которые, склонившись над глубоким колодезем, бросают в него камешки и прислушиваются к отдаленному, приглушенному отзвуку их падения в воду. Но теперь к нам доходит какой-то странный отзвук, подобный тщетному крику отчаяния кого-то, тонущего в этой глубине.

Оказывается, что только часть рассылаемых нами ли-

стовок и брошюр распространяется среди населения. Во многих местах страх вытесняет бесстрашие. Повсюду рыскают вражеские агенты, уже арестовавшие некоторых наших распространителей в Маниле и других городах. В районах, где появляются наши листовки, власти прибегают к репрессиям и издеваются над населением. Напуганные участники движения в отдельных ячейках и секциях держатся в стороне. Наша литература накапливается в хижинах и домах, тлеет без пользы в тайниках.

В районах отдельных РЕКО войска ведут непрерывные операции, и нашим людям приходится часто перебираться с места на место, из одного лагеря в другой. На лагерь совершаются налеты и захватываются мимеографы.

— Вы присылаете нам слишком много, — жалуются люди. — У нас нет ни средств, ни времени, чтобы размножать эти материалы.

Или сообщают:

— Открытие наших курсов откладывается из-за происходящих операций.

А то и вовсе не поступает никаких сообщений.

Еще необычнее отзывы событий, о которых нам не приходилось до этого слышать, а именно массовая сдача врагу.

В провинции Нуэва Эсиха сдался руководитель РЕКО 1 Тагуйям. В провинциях Рисаль и Лагуна бойцы Армии национального освобождения сдаются властям вместе со своим оружием; они раскрывают местонахождение наших лагерей, после чего следуют налеты. В отдельных районах и секциях также объявляются капитулянты, которые, стремясь избежать наказания или жестокого обращения, сообщают врагу имена своих товарищей и сочувствующих; в результате производятся аресты. В наших лагерях царит тревога; каждый раз, когда кто-либо сдается врагу, приходится покидать лагерь и переходить в другое место.

Почему же все они сдаются? Да потому, что многие примкнули к движению, надеясь на скорую победу, а теперь, когда борьба затянулась, они потеряли к ней всякую охоту. Потому, что враг имеет превосходство в огневой мощи и современных видах оружия и теперь погибает больше «хуков», чем когда-либо раньше. Потому, что участились налеты и бомбежки, запасы продовольствия иссякают. Потому, что они волнуются за судьбу своих семейств в «баррио», оставшихся без кормильцев. Потому, что агенты правительства вступают в контакт с их семьями и

им сообщают, что если они вернутся, то с ними обойдутся хорошо и их вина будет предана забвению. Потому, что они нарушают дисциплину в ХМБ и сдаются врагу, чтобы избежать революционного наказания. Потому, что на всем протяжении истории филиппинского народа ему всегда приходилось испытывать гнет и лишения, и не лучше ли продолжать испытывать все это, чем умирать с голоду в чаще лесов? Причин много. Когда волна борьбы нам сопутствует, слабости отдельных лиц тонут в мощном потоке общего подъема; но когда враг силен и волна катится нам вспять, эти слабости всплывают наружу и превращают людей в хлипкие существа, ищущие спасения на открытом берегу.

— Увядающие листья падают с деревьев, — говорит Джи Уай.

В чаще лесов бушует буря и опадают листья. В лесу всегда опадают листья и взамен им вырастает новая листва. Однако в Армию национального освобождения поступает теперь меньше добровольцев, но и для них не находится оружия. Настала плохая пора.

Мы думали, что народ идет с нами в ногу, в такт стремительно щелкающему мимеографу. Мы думали, что моральное состояние и дисциплина повсюду столь же высоки, как и в нашем лагере. Мы думали, что высокие темпы, взятые нашими руководителями, определяют высокие темпы революции. Мы предавались ложным иллюзиям.

91

Лавин, один из бойцов охраны, прикомандированный к нашему бараку, сидит и чистит свою самозарядную винтовку Гаранда. Работая, он напевает себе под нос: «Анг ибон пинит...» *. Он рад своей винтовке. Натертая до блеска, она лежит на его коленях, покрытых лохмотьями.

Но, странное дело, на винтовке нет прицела.

— «Ка» Лавин, — говорю я, — почему на твоей винтовке нет прицела?

— Прицел?

Мне приходится указать на место, где должен находиться прицел.

— О, этот. Да он только мешает. Он всегда цепляется за что-нибудь.

Видимо, он не знает, как пользоваться прицельным при-

* «Птичка-малютка» — тагало́гская народная песня.

способлением винтовки. Обратив внимание на винтовки других бойцов в лагере, я заметил, что со многих из них сняты прицелы.

Люди в наших лагерях — это отборные бойцы, призванные охранять руководящие органы движения, однако многие из них не умеют как следует обращаться с оружием. Они не умеют прицеливаться или поражать цель. Во время стычки они попросту наводят свое оружие и стреляют из него. Находясь в засаде, они просто открывают огонь и бьют по врагу длинными очередями, не заботясь о меткости своей стрельбы.

Есть, конечно, немало бойцов ХМБ, которые умеют хорошо стрелять. Они научились этому еще до того, как примкнули к движению, или просто потому, что долгое время имели дело с оружием. Однако средний новобранец, крестьянин, никогда не державший до этого винтовки в руках, не получает никакой настоящей тренировки в ХМБ. Боеприпасов очень мало, и нет возможности тратить их на учебную стрельбу. Кроме того, очень мало бойцов ХМБ, достаточно подготовленных, чтобы стать инструкторами. Поэтому вновь принятые бойцы вливаются в шеренги ветеранов и стараются подражать им во всем.

Вопрос о винтовочных прицелах наводит на размышления о весьма низком техническом уровне этой народной армии. Такой уровень соответствует полупримитивным методам, при помощи которых средний крестьянин обрабатывает свой участок земли. Такое положение можно было бы, конечно, исправить, если бы налицо были опытные люди. Во всем национально-освободительном движении на Филиппинах не найдется ни одного профессионального военачальника. Ни сам Джи Уай, ни кто-либо из сотрудников его военного отдела не получили настоящего всенного образования, да и у них не было возможности изучать военное дело. Из состава полевых командований один лишь Викториа был некогда сержантом в филиппинской армии. Только несколько кадровых работников, в частности Сенте и Ледда, проходили подготовку как офицеры запаса. Хорошо известные командиры партизанских отрядов — Линда Бие, Вьернес, Малабанан, Эстрелла, Димасаланг, Бундалиан, Нельсон, Сумулонг — научились маневренности, устройству засад и внезапным нападениям на практике. Пределом знаний для них является элементарная тактика устройства засад.

Самый тяжелый вид оружия у «хуков» — автоматические винтовки Браунинга, которых сравнительно немного. В нашем лагере, играющем столь важную роль, наберется, пожалуй, не больше десяти таких винтовок. У неприятеля было захвачено несколько пулеметов, но ими не пользуются из-за отсутствия боеприпасов, и они ржавеют в горах. Ни у кого нет гранат, да и никто толком не знает, как с ними обращаться. Нет и минометов, и лишь очень немногие «хуки» видели миномет вообще; никто не знает, как они действуют; когда войска стреляют из минометов, никто не знает, из какого оружия нас обстреливают. О «базуках» мы знаем лишь понаслышке.

В отношении многих вещей наблюдается невероятное невежество. Очень мало что известно о динамите или других взрывчатых веществах, и ими не пользуются. Были сделаны попытки наладить производство взрывчатых веществ в Булакане, однако человек, проводивший опыты, был разорван на куски, и все работы были оставлены. О фугасах ничего не известно, их также не используют. Даже такие приемы, применяемые партизанами в Южном Вьетнаме, как рытье ям на дорогах, чтобы преградить врагу путь, здесь не используются. Не делалось также никаких попыток совершать экономические или военные диверсии, чтобы подорвать потенциал врага; о таких действиях никто не имеет понятия. Все дело в том, что у ХМБ нет специалистов и нет никаких органов, которые могли бы взять на себя разработку соответствующих приемов.

И тем не менее движение «хуков» не удалось подавить, несмотря на то что против него была брошена вся мощь филиппинской армии, которой оказывает крупную военную помощь страна, обладающая самой передовой техникой и величайшим изобилием оружия во всей мировой истории. Здесь подвизаются некоторые лучшие умы из американских военных академий, находя достойных себя противников в лице простых, необученных крестьян.

А что есть у «хуков»? У них есть мужество и надежда. Достаточно вооружить их идеей, чтобы они пошли на штурм ради будущего.

92

Листовки, сброшенные с самолета. Они падают, кружась в воздухе, по всему району Сьерра-Мадре.

Мы читаем одну из них, разложив ее на полу в бараке.

«Разыскиваются мертвые или живые...», — говорится в ней, и на нас смотрят наши же собственные лица, причудливо искаженные на ретушированных снимках полицейского циркуляра. «Хесус Лава — 150 тысяч песо. Луис Тарук — 100 тысяч песо. Касто Алехандрино — 50 тысяч песо». За мою голову назначена награда в 30 тысяч песо.

Разыскиваются по обвинению в «преступном» стремлении к независимости, свободе и борьбе за это. Разыскиваются по обвинению в «преступных» попытках ликвидировать колониализм. Разыскиваются по обвинению в «преступных» намерениях уничтожить систему феодального землевладения. Разыскиваются по обвинению в «гнусном» стремлении защитить человеческое достоинство.

Это новая тактика в кампании по подавлению движения. Ее цель — склонить бойцов-«хуков» выдать своих вождей, сдать и раскрыть местонахождение лагерей кадровых работников или же застрелить руководителя, чтобы получить за это награду. Ее цель также и в том, чтобы изобразить нас бандитами и внушить широким массам населения, что мы — преступники.

Раздосадованные своими тщетными попытками сокрушить нас, враги прибегают к всевозможным ухищрениям. Они обзавелись теперь сворами собак, крупных, рослых зверюг, которых приучили разрывать человека на части и которых воинские патрули используют на наших тропах. Военно-воздушные силы стали пользоваться напалмом и бомбами с вязкой огнесмесью в качестве средств устрашения. К нам поступают донесения о таких бомбежках, о пожарах, бушующих в чаще лесов.

Когда власти раскрывают теперь какой-нибудь из наших опорных пунктов в городе, они не громят его. Их агенты беспрепятственно пропускают закупленные продукты, но впрыскивают яд в консервные банки и подсыпают толченное стекло в мешки с рисом. В лагерях наши товарищи умирают в страшных мучениях.

Это беспощадная борьба, и ведется она беспощадными средствами.

93

Резкий, пронзительный свист.

Все в лагере бегут в укрытие, срывая на ходу и швыряя в бараки одежду и одеяла, вывешенные для просушки на веревках из ротанга. Ничто, отличающееся по цвету или

по форме от лесной растительности, не должно оставаться на виду.

Над деревьями пролетает самолет-разведчик.

Маленький, тихоходный самолет не спеша летает взад и вперед над нами, то поднимаясь выше, то опускаясь ниже, прорезая воздух параллельными линиями, вроде человека, пропахивающего воздушное поле. Безвредный на вид, похожий на насекомое, он представляет большую опасность как глаз врага, пытающегося проникнуть через нашу зеленую завесу. Пока он здесь, мы лежим, затаив дыхание, словно он может услышать нас.

Мы вглядываемся в самолет из-под нашей кровли. Кажется, будто он висит прямо над нами. Что же ему удастся разглядеть? Вот он уходит, а затем внезапно разворачивается и вновь кружится над нами. Наконец, звук его затихает. Самолет улетел, но что ему удалось увидеть?

Мы живем в постоянном состоянии тревоги, так как самолеты пролетают над нами непрерывно. Всех, кто нарушает правила противовоздушной безопасности в нашем лагере, сурово наказывают. В дневное время не разрешается теперь готовить пищу, так как дым может раскрыть наше местонахождение в чаще лесов. Поэтому повара встают еще до рассвета и готовят сразу и завтрак и обед. В полдень мы едим всегда все холодное, кроме тех дней, когда идет сильный дождь и запрет несколько смягчается. Ужин должен готовиться после наступления темноты. Временами, когда огонь в очагах горит в ночной темноте, неожиданно появляется самолет, совершающий ночную разведку. В бараках поднимается суматоха, и все спешат залить пламя водой или засыпать землей.

Вражеский глаз не должен ничего увидеть, а его ухо не должно ничего услышать. Утром не разрешается колоть дрова и колотить вальками белье на ручье; это делают лишь под вечер, когда вряд ли можно ожидать появления воинских патрулей на тропах. Мы превратились в притихших, говорящих шепотом существ, притаившихся в укромных уголках в чаще лесов.

Все дети эвакуируются из наших лагерей, их отправляют к друзьям, живущим в низинах, или передают крестьянским семьям. Пожилые и немощные также эвакуируются в «баррио» и продовольственные базы.

В наших бараках не устраиваются больше боковые стены, чтобы в случае внезапной опасности можно было всем быстро скрыться в лесу. Наши пожитки всегда уложены;

когда мы берем что-либо из требующихся нам вещей, мы сразу же вновь застегиваем ремни. Спим мы одетые; с тех пор как мы пришли в чащу лесов, мы ни разу не раздевались на ночь. Даже когда моемся, мы не раздеваемся до гола. Мы всегда настороже.

Мы живем в условиях постоянно угрожающей нам опасности.

94

На заре я спускаюсь по крутой тропинке, ведущей от нашего барака, к ручью, чтобы умыться, цепляясь по пути за ветки и стволы деревьев. Лес окутан мглой, в которой окружающие меня кустарники маячат будто руки утопленников. Я гляжу вверх и вижу только кровлю одного или двух бараков, словно плывущую в тумане. Во мгле возникают очертания стволов деревьев и вновь исчезают где-то вверх, уподобляясь поросли без корней и ветвям без стволов. Взад и вперед шагает часовая, и в мгlistом воздухе видно лишь, как движутся его голова, плечи и дуло винтовки. И чудится мне, что все мы словно призраки в каком-то призрачном лесу...

Под вечер мы выходим по тропе из леса к старой, заброшенной продовольственной базе. Шел дождь, но теперь он прекратился, воздух стал жемчужно-прозрачным, как бывает перед сумерками. Здесь побывал враг, он сжег все дотла, и теперь это место заросло высокой травой и лианами. В густой поросли торчат свалившиеся, обугленные кровельные столбы. Я вижу крошечные ярко-зеленые, намокшие под дождем листочки лиан на покоробившейся, почерневшей повеохности дерева. Откуда-то издали, снизу, доносится гул орудийного выстрела...

В полдень я сижу в нашем бараке и прислушиваюсь. Мои товарищи лежат, наслаждаясь полуденным отдыхом. Есть что-то необычное в этой полуденной тишине. С тех пор как наш лагерь подвергся нападению в этот час и мы бежали в чащу лесов, полдень как бы таит в себе угрозу. Лес словно замер в этот солнечный час. Ни один лист не шелохнется. Все тени застыли. Я также сижу неподвижно, прислушиваясь к тишине, ожидая, что вот-вот грянет выстрел в лесу...

В лагере на отдыхе находится отряд экономической борьбы *. Члены отряда сидят на бревенчатых скамьях у волейбольной площадки, окруженные восторженной толпой, и, сдержанно улыбаясь, рассказывают о проведенных ими недавно операциях. Униформа, в которую они одеты, — точная копия формы диверсионно-разведывательных частей филиппинской армии — представляет собой резкий контраст с одеждой обитателей лагеря.

Бойцы отряда экономической борьбы тщательно отобранные, смелые и вполне надежные люди. Это они добывают денежные средства для движения, причем делают это способами, несколько необычными в мирное, но вполне пригодными в революционное время.

Ночью или днем в городе, жители которого считают себя в безопасности, они стучатся в дверь к помещику, богатому коммерсанту или политическому деятелю, набившему себе карманы народными денежками. Естественно, что такой человек сразу же сткроет дверь военному, который... заберет у него все ценное. Или же бойцы отряда устраивают контрольный пункт на дороге и задерживают для проверки (и конфискации) автомашины зажиточных хозяев. Банки, конторы иностранных бизнесменов, правительственные склады — повсюду являются эти имеющие вполне официальный вид посетители. Порой такие отряды попадают, и бойцам приходится бежать из города, отступаясь.

Бойцы таких отрядов, одетые в штатское платье, взимают также разные сборы, особенно с принадлежащих иностранцам предприятий в районах, где действуют «хуки». Американскому владельцу лесопилки, например, предоставляется возможность вывозить лес из района Сьерра-Мадре, если он сделает пожертвования в фонд «хуков». Американец, владеющий транспортной линией в провинции, заинтересованы в том, чтобы его автобусы не обстреливались, не поджигались. Для этого он должен субсидировать революционное движение. Такова практическая деятельность, содействующая борьбе.

* Такие отряды создаются для конфискации имущества в пользу движения «хуков».

Мы всегда рады видеть прибывающий в наш лагерь отряд экономической борьбы, ибо это значит, что у нас будут средства, чтобы прокормиться в ближайший месяц или два.

Во время американской революции существовали аналогичного типа отряды, в задачу которых входила конфискация имущества тори. Они назывались комитетами общественной безопасности.

96

Маненг, низкорослый, коренастый командир отряда экономической борьбы, пребывающего в нашем лагере, сидит на бревенчатой скамье, откинув вытянутую руку на спинку. На внутренней стороне предплечья видна большая красная опухоль с багрово-красным отверстием в месте, где прошла пуля. Джесс Лава стоит над ним, зондируя рану каким-то инструментом. Солнечные блики, перемежаясь с тенью листвы, скользят по обоим и по окружающим их притихшим зрителям. Притаившаяся на дереве ящерица тянет свою монотонную песню: «туко, туко».

Никаких обезболивающих средств нет. Рука Маненга лежит неподвижно на скамейке, не вздрагивая. Он прослыл в Пампанге своим искусством захватывать без чьей-либо помощи броневые автомобили, вскакивая на подножку и стреляя в упор в находящихся там пулеметчиков. Маненг спокойно и неторопливо рассказывает, как его ранили.

Бойцы отряда экономической борьбы провели успешную операцию в городе (принесшую одиннадцать тысяч песо) и расположились на отдых на валунах у ручья, как вдруг на них неожиданно напали преследовавшие их солдаты. Во время поспешного бегства товарищ, несший деньги, был убит. Маненг, уже успевший скрыться в лесу, увидел, как он упал. Несмотря на шквальный огонь воага, он вернулся, пробежал между валунами и подобрал связку с деньгами, однако был ранен в руку. Никто из бойцов не знал, что Маненгу удалось подобрать деньги, все думали, что они остались у убитого. Именно так сообщили первые прибывшие в лагерь члены отряда. Однако Маненг явился к начальнику финансовой части и вручил ему одиннадцать тысяч песо.

Моноotonно поет ящерица. На смуглой щеке Маненга, испещренной солнечными бликами и тенью листвы, появляется капелька пота. Пальцы на руке не дрожат. Его губы расплываются в слабой улыбке, когда он говорит, что оказался неповоротливым там, среди валунов.

Зонд, наконец, извлекается из темного отверстия, на его конце торчит какой-то комок. Это пуля. По руке Маненга течет струйка крови.

После перевязки Маненг встает и уходит, застегивая на ходу рукав.

97

День за днем видишь стену, образующую лес, не различая отдельных деталей, как не замечаешь отдельных зданий на переполненной улице большого города или отдельных колонн на Парфеноне. Каждое дерево теряется в массе своих лесных собратьев.

Вот одно из деревьев, одно из многих, цепко держащееся за землю и тянущееся к солнцу в немом, отчаянном стремлении к жизни. Его корни захватили питательные вещества у других корней, оно подавляет всю другую поросль вокруг себя и в свою очередь становится добычей паразитов, которые обвивают его ствол. Выше дерево совсем теряется в гуще листвы. Крупные лианы связывают его там с собратьями, и, когда его срубают, оно не валится, а повисает, безногое и отвратительное, на своих космах.

98

Было время, когда лес был целиком нашим и мы жили в нем, как в крепости, делали вылазки, когда хотели, и сеяли панику среди врагов. Враг не посмеет заботиться сюда, твердили мы. Мы будем биться с ним на его собственной территории.

Но теперь лес — словно стена, в которой пробиты бреши, и через них правительственные войска проникают к нам, уже когда им хочется. Нет ни одного места в чаще лесов, куда они, вооруженные мощной огневой силой, не могли бы проникнуть, а нам остается лишь пересходить с места на место, отходить и искать укрытия. Обученные американцами диверсионно-разведывательные отряды появляются где-нибудь в отдаленном пункте в чаще лесов и

втихомолку пробиваются, выискивая наши лагеря. Наши отряды также бродят по лесу, разыскивая врага. Как два столкнувшихся друг с другом слепца, они завязывают отчаянную, кровавую схватку.

Мы не ищем теперь схваток с врагом и лишь изредка забираемся в какой-нибудь город или нападаем на воинские гарнизоны. Стало трудно добывать боеприпасы, не легко также заменить винтовку, что пришла в негодность или была отдана врагу сдавшимся бойцом. Засады — некогда главный источник пополнения оружия — стало теперь трудно устраивать, так как войска передвигаются по дорогам крупными, хорошо вооруженными отрядами. Конечно, есть черный рынок и контрабандисты, но цены неимоверно возросли, к тому же у нас не хватает средств.

Тропы также не принадлежат больше нам. Отряды, отправляющиеся в города за закупленными для нас припасами, часто наталкиваются на засаду врага. Некоторые уже не возвращаются в лагерь. Ни в браках, ни в клубе не видно больше столь хорошо знакомых нам лиц. Бывало, мы спрашивали возвращавшихся бойцов: «Где Педдинг?» или «Где Сорсогон?» — а они проходили мимо, отводя глаза и отвечая кратко, потому что трудно было отвечать: «Он погиб». Теперь мы просто пересчитываем их втихомолку, когда они являются, усталые, по одному или по двое. Потеря товарища не обескураживает их. Они привязывают порожные мешки и отправляются по тропе, когда наступает очередь. «В этот раз мы будем осторожнее», — говорят они.

Враг совершает непрерывные налеты вдоль опушки леса, нанося удары по нашим районным комитетам, непосредственно связанным с организациями в «баррио». Наши организаторы гибнут в замаскированных хижинах от внезапного обстрела из-за кустов. Но вот где-то в другом месте уже воздвигается новая хижина, поменьше и более искусно укрытая, и кому-нибудь поручается занять ее. Однако наши кадры обескровливаются.

В «баорио» воинские части и отряды гражданской гвардии построили постоянные казармы и все время находятся среди населения. Появилось больше осведомителей, которые чувствуют себя теперь под защитой, а «хукам» стало труднее вылавливать и истощать их. Связным приходится пробираться ползком мимо охраны, чтобы добраться до «баррио».

Кое-кто из «хуков» ожесточился против народа. Люди, говорят они, беспринципны. Когда мы находимся среди них, они относятся к нам дружелюбно; а когда враг находится среди них, то к нему они тоже относятся дружелюбно. Однако неправильно было бы идеализировать народ. Это живые люди, и они немало пострадали. Мы—в чаще лесов, где можно укрыться и бороться, а они беззащитны перед лицом угнетателей. А кто в состоянии из месяца в месяц выносить издевательства и грабежи? Они идут на уступки врагу, однако враг не в силах покорить их сердца. Они на нашей стороне и всегда будут за нас, готовые следовать за нами, когда мы сможем вести их вперед.

Но теперь, когда мы пытаемся перейти в наступление, наши товарищи гибнут десятками, а тем временем оружие и снаряжение продолжают поступать в Манилу на американских судах, и в действие вступают новые боевые батальоны врага.

Все дело в том, что мы потеряли инициативу. Мы оказались отброшенными туда, откуда начали, и полностью находимся в обороне.

99

Мы чувствуем, что оказались зажатыми в тиски. С начала нашей борьбы в 1946 году движение находилось в обороне. Борьба началась с поднятого против нас бронированного кулака, а не с нашего смелого выступления. Годами «хуки» сражались, чтобы вырваться из тисков репрессий. Некоторое время, много месяцев назад, мы полагали, что обстоятельства благоприятствуют нам, мы сами перешли в наступление, но сейчас неумолимым стечением обстоятельств вновь зажаты в тиски.

Несколько месяцев назад мы направили в Манилу новую группу кадровых работников, но почти весь состав городского комитета был арестован во время проведенной за одну ночь облавы. Комитет допустил чрезвычайную самовверенность и поспешность, пытаясь развеять работу, не приняв необходимых мер предосторожности против значительно усилившейся разведки врага. Здесь также не обошлось без предателей: женщина, которой мы доверяли и которой Магсайсай предложил деньги, навела агентов на след посетившей ее связной.

На острове Панай — одном из Висайских островов — был ликвидирован РЕКО 6 в результате предательства одного из руководящих кадровых работников — Альфредо Глориа. Он перешел на сторону врага, привел агентов военной разведки, замаскированных под «хуков», в лагерь этого РЕКО и помог застрелить своих бывших товарищей. А осведомитель из гражданского населения одного из «баррио» на острове Панай привел отряд войск в лагерь Гильермо Кападосиа. Враги застрелили его на рассвете, когда он выходил из барака. (Итак, не стало Капа, стройного, зажигающего сердца Капа).

Таковы акты предательства. Но есть и более кошмарные случаи. Например, член районного комитета, который убивает районного секретаря, обезглавливает труп и приносит окровавленную голову в мешке врагам, чтобы получить награду. Или «хук», находящийся в сторожевой засаде, который встает среди ночи и стреляет из пистолета-пулемета в двух товарищей. Он обменивает их головы на свободу и деньги.

Когда движение развивается стремительными темпами и победа кажется близкой, акты предательства встречаются редко. Они происходят тогда, когда почва под ногами трясется, возникает чувство неуверенности. Вот тогда слабые спешат примириться с теми, кто кажется сильнее.

Темпы ослабли. Борьба теперь затягивается.

В такую пору необходимо обновление, однако мы не все одинаково исполнены решимости. Мы сидим на этом острове и видим, как все новые и новые пушки поставляются тем, против кого мы боремся. Каковы бы ни были наши союзники, они не в состоянии протянуть нам руку — нас разделяет море. Море — это также тиски, которые сжимают нас в нашем одиночестве.

У нас нет здесь своего пространства. Мы живем и перемещаемся в том же пространстве, которое занимает враг. Нет места, куда можно было бы отступить, нет места, до которого нельзя было бы добраться по железной дороге, самолетом или же после нескольких дней похода по тропе; здесь нет и речи об освобожденных оазилах. А за нашей спиной неизменно одно лишь море. На этом ограниченном пространстве, перед лицом агрессивного врага, мы можем уцелеть, лишь непрерывно передвигаясь с места на место. Но вечные передвижения также таят в себе опасность. Наши вооруженные отряды находятся в непрерыв-

ных сражениях и походах, которые их совершенно изнуриют; у них нет ни времени, ни места, чтобы передохнуть и восстановить силы.

Мы глядим на карту и недоумеваем, куда же нам теперь податься.

Мы не думаем уже больше о победе. Мы думаем лишь о том, чтобы продержаться.

100

Сентябрь 1951 г.

В городах, расположенных в низинах, объявилось сразу множество вражеских агентов. Все гражданские лица должны давать отчет о своих действиях; о всех временных постояльцах в данной местности приказано сообщать властям. Никто из гражданских лиц не вправе закупать больше продуктов на рынке, чем это необходимо для пропитания семьи на неделю. Стало больше контрольных пунктов, а во всех автобусах и поездах разъезжают тайные агенты, выслеживая связей.

Мы озабочены закупками продовольствия. В нашем лагере двести человек, их снабжение представляет серьезную проблему. Когда враги ввели свою систему ограничения покупок на рынках, наша организация в городе противопоставила ей также собственную систему, обходя отдельные семейства и собирая с каждого ганту * риса с еженедельной нормы. Это некоторое подспорье, но слишком малое; наш паек риса уменьшается вдвое, и нам приходится затягивать туже пояса.

К северу, близ Санта-Мария, враг обнаруживает местонахождение наших военных курсов и находящегося по соседству лагеря полевого командования. Весь день мы слышим гул и грохот бомбежки. Несколько дней спустя к нам пробрался один из «хуков», оставшийся в живых. Его ранило, и он чуть ли не полз к нам по тропе. Курсанты были вынуждены податься на север, к Центральному Лусону, но по пути они подверглись нападениям из засад. В одну из этих стычек погиб Малабанан.

Враг решил провести какую-то крупную операцию. Кре-

* Г а н т а — филиппинская мера сыпучих тел.

ствиям запрещено появляться на полях. На грузовиках прибывают войска с переносными рациями, полевыми генераторами с ручным заводом, перевозят ящики с патронами, коробки с продовольствием. Проводятся облавы в городе, причем среди арестованных оказываются люди, находившиеся в свое время в нашем лагере и учившиеся на наших курсах. Кто знает, не раскрыто ли наше местонахождение? Во всяком случае лагерь существует здесь уже некоторое время, тропы, по которым доставляются припасы, уже основательно протоптаны. Было бы чудом, если бы войска, забравшись в чащу лесов, не набрали на них. Дважды в неделю в нашем лагере проводятся упражнения по эвакуации, объявляется условная тревога, укладываются вещи, и все выходят на тропу, а тем временем начальники охраны производят расчет времени и проверяют на месте, не оставили ли мы каких-либо доказательств нашего пребывания.

Каждый день теперь откуда-то из чащи лесов доносятся звуки орудийных выстрелов. Это стреляют воинские патрули, но лишь изредка они приходят в столкновение с нашими людьми. Они страшно боятся засад и стреляют во что попало. Обнаруживая даже покинутый барак, они открывают огонь. В чаще лесов полно покинутых бараков и расчищенных участков. А в газетах появляется сообщение: «Число опорных пунктов „хуков“ сократилось».

В середине сентября разведка советует нам эвакуировать лагерь. Мы делаем это без всякого промедления. Нелегко расстаться с «Балинтаваком», этой самой дорогой нам обителью в чаще лесов, но всякие сантименты смертельно опасны для партизан. Мы оставляем его пустовать.

Два часа бредем мы в воде вверх по реке из «Балинтавака». Над нами проносятся самолеты, сверкая серебром на солнце. Мы бежим к тому или другому берегу и становимся на колени в воде под сенью деревьев. Мы не уходим далеко. Километр в чаще лесов — достаточно глубокое эхо-лустье, чтобы укрыться. У длинной излучины реки, где с одной стороны висится крутой берег, а на другой расположена песчаная отмель, мы останавливаемся и воздвигаем хижину под укрытием деревьев. Это приятное место, здесь много солнца, и мы безмятежно отдыхаем на теплом песке, пользуясь тем, что высокий берег прикрывает оба подхода к реке. Мы называем это место «Малибу-Бич».

Проходит четверо суток. Все спокойно. Мы думаем о

том, чтобы закрепиться здесь и построить более солидные жилища. Наши припасы иссякают. Не рискнуть ли нам послать отряд за продуктами? Рано утром на пятый день отправляем группу людей.

Полчаса спустя, когда мы стираем одежду в реке, с низовьев доносятся вдруг раскатистые звуки выстрелов, столь громкие, что кажется, будто стреляют прямо за нашей речной излучиной. Когда бойцы из отряда «балутан» возвращаются, с трудом переводя дыхание, наши вещи уже уложены, и мы готовы двинуться в путь. В окрестностях лагеря «Балинтавак» они натолкнулись на отряд войск, заполнивших тропу. Застрелив одного из солдат, они скрылись, воспользовавшись возникшим переполохом.

Сразу же отдается команда к отправлению. Мы опять идем полдня в воде вверх по реке. Передвигаться трудно, река изобилует порогами — маленькими каменистыми осгровками. Войска, видимо, вызвали по радио самолеты, так как они появляются над рекой, следуя по ее течению. На реке очень опасно подвергнуться атаке с бреющего полета. В глубокой воде, по острым камням, не побежишь. Чтобы укрыться, ныряем в воду, чувствуя себя беззащитными и уязвимыми. И все же это лучше, чем оставлять следы, передвигаясь по лесу.

С нами Уолтер, хорошо знающий все места в чаще лесов. Он ведет нас через густые заросли к небольшому ручью, протекающему в укромном зеленом туннеле из деревьев. Мы проходим небольшое расстояние по этому ручью, затем поворачиваем в сторону и долго взбираемся на высокий, крутой, поросший зеленью откос. Наверху оказываемся на плоской, слегка холмистой возвышенности, по которой ниткой вьется ручей. Здесь мы располагаемся лагерем, назвав его «Тибетом».

Опять несколько дней мирной передышки. Съестные припасы на исходе; пытаемся даже есть коакмал. Экстренно посылаем на юг, в Пагсаньян (даже быстрым ходом этот путь занимает несколько дней) отряд службы снабжения, который приносит оттуда пару мешков риса. Этого достаточно, чтобы питаться дальше жидкой кашей «люгоу». На обратном пути отряд проходил мимо «Балинтавака». Войска сожгли его. Осталось теперь лишь пепелище, на котором торчат обгоревшие деревья.

Однажды вечером в «Тибете» я застаю Жи Уай в бараке, у маленького батарейного радиоприемника. Он запи-

сывает что-то строчку за строчкой в свой маленький блокнот. «Видно, какое-то важное сообщение, относящееся к нам», — думаю я. Заглядываю через его плечо на освещенную огнем страничку блокнота. Оказывается, это слова популярной современной лирической песни, которую он готовит к прогоамме следующего вечера в лагере.

Как-то тихим утром в небе раздается рев. Снова самолеты! Все спешат укрыться. Над верхушками деревьев в чаще лесов проносится звено самолетов П-51. Они улетают и вновь возвращаются. Мы уверены, что они обнаружили нас. Оглушительно ревут моторы. Один из наших товарищей инстинктивно выхватывает пистолет — пистолет против самолетов! Все, что мне приходит на ум в этот момент — это зенитки, которые были у нас во время второй мировой войны и которые мы так любили.

Самолеты исчезают, словно ныряя в чащу лесов, а затем раздается треск пулеметов. Они пикируют к руслу реки у подножия плоскогорья и летят вверх и вниз по ее течению, обстреливая из пулеметов берега, где только несколько дней назад мы лежали в укрытии. Игак, они решили, что мы находимся где-то здесь, близ реки.

Самолеты все еще продолжают пикировать над рекой, как вдруг в чаще лесов, в другом направлении от нашего лагеря, со стороны моря, раздаются сильные взрывы. Они не похожи на выстрелы из минометов. Нет, этот грохот сильнее и резче. Что это? Артиллерия? Гаубицы? Или это морские сторожевые суда ведут обстрел побережья? Никаких прямых попаданий нет, но стреляют в нас. Кто-то в штаб-квартире врага, ознакомившись с донесениями, решил, что мы должны находиться в этом районе.

Это подтверждается также донесениями разведчиков: враг распускает слух среди населения, что ему удалось окружить верховное руководство «хуков».

Без промедления созывается совещание руководящих работников, которое продолжается весь вечер и всю первую половину ночи в бараке Джесса. У нас мало керосина, поэтому лампы не зажигаются, и голоса говорящих как-то странно доносятся из темноты. Мы очутились в опасном положении. Ясно, что враг знает, кто мы, или у него есть основания догадываться об этом. Нас легко окружить здесь так, чтобы не осталось шансов вырваться из этой узкой полосы земли между озером Лагуна-де-Бай и океаном, где с востока мы зажаты морскими патрулями, на западе —

войсками, охраняющими тропы и города, к северу тянется дорога Фамн — Инфанта, а на юге текут реки, где легко заметить всех переправляющихся вброд. Здесь мы или умрем с голоду, или войска загонят нас в ловушку. Нас много, но большинство — невоенные работники. Попад в окружение, мы понесем тяжелые потери.

Единственное спасение — разбиться на отдельные группы и уйти быстро и далеко. Одна большая группа направится сразу же на север, а входящие в нее кадровые работники вольются в состав отдельных РЕКО в Центральном и Северном Лусоне. Одновременно другая группа отправится в район полуострова Биколь для укреплении состава РЕКО 5. Джесс, Джи Уай и старина Пандо возглавят остающиеся силы и останутся на различных участках района РЕКО 4. Мы стремились вначале объединить все руководящие органы в одном месте, но все это пошло теперь прахом. Нам приходится приспосабливаться к реальным фактам общего положения. Мы не в состоянии больше функционировать как организация, собирающаяся захватить вскоре власть; мы должны вести себя как организация, борющаяся за свое существование. За один вечер весь характер нашей организации круто меняется.

Решено, что я и Селия пойдем с группой, направляющейся на север, в РЕКО 1.

101

Еще год назад мы с Селией пришли бы в ужас от одной мысли о походе, к которому теперь гоговимся столь спокойно.

По расчетам, нам предстоит пробыть месяц в пути. Враг развернул операции по всему району Сьерра-Мадре, стремясь окружить нас, и следует полагать, что он будет зорко следить за всеми передвижениями. У нас почти нет продуктов, мы выступаем в поход со слабой надеждой достать кое-что в пути. У нашей охраны очень мало боеприпасов, а одежда, обувь и снаряжение изрядно износились.

Мы сидим в нашем маленьком бараке, осматривая скудные пожитки и обмениваясь время от времени нежными словами. Чтобы облегчить нашу поклажу, отбрасываем все, что после столь длительного пребывания в чаще лесов считаем ненужным. Сначала разделяемся с книгами, беря лишь по две, более тонкие, на каждый узел. Все осталь-

ные оставляем Джессу. Много времени уделяем укреплению нашей парусиновой обуви на резиновой подошве. Мы обшиваем толстыми полосками ткани швы, соединяющие подошву с носком, то есть те места, которые больше всего изнашиваются. Обувь — самое ценное имущество, а иглока — это подлинное богатство.

У нас в хозяйстве девять человек: Селня, я, Альфредо Сауло, бойцы охраны Лавия, Гинто, Малигайя и Санди, Бен, печатающий материалы на машинке, Леонора, исполняющая обязанности связной и медицинской сестры. Кроме нашего есть еще пять хозяйств. В них, как и в наше, входят штатские политические работники, четыре отряда охраны, составляющие авангард, арьергард и внутреннюю охрану. Среди кадровых работников здесь — Лунс Тарук, Рег Тарук, Дималанта, Дэвидсон, Вилли Гонзалес, Аламбре, Ривера, Маненг (командир отряда экономической борьбы). Всего нас 90 человек, включая семь женщин.

За последние несколько месяцев мы предусмотрительно запаслись «пончо» — поорезиненными войсковыми плащами, укрывающими от дождя. Каждое из хозяйств располагает по меньшей мере двумя «пончо». Скрепленные вместе и натянутые на палки, они дают кров группе из десяти человек.

К концу дня за бараком Джи Уай, где земля чисто подмечена и прикатаны бревна, служащие сиденьями, проводится «деспидида» *. И хотя враг находится недалеко и угрожает нам с воздуха, мы не в состоянии расстаться с теми, кто нам дорог, не устроив прощальный вечер. На дереве висит фонарь «летучая мышь» с остатками керосина. Он, словно уличный фонарь, освещает листву.

Причудливая, яркая картина: полоса света, прорезающая тьму в чаще лесов, черные тени от деревьев. Освещенные лица друзей, которых, быть может, мы никогда больше не увидим. Печаль в глазах людей, которые сейчас весело хохочут и поют. Девушка, что прислонилась к дереву, скрестив сзади руки и откинув голову, поет песню «Анг Бандила Пунит-пунит» («Изорванное знамя»). Молодые пары танцуют на неровном грунте в такт нашим ритмичным хлопкам и напеву. Торжественное пение национального гимна и «Интернационала», сосредоточенные исхудалые лица, поднятые кулаки. Свет ручных фонариков, при кото-

* Прощальный вечер.

ром мы возвращаемся домой, и слова прощания над ручьем в темноте.

Рано утром мы собираемся на том же месте за баракком Жи Уай со всеми пожитками. Теперь, когда ночные тени исчезли и на небе светлеют просветы, это место выглядит совершенно иначе. Печального налета таинственности больше нет. Царит атмосфера деловитой подготовки, идет проверка поклажи и оружия. Став в походную шеренгу, мы становимся бдительным войсковым отрядом, связанным дисциплиной.

В нашей группе несколько натянутое веселье, за которым скрывается печаль. Остающиеся теснятся у плотно сомкнутых звеньев шеренги. Следуют крепкие рукопожатия. Привычное рукопожатие Пандо, не раз выдавшего такие сцены человека. Пожатие и легкая китайская ухмылка Жи Уай. Рукопожатие Джесса, его улыбающиеся, в морщинках глаза, словно говорящие: скоро увидимся.

Голова колонны трогается и оттуда доносится приказ сделать перекличку. Колонна медленно выстраивается в одну шеренгу с интервалами. Мы оборачиваемся и машем руками на прощание, а в ответ нам также машут собравшиеся у барачных люди.

— Увидимся в Мунтинглупе *! — кричим мы друг другу.

В прошлом году мы говорили: «Увидимся в Малакьянге» **.

102

С самого начала у нас возникают две проблемы. Первая — продовольствие.

В городе даже нищий или голодающий в состоянии найти какие-нибудь объедки, чтобы не умереть с голоду. Всегда найдутся сердобольные люди, готовые бросить милостыню в кружку. Но мы хуже нищих, мы — те, кого преследуют.

Выступив в поход, мы послали отряд снабжения из нашей группы в Пакил — один из городов, расположенный в низине, а затем медленно следуем своим путем, дожидаясь возвращения отряда. В первую ночь останавливаемся

* Название филиппинской каторжной тюрьмы.

** Дворец президента в Маниле.

в «Малибу-Бич», который, как это ни странно, не был обнаружен войсками. Наутро двигаемся, соблюдая все предосторожности, по руслу реки, проходим мимо «Балинтавака», превращенного в груды обугленных развалин и еле видимого в отдалении. В одном месте на тропе зияет, словно беззубый рот, не обнаруженный врагом барак охраны. В чаще лесов полно невидимок.

Впечатление такое, будто мы возвращаемся в прошлое, а ветер в лесу нашептывает вслед: «Этому больше не бывать, это прошло. Этому больше не бывать, это прошло».

Поворачиваем на запад, в сторону военной тропы, пошлав далеко вперед авангард. Располагаемся на отдых у устья, которое служило нам входом в «Малинт на Бато» — лагерь совещания, бросившего вызов врагу. («Это было вчера», — словно слышим мы шепот). Кровом здесь служит навес среди буйных камышовых зарослей у ручья. Вокруг нас разливается влажный густой запах лесной растительности.

Сюда возвращается с пустыми руками отряд снабжения. Кругом вражеские кордоны. В Пакиле стоит крупный гарнизон, и люди там напуганы. Однако в соседнем городе Синилоан есть свой человек, а там, говорят, войск мало. Надежда окрыляет нас, и даже начавшийся дождь ее не гасит.

Как это ни странно, нас не одолевают мысли о голоде или о предстоящем нам походе. Мы воодушевлены мыслью, что находимся на безопасном пути, вне кордона.

Было бы слишком рискованно продолжать путь по военной тропе. Проходив полдня под непрерывным дождем, мы поворачиваем в чащу и устраиваем двухдневный привал на холмистой возвышенности, где толстые ротанговые стебли изгибаются петлями между деревьев. Отряд снабжения тем временем вновь отправляется в путь. Это мрачное место, и мы передвигаемся здесь с опаской среди похожих на кактусы растений «пандан», твердые кончики листьев которых остры как булавки. Моросит дождь, вокруг мгла, отовсюду капает. В лесу царит тишина. Все окутано привоачной дымкой. Наш паек весьма скуден, и мы пытаемся есть горькую сердцевину ротанга. От нее на зубах оскомины, а горечь так гармонирует с горечью переживаемых нами дней.

На третий день возвращаются наши товарищи. Они идут вразброд, усталые и промокшие. Мешки, что прикреп-

лены ремнями к их спинам, едва заполнены. Они подходят и безмолвно останавливаются с опущенными глазами. Только теперь мы видим, что одного из них не хватает.

Вот что они рассказывают.

Дом их знакомого в Синилоане находится на окраине города, через дорогу, близ небольшой рощи около залива. По обеим сторонам дороги лежат открытые поля. В городе расположился отряд войск, а дорога патрулируется. С наступлением ночи они пробрались ползком через поля, через дорогу, улучив момент в промежуток между появлением патрульных автомашин. Хозяин дома сначала испугался, но в конце концов согласился закупить припасы и, чтобы не вызвать подозрений, сделать две-три ездки. Наши люди не захотели пробираться несколько раз через поля и дорогу и всю ночь, весь следующий день пролежали в маленькой роще под дождем без пищи, наблюдая за снующими вблизи воинскими патрулями. Хозяин отправился поутру на рынок в своей «каретеле»*; они слышали, как он уехал и через некоторое время возвоатился с частью припасов. Они тем временем ждали. Пополудни хозяин вновь отправился и долго не появлялся. Наконец, под вечер они услышали, что «каретела» возвращается. Но в этот момент одна из машин на шоссе с ревом погналась за ней. Солдаты захватили «каретелу», стащили с нее и избили возницу, выбросили на дорогу мешки с рисом. Бойцы не могли примириться с мыслью остаться ни с чем. Они помчались в дом и захватили в спешке все, что смогли, хотя и знали, что солдаты их заметят. По ним открыли огонь, они стали отстреливаться. Солдаты поспешили укрыться, а наши товарищи пустились бежать через дорогу, через поля. Именно тогда был убит один из них.

Итак, здесь также установлен кордон, а мы идем параллельно ему. В мешках наших людей находится не больше чем по три «ганта» риса на каждое хозяйство, немного сахара и полдюжины банок «Хемо» — витаминного напитка с шоколадным порошком. Для предстоящего нам похода это чрезвычайно мизерно. Тем не менее мы трогаемся в путь. Мы не можем здесь дольше оставаться.

Лес что-то нашептывает, словно подсмеивается над нами.

* Конная повозка с верхом для защиты от солнца.

Вторая проблема — выбор пути.

Днем позже мы располагаемся пополудни в кокосовой роще на небольшой возвышенности за городом Фами, ожидая наступления ночи. Под нами, вдоль озера Лагуна-де-Бай, вьется открытая со всех сторон дорога Фами — Инфанта. Мы находимся на тропе, где войска меньше всего могут заподозрить наше присутствие, поэтому и идем на риск.

Дорога Фами — Инфанта, тянущаяся от городов, расположенных близ озера Лагуна-де-Бай, до Инфанты на тихоокеанском побережье, — единственная шоссейная дорога, пересекающая Сьерра-Мадре на 200-мильной полосе, расположенной между Маубаном и Балером. Она разрезает пополам тропы «хуков», соединяющие Северный и Южный Лусон, а поэтому усиленно патрулируется войсками; в эти дни ее охрана удвоена. Благодаря своему стратегическому положению дорога стала местом кровавых столкновений между «хуками» и войсками. В армии она известна под названием «аллен засад», так как «хуки» неоднократно истребляли здесь воинские автоколонны. Время от времени патрули перехватывают пересекающие дорогу колонны «хуков». Тогда завязываются кровавые схватки.

На этой дороге существует несколько пересечений, названных по номерам: третье, пятое, седьмое, девятое, в зависимости от расстояния в километрах от Фами. Поскольку здесь проходят «хуки», места эти охраняются войсками особенно зорко. Мы решаем поэтому пойти на дерзкий риск: пересечь дорогу на расстоянии всего одного километра от Фами, почти на виду у воинского гарнизона.

Солнце все еще палит на красном, как медь, небосклоне. Под кокосовыми пальмами жарко. Мы надеваем на плечи поклажу, и наши спины покрываются потом. В застывшем воздухе свисают побуревшие жухлые листья. А под свежими зелеными листьями гроздь кокосовых орехов. Ах, если бы мы только могли добраться до содержащейся в них прохладной жидкости! Но нам приказано лежать смирно.

Лежу и выглядываю на дорогу. Впервые за полтора года вижу вольный мир. Дорога проходит вдоль берега озера Лагуна-де-Бай, здесь нет никаких деревьев — лишь гладкая линия берега. Вдали видны ставные невода в невозму-

тимо тихой, сереющей глади воды, теряющейся в далекой дымке.

Кажется, на дороге никого нет, только старый, полуразвалившийся грузовик ползет в сторону Фами. Я ляжу как зачарованный на него, ведь я так давно их не видел. Слышу, как пыхтит двигатель, слышу каждый ход его поршней, тяжелый стон их разносится в воздухе, даже когда грузовик скрывается из виду.

Прямо вниз, у поворота дороги, стоит домик, заурядный филиппинский домик из листьев «нипа», с дынными и банановыми деревьями и примитивной бамбуковой изгородью. В домике все вымерло, хотя я пристально вглядываюсь, чтобы мельком увидеть хозяйку позади дома или ребенка, играющего во дворе. Ставни на окнах опущены, всюду немая тишина. Неужели все замерло на воле? А грузовик — это последний автомобиль в мире, следующий в свою могилу? Или же войска согнали всех в город, уничтожили все живое?

Я страшусь мысли окунуться в это открытое со всех сторон пространство. Обливаясь потом, хватаюсь за ствол и стебли, мечтаю вновь оказаться под прикрытием леса. Я находился в лесу так долго, что стал похож на дикаря, вышедшего на край царства дикой природы, очарованного видом городов и в то же время испытывающего страх перед ними.

День клонится к закату. На кокосовые рощи ложатся тени. Отдается приказ собираться в путь. С облегчением, но с пересохшим от сознания опасности горлом, встаем и разминаем затекшие ноги. Тропа ведет вниз, в сторону от дороги. С наступлением сумерек мы выходим из леса на открытую местность.

Настал час, когда солнце заходит, светло-зеленый небосвод постепенно затягивается синевой. Округлые холмы на фоне этого неба становятся темно-зелеными, а кусты и деревья вдоль полей принимают темно-оливковый оттенок и кажутся бархатистыми. Воздух прозрачен; ступаем осторожно и в полном безмолвии вдоль поросшей кустарниками полосы, словно опасаясь, что какой-нибудь звук нарушит всю эту тишину, как звон разбиваемого вдребезги тонкого стекла.

Мы пересекаем заросли травы, стараясь слиться с каждым кустиком. Наш авангард бежит впереди по перекрещивающимся гатям рисовых полей, согнувшись под тяже-

стью поклажи и взятого наизготовку оружия. Он исчезает в сумерках. Впереди дорога и, может быть, враг.

Дэвидсон, поглядывая на часы, дает нам знак следовать за ним. Стараюсь быть рядом с Селией. Пытаемся идти быстрее по гатям, но они узки и скользки, и одна нога все время оступается в грязь. Наша цепь нетерпеливо сбивается в кучу, и вот все мы уже находимся в воде, отчаянно рвемся вперед и барахтаемся в засасывающей нас грязи, доходящей до пояса.

Багрово-красные лучи заходящего солнца окрашивают воду в кровавый цвет, словно это наша кровь. Но вдруг лучи гаснут. В темноте оказываемся в бескрайней грязи и воде. Мы задыхаемся, ноги онемели от усталости; ступаем, пошатываясь, с трудом переводя дыхание.

Спотыкаюсь, падаю на какой-то вал, взбираюсь на него; это твердый грунт. Селия карабкается рядом со мной. Я не вижу ее, но чувствую, что это она.

Впереди мелькают фигуры людей, темные тени на фоне ночного мрака. Хриплый шепот: «Билис, Билис!» («Быстрее, быстрее!»). Я иду теперь по твердой поверхности и удивлен, что очутился здесь. В обоих направлениях тянется тусклая серая полоса. Это дорога. Чья-то рука грубо хватает меня за рукав и подталкивает вперед. «Билис! Билис!». Я делаю еще два шага по твердой поверхности, а затем мои ноги оказываются вновь на рыхлой земле, и я бегу во мраке ночи, подальше от дороги.

Ищу Селию. Я всегда ищу Селию. Она там. Мы бежим вместе по проезжей дорожке у края открытой местности. Под звездным небом, впереди нас, виднеются темные очертания холмов. Дорога осталась позади, но мы не чувствуем себя в безопасности. Вражеский патруль может легко обнаружить нас здесь и истребить. На нашем пути залегли в засаде товарищи, однако город находится столь близко, что подкрепления врагу могут явиться в считанные минуты. Хотя нам всем и удалось благополучно пересечь дорогу, патрулирующие ее отряды могут обнаружить наши следы.

Несколько часов мы то идем, то бежим. Наша колонна разбрелась в беспорядке, люди сбиваются в кучки или отстают далеко друг от друга. Необходимо уйти как можно дальше. Вскоре выходим на ровную местность, на тропу, выющуюся между высокими зарослями травы «когон».

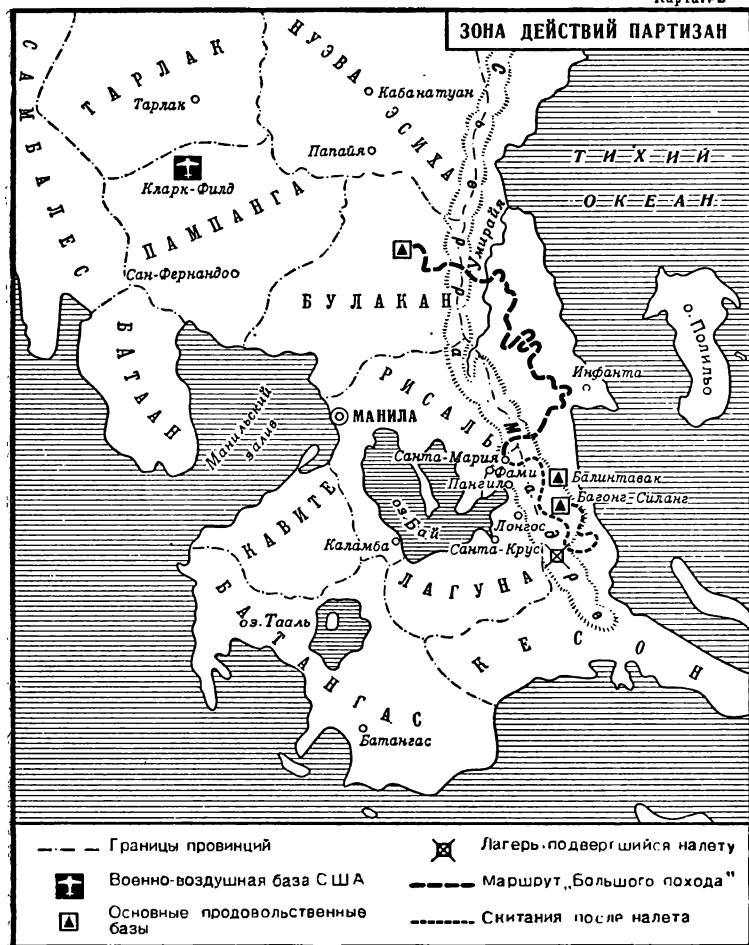
Селии попадает в глаз колючка — опасность, подстерегающая каждого в этих зарослях. Это болезненно и опасно, так как колючка может проколоть глазное яблоко. Мы останавливаемся на первом открытом участке. Селия ложится, а медицинская сестра осторожно и ловко пытается удалить колючку.

Странная и мрачная живая картина. Окутанная тайной ночь, на фоне которой выделяется лишь бледное лицо Селии, вырванное из темноты лучом ручного фонарика. Никто не говорит. В тишине наш товарищ деликатно прикасается к глазу пострадавшей, действуя кусочком ваты, надетым на соломинку. Все молчат, затаив дыхание. Наконец кусочек ваты подносится к свету: на нем виден крошечный острый обломок. Свет гаснет. Мы вновь сливаемся с мраком ночи. Слышно, как строятся в шеренгу люди и продолжают свой поход в темноте.

До полуночи мы спешим. Уже восемнадцать часов, как отряд идет по тропе. Внезапно начинается резкий подъем на небольшое плоскогорье в кокосовой роще. Светит полная луна. Серебрятся листья на высоких пальмах, их стройные стволы кажутся выточенными из металла. Решено расположиться здесь на отдых. Колонна рассеивается в высокой траве. Устанавливаются навесы из «пончо», но никто не ложится под ними. У всех приподнятое настроение. Мы взбираемся на деревья и сбрасываем орехи. Всю ночь напролет бодрствуем, пьем кокосовое молоко, имеющее характерный привкус, весело разговариваем и хохочем при свете луны.

104

В геометрии партизанской борьбы нет постоянных точек ни в пространстве, ни во времени. Человек в военной форме, вычерчивая циркулем круг на карте и говоря: «они здесь», представляет себе плоскость, на которой все располагается неподвижно и измеряется определенными величинами. Он не понимает, что чаща лесов это пространство, в котором каждая отдельная точка, где бы она ни была расположена, может быть скрыта от другой. Он не понимает, что существует такая, подлинно неизмеримая величина, как человеческая воля, которая не признает ни пространства, ни времени.



Враг провел линию в лесу, которая охватила определенное пространство, но нас не связывают никакие линии. Мы уходим все дальше от охраняемой врагом дороги, путая все его расчеты.

Занимается утро, но потускневшая луна все еще светится огромным диском на бледном небе. Мы уходим из рощи кокосовых пальм и ко времени полного рассвета оказываемся на холмистых предгорьях, заросших рыжевато-

коричневой травой «когон» и усеянных темно-зелеными кучками карликовых деревьев. Это северо-восточная оконечность озера Бай. Под нами простирается открытая низменность. Меня страшит мысль, что мы беззащитны и нас видно со всех сторон.

С вершины возвышенности вижу, как наша колонна идет, извиваясь, через доходящую до плеч траву. Тюки и ружья, торчащие за плечами, делают нас похожими на участников экспедиции, охотящихся на львов где-нибудь в степях Южной Африки. Но мы как раз те, за кем охотятся. Над нами пролетают самолеты-истребители, с ревом устремляясь к югу, в сторону кордона. Нам неистово машут, сигнализируя, чтобы мы нырнули в траву. И вот уже вся колонна словно исчезает в морской пучине, оставляя только мелкую зыбь на поверхности. А затем одна за другой из волнующейся травы вновь высываются головы.

Мы решили пробираться по тропе, ведущей в Дарайтан, которой обычно пользуются «хуки» и которая поворачивает к провинции Рисаль на запад, проходя вблизи лежащих поселений. Она ведет дальше в провинцию Булакан. В Булакане находятся наши крупные продовольственные базы, спрятанные глубоко в горах. Продвигаясь по этой тропе, мы будем посылать впереди себя в города провинции Рисаль отряды нашей службы снабжения. Располагаться на отдых сможем в продовольственных базах. Через месяц мы придем в провинцию Нуэва Эсика.

Мы забываем, однако, что тропы — это также неподвижные линии, которые можно нанести на карты и сделать видимыми для всех.

Тем временем наши продовольственные запасы иссякают. Посылаем отряд «балуган» по направлению к Санга-Марля, чтобы установить связь с ближайшим районным комитетом и воспользоваться местными опорными пунктами, а сами в это время поворачиваем на восток в безопасные места, в чащу лесов, чтобы расположиться там лагерь. Издали, с юга, доносятся звуки бомбежки. Не бомбят ли они «Тибет»? Не обнаружили ли наших товарищей? Мы испытываем смешанное чувство облегчения и тревоги.

Выше дороги течет на восток к морю какая-то большая река, проложившая себе путь в глубоком ущелье. Идти по краю ущелья опасно. Осыпаются под ногами камни, падая в пенящиеся далеко внизу воды. Тропа змейкой привела

нас вниз, к берегу, и мы располагаемся на отдых под сводчатым покровом деревьев, рядом с шумящей рекой.

Здесь стоят старые, развалившиеся, почерневшие от времени бараки. Мы больше не строим бараков. Мы устраиваем лишь навесы из двух «пончо», связанных вместе и натянутых поверх наклонной рамы из шестов, и спим здесь. Наши спальные циновки кладем на подстилку из травы или папоротника, а костер разжигаем под самым высоким краем навеса из «пончо».

В четыре часа утра просыпаюсь в глубоком мраке ночи. Горит костер. Гинто, сидя на корточках, варит рис к завтраку и обеду, когда мы будем уже на тропе. Он беззвучно шевелит губами. У него в руках отпечатанная на мимеографе брошюра, которую он усердно читает при свете костра.

Опасно задерживаться у этой реки. Опасно находиться в любом пункте, обозначенном на карте. Вскоре мы убеждаемся в этом. Наутро, после часа ходьбы вдоль берега реки, натыкаемся на следы лагеря: свежая зола и разбросанный кругом мусор, консервные банки с остатками пищи, еще не тронутыми муравьями, сломанная пряжка от ремня с эмблемой. Какой-то воинский отряд располагался здесь вчера вечером.

Это кордон, пытающийся настигнуть нас.

Высылаем вперед сильный авангард, а сами поворачиваем в сторону от реки у первого же притока и идем вверх по течению бурных, перекатывающих через камни вод.

Однако в незнакомом лесу нельзя ни в чем быть уверенным. Перевалив через какую-то вершину, мы спускаемся к другому ручью, и здесь я нахожу клочок бумаги, зажатый водоворотом между камнями. Бумага в чаще лесов? На ней что-то написано. Это рапорт пехотного дозора, находящегося в голове какой-то воинской части, капитану. Он датирован сегодняшним числом.

Сразу же подаемся глубже в лес и замираем, зажимая снеговой рубеж. Разведчик сообщает, что враги численностью в одну роту находятся в роще в пределах слышимости. Барабанит по листьям дождь. И снова выглядывает солнце, ярко сверкая на листьях. Слышны какие-то звуки. Это уходят враги. Они возвращаются обратно по своим следам вниз по течению ручья. Звуки все удаляются, потом замирают. Мы поднимаемся и уходим, ступая неслышно.

Такова необычная геометрия нашей борьбы, когда два объекта находятся в одной и той же точке, но в разных

плоскостях. Мы похожи на человека-невидимку, проходящего сквозь стену.

Однако мы не совсем невидимы, мы не вольны также в своих движениях. Отряд нашей службы снабжения возвращается с пустыми руками. Он связался с местным комитетом, который послал человека в свой опорный пункт за покупками, но безуспешно. Игак, в Санта-Мария достать ничего не удалось, но это еще не самое худшее. Враг устроил засады и блокировал тропу, ведущую в Дарайтан. Он разгадал наш маневр, опередил нас и посылает войска на все пути, по которым мы можем направиться. Куда бы мы ни пошли, повсюду кордоны.

Есть еще одно место, где можно было бы достать продовольствие. Это Инфанта на тихоокеанском побережье, по ту сторону хребта Сьерра-Мадре. Измученный отряд службы снабжения вновь отправляется в путь, а мы двое суток бесцельно блуждаем между озером Бай и морем, следуя по течению большой реки. Дорога ужасна. Целыми часами пробираемся ползком по утесам, у самого края реки, где есть лишь небольшие расщелины, за которые можно уцепиться кончиком ботинка или ногтями, в то время как тяжелые узлы тянут вниз, в водяную пучину. Часто места, по которым мы ступаем, покрыты липким илом, нанесенным с реки.

Словно в лихорадочном сне идем по этой первозданной местности — глубокие расщелины, голые утесы, где земля оползла, сбросив вниз хаотически нагромодившиеся друг на друга огромные валуны и большие деревья. Дождь все льет и льет, тучи обволакивают теснину, прижимая нас к утесам. В одном месте, где грунт осел в результате какого-то землетрясения, река разлилась на обширном пространстве, и деревья стоят здесь, в воде, с почерневшими, лишенными листвы ветками. Затопленный участок в чаще лесов! Нас охватывает какое-то пугающее ощущение непостоянства природы.

Проводник из РЕКО 4, присланный, чтобы помочь нам в наших странствованиях, ведет нас вверх к утесу, мимо высокой завесы низвергающегося с него водоспада. Там наверху покинутый лагерь, бывший когда-то штаб-квартирой РЕКО, а затем эвакуированный. Пустые бараки в безмолвном лесу. В лесу теперь полно призраков. Мы словно ощущаем их во всех уголках этих барачков — жизнь и смерть витают рядом с нами.

Сюда поступает наконец сообщение, что нашим товарищам удалось достать припасы, а это — жизнь, это — твердая опора.

105

Думагаты — своеобразное явление во времени и пространстве.

Это — аборигены, живущие в самых примитивных условиях, исконные обитатели лесов. Как это ни странно, к югу от дороги их нет, зато к северу от нее их можно найти повсюду на Сьерра-Мадре, вплоть до северной оконечности Лусона.

Думагаты — люди, образа жизни которых словно не коснулся ход времени. В низинах жизнь идет в ногу с веком: растут города. Но здесь, в гористых лесах, люди ведут кочевой образ жизни, пользуются копьями, луками и стрелами, добывают огонь трением и ходят в набедренных повязках.

И тем не менее у нас — новоявленных жителей лесов — много общего с ними. Они так же упорно держатся за свой образ жизни, за свои устои, за свое понимание свободы. Они — угнетенные, сгоняемые с низин и предгорий страдающими от нехватки земли жителями долин, за спиной которых стоят войска; все правительственные органы отказывают думагатам в защите и игнорируют их. Когда же думагаты пытаются защитить себя сами, отстаивая то, что, по их мнению, им принадлежит на деле, их преследуют в лесу, применяя против них современные виды оружия. Точно так же преследуют нас. Вот почему думагаты — это потенциальные союзники «хуков».

Однако это союзники, которым нельзя доверять. так как эти люди лишены веры или привязанностей в нашем понимании. Ведя жизнь, полную лишений, они заботятся лишь о том, чтобы выжить. Несмотря на малочисленность, думагаты жестоко враждуют между собой, непрерывно воюя из-за похищенных жен, расчищенных участков в лесу или мест, изобилующих кабанами. За фунт соли или табаку они продадут любого друга, любого союзника. Но они же могут стать и искусными проводниками для солдат в местах, где им знакомы каждое дерево и любой запах, доносимый ветром.

Вот с этими-то людьми мы должны ужиться, чтобы спастись. В первое время лагеря «хуков» не раз подвергались наездам думагатов. Это приводило «хуков» в ярость. Командир одного из полевых отрядов отдал приказ истребить всех думагатов, но нельзя истребить людей, сливающихся, подобно их «анито» *, с деревьями и камнями. Поэтому мы организовали их, насколько это возможно, обещав предоставить им землю и удобрения, школы и медицинскую помощь. Во многих районах они оказываются хорошими союзниками, и лишь когда родовые предрассудки вступают в конфликт с требованиями, которые нам предъявляет современность, — этот союз терпит крушение.

Сколь необычно в чаще лесов единение людей, принадлежащих к разным эпохам, — думагатов, ведущих первобытный образ жизни, и «хуков», борющихся за передовые идеи.

Пробираясь вдоль реки, близ Инфанта, навстречу отряду службы снабжения, встречаемся с племенем думагатов. Их, пожалуй, всего человек тридцать, смуглых, низкорослых мужчин, женщин и детей со вздутыми животами, полуодетых или совершенно обнаженных. Тела их покрыты болячками и серыми полосками от золы, в которой они спят, защищаясь от холода. На каменистом берегу реки думагаты устроили навесы — сложенные в один слой и подпираемые прутьями листья; ныряя в воду, они бьют рыбу дротиками — куском проволоки, прикрепленным к резиновому шнуру, — своего рода дань современной технике.

Мои спутники боятся, что белый цвет моей кожи может стать для нас опасным. Думагаты могут распространить слухи, что я здесь, и привлекут внимание врагов. Авангард идет поэтому вперед, берет у думагатов неотесанный челн «банка» для перевозки «больного». Пряча лицо, забираюсь в челн, вернее, валюсь в него. Меня быстро переправляют по бурной реке. Выходя из «банка», я чувствую себя на самом деле больным после такой переправы. Но обмануть думагатов не удастся: вот они уже бегут по берегу, горя желанием увидеть заболевшего белого человека.

Это дружественная нам община, ее люди в прошлом часто предупреждали наши лагеря о войсковых патрулях и

* По примитивным суеверным представлениям — духи, обитающие в деревьях и камнях.

операциях. Они сообщают нам, что тропа на Дарайтан все еще блокирована «большим множеством» войск.

С огрядом службы снабжения мы встретились на широком, похожем на морское побережье песчаном берегу с дюнами. Теперь у нас двухнедельный запас продовольствия из расчета нормального пайка. Если мы станем отсиживаться здесь и ждать, пока тропа не освободится, наши запасы могут совсем иссякнуть.

У нас старая карта. Раскладываем ее на песке. На всем пространстве к северу от Инфанты и к востоку от Сьерра-Мадре нанесено белое пятно с крупной надписью: «Неизведано».

Луис Тарук идет к вождю думагатов, величавому старцу со спиной, прямой как посох, который он носит с собой.

— Можно ли пройти отсюда на север в провинцию Булакан по восточному склону гор?

— Да! — уверяет старик.

За десять дней можно туда добраться. Через неделю мы сможем переправиться через реку Умираю и оказаться в провинции Булакан. Когда картографы написали на карте «неизведано», они не знали того, что известно думагатам. У Луиса в руках дробовое ружье, которым он хочет прельсгить старика. Может ли он дать проводников, чтобы провести нас в Булакан? Старик не смотрит больше на ружье, он уже вдоволь нагляделся не него. Да! Да!

Итак, решено.

Однако у думагатов нет правильного представления о времени или пространстве.

106

В первый день нашего похода вода в реке, над которой мы идем, весело переливается солнечными бликами. Мы перехитрили врага и идем по местности, которая вряд ли находится внутри круга, очерченного цуркулем на карте. Раскинувшаяся сводами чаща лесов гостеприимно вводит нас в свои потайные глубины.

Оба обнаженных проводника бегут впереди, неся на себе поклажу. Мы приветливо улыбаемся им. Вспоминаю старика, стоящего на камне посреди реки с дробовым ружьем, величавого, благословляющего нас поднятой рукой, словно он открыл какие-то сокровенные тайны. Мы машем ему на прощание.

Как непохожи тропы думагатов на тропы «хуков». Каждая малейшая особенность данной местности используется ими с выгодой; здесь нет ненадежных подъемов или спусков, а есть лишь удобные дорожки, которые не утомляют. То, что на наших тропах явилось бы препятствием, здесь становится удобством: какой-нибудь камень или корень превращается в удобную ступеньку. Мы идем не напрягая усилий, словно поезд, мчащийся по холмистой местности. Нам ни разу не приходится карабкаться на вершину какого-нибудь взгорья. Далеко к югу протянулись зеленые извилины Сьерра-Мадре — этот хорошо известный, отмеченный кружком на карте опорный пункт, откуда мы вырвались. Поворачивая в сторону от него, ныряем в зеленеющие неизведанные дали, и наш теперешний путь вытекает из пройденного ранее.

На сердце легко. Легковесны и наши вещевые мешки. По вечерам располагаемся на отдых близ реки, мерцают огни костров, разведенных у навесов из «пончо», окрашивая воду в ярко-красный цвет. Бодро перекликаются члены отдельных хозяйств, и мы засыпаем под шорох воды, переливающейся через камни.

Но это лишь начало. На третий день пошел дождь. Он гасит улыбки; мы уныло бредем, ссутулившись. Кажется, что вместе со скрывшимся солнцем исчезли и тропы, так как теперь приходится идти по каменистым выемкам, вымытым ручьями. Весь день взбираемся по камням, этим гладким, серым, как и нависшее над нами небо, уродам.

Некоторые начинают сомневаться в правильности избранного пути. Колонна останавливается. Луис и возглавляющий поход Дэвидсон заводят разговор с думагатами. Оба обнаженных проводника сидят с невозмутимыми лицами на корточках, опустив головы, ничего не отвечая.

Мы идем все дальше и дальше по пересеченной местности. Думагаты продолжают бежать далеко впереди нас.

На четвертый день находим поклажу, которую они несли, а потом бросили на камень у реки. Думагаты сбежали от нас.

107

Человек, заблудившийся даже в городе, испытывает волнение, потому что кругом все ему незнакомое, а следовательно, и ненадежное.

Когда мы с Селией расстались с широким, привычным для нас миром и вступили в незнакомую чащу лесов, мы не чувствовали себя брошенными на произвол судьбы, потому что были участниками великого движения, имеющего определенное направление и цель. Каждая тропа в лесу вела нас к этой цели. Только когда на тропах и путях к этой цели выросли препятствия, мы стали испытывать волнение заблудившихся людей, почувствовали, что пробираемся вслепую сквозь чащу.

Наша группа, потерявшая ориентировку в незнакомой местности, где каждый поворот реки таит неизвестность, отражает в миниатюре все трудности нашей борьбы.

В каменистом ущелье толпимся, совещаясь, вокруг брошенной думагаты поклажи. Почему же они сбежали? Кто знает? Соскучились по своим семьям, испугались духов в далеких местах, почувствовали неприязнь к нам или старик просто обманул и предал нас?

Но не слышно ни одного тревожного возгласа. Нет паники, нет испуганных глаз, нет проклятий по адресу сбежавших. Аламбре только пожимает плечами, Рег слегка качает головой, а Дэвидсон водит пальцем по лбу. Они были назначены руководителями похода, и теперь все остальные ждут их решения.

Возвращаться мы не можем. Там враг, а кто знает, не донесли ли на нас думагаты? Запаса продуктов хватит на десять дней. По словам старика, до Булакана всего десять дней пути, а до реки Умирайи — семь. Нас девяносто человек, проживших долгое время в чаще лесов. Мы пойдем на поиски Умирайи.

Сказано смело. Но что еще остается людям, запертым в чаще лесов, у которых позади известная, а впереди — неизвестная опасность?

В девственных гористых лесах реки играют роль дорог. Это единственные пути, имеющие определенное начало и конец; они начинаются у горных вершин и текут в долины. Следуя по ним вверх и вниз по течению, мы идем по горам, словно по извилинам на стиральной доске. Только горы располагаются иначе; их вершины изобилуют искривлениями, изгибами, они разбросаны в невообразимом беспорядке; то же самое относится и к рекам. Однако если бы мы свернули в непроторенную чащу, то продвигались бы крайне медленно, совершенно вслепую. Вот почему мы следуем по течению рек.

У нас нет карты. Да и никакой карты этого района вообще не существует. Нет и компаса. Облака несутся в дождливой мгле сплошной массой. Пять суток идем мы так, наугад, по течению рек. Подходя к месту, где встречаются два потока, выбираем направление как придется. Попадая в непроходимые ущелья, возвращаемся обратно.

Оказавшись в такой обстановке, устанавливаем железную дисциплину. Наш поход строго регламентируется. Ежедневно проводим от десяти до одиннадцати часов в пути. К шести часам утра, все равно льет дождь или нет, члены всех хозяйств уже в полном сборе, все уложено, навесы собраны; к этому времени все должны позавтракать и приготовить обед на дорогу. В течение дня после каждого часа похода устанавливается десятиминутный отдых, а в полдень предоставляется полчаса на обед. Места в колонне меняются ежедневно, потому что в длинной шеренге идущие впереди разрыхляют грязь на тропе, затрудняя ходьбу остальным. Запаздывающие или недисциплинированные хозяйства теряют право на лучшие места в колонне. В четыре часа пополудни авангард начинает подыскивать место для ночной стоянки; иногда его не удается найти до самых сумерек.

Но у нас есть пища, есть огонь, есть и надежда. По вечерам под навесами мы с легким сердцем беседуем друг с другом.

108

У меня «алипунга» — опасное заражение кожи.

Когда весь день ходишь по воде, на ногах образуются ссадины и трещины. С грязью легко заносится инфекция. Я вижу, как начинается это заражение — небольшие круглые пятна вокруг пальцев ног, похожие на стригущий лишай. Товарищи глядят на мои ноги, когда я снимаю носки, но ничего не говорят, а лишь отводят глаза. Мы все хорошо знаем, что это и каковы могут быть последствия.

Через сутки ступни от щиколоток до подошв сплошь покрываются болячками, кровоточат и становятся ярко-красными. Каждый шаг по воде или по камням причиняет невероятные страдания. Однако в нашем походе нельзя ни останавливаться, ни отставать. Мы идем вперед с непреклонной, изо дня в день растущей решимостью. Я спотыка-

юсь, падаю на колени, содрогаюсь от боли, но изо всех сил бодрюсь.

По ночам ступни горят и ноют. Прикосновение к ним одеяла вызывает острую боль. Лежа ночью рядом с Селией под покровом «пончо», я думаю о наступающем дне и о решении, которое придется принять. Наша колонна в составе девяноста человек не может дожидаться одного человека. Такие случаи уже бывали в прошлом, и заболевшего приходилось оставлять, чтобы он добирался дальше собственными силами.

В одну из ночей мы просыпаемся от оглушительного грома и ослепительно сверкающих молний. На нас обрушивается такой ливень, что кажется, будто с небес низверглись реки. В один миг все залило водой. На берегу реки в ярких вспышках молний и в колеблющихся лучах ручных фонариков видно, как мечутся в потоках дождя люди, срывая навесы и перенося их вместе со всеми пожитками на возвышенное место. Я в состоянии лишь ковылять на больных, воспаленных ногах, то и дело ушибаясь о камни и корни. Многие лишаются постельных принадлежностей и других пожитков. Все это уносится вспененным бурным потоком.

Наутро уровень воды в реке оказывается слишком высоким, а течение очень быстрым. Мы вынуждены поэтому пережидать. Выглядывает горячее солнце, воздух в лесу наполняется испарениями. Я лежу на берегу реки, грея ноги на солнце, смутно, но страстно возлагая на него все надежды. Как ни удивительно, мои болячки засыхают, открытые ранки затягиваются. Начинается исцеление. Крепко обшиваю богинки и вдвое уплотняю носки. На следующий день я уже могу ходить, правда, с некоторым затруднением. Дело идет на поправку.

И здесь все решил слепой случай.

Где-то над Тихим океаном начинается тайфун и проносится над бушующими океанскими волнами в сторону материка. Самолеты ищут его, и люди с точными приборами отмечают направление. Корабли спешат укрыться у берегов. По всему побережью передаются предупредительные сигналы. В Маниле люди укрывают все, что можно, от ветра

и дождя. Жители всех населенных пунктов знают, что надвигается тайфун, и готовятся к нему.

Но мы не находимся под защитой предупредительных сигналов. Тайфун настигает нас неожиданно: сначала ветер просто веет в лесу, а затем уже неистово хлещет по деревьям. Мелкий ровный дождь, шедший несколько дней подряд, усиливается, подобно тому как барабанщик переходит от легкой, похожей на журчание дробы к неистовым ударам по барабану. Ливни, подхватываемые ветром, налетают на чащу лесов, как морские волны на дамбу. С каждого склона мчатся ручьи. Разливаются реки, превращаясь в бурные потоки.

В этот день мы находимся на небольшой речке, где вода до щиколоток, дно покрыто гравием и камнями величинсой с бейсбольный мяч. В считанные минуты прозрачная вода речки становится мутной и уровень ее повышается до колен. В чащу лесов врывается ветер. По разбушевавшейся реке катятся камни, больно ударяя по ногам. Побуревшая вода доходит нам уже до пояса.

Весь день тащимся мы таким образом. Берега исчезли, вода растеклась по лесу и камышовым зарослям. Негде даже остановиться, чтобы поесть. Да и можно ли останавливаться, если мы заблудились и остались почти без пищи? Лишь под вечер взбираемся на каменистую вершину. Сооружаем навес из «пончо» и ложимся, тесно прижавшись друг к другу, на отсыревшие циновки, окуриваемые дымом от горящих сырых дров. В изнеможении засыпаем, поливаемые дождем, то и дело просыпаясь от холода, но не имея возможности даже повернуться в тесноте, чтобы не потревожить всех остальных. Наутро, погружаясь по пояс в воду, продолжаем свой путь.

Трое суток идем мы так, пробираясь по воде, пока бушует тайфун. Двигаемся до смешного медленно. В один из дней проходим не больше полукилометра, так как нам все время приходится кружить, держась около берегов и собираясь с силами, чтобы противостоять течению. А дождь все время хлещет и хлещет. Мы даже не думаем, что можем утонуть или что падающие деревья могут нас убить; одна мысль — достигнуть места назначения, пока не иссякнут припасы. Несколько дней назад наш паек был сокращен наполовину.

На варку пищи у нас уходит полночи, дрова очень сырые. До сих пор мы старались хранить в своих узлах сухую

смену одежды для сна, но теперь все промокло насквозь — узлы, спальные циновки, одеяла, одежда. Пытаемся сушить кое-что над огнем, но до утра ничего не просыхает. Поднимаясь по утрам, сбрасываем с себя влажные одеяла, надеваем холодную, мокрую, пропитанную грязью одежду и вновь идем по реке, оцепенелые, подгоняемые каким-то безотчетным чувством.

Все реки стали теперь похожи друг на друга, сливаясь в единый бурный поток, а лес превратился в сплошную массу колышащихся веток и опавших листьев. Где мы? Где Умирайя? Мы словно заблудились на необъятной поверхности земли. Заживо похоронены в нескончаемой чаще лесов. Нет места, где смерть не подстерегала бы нас.

В одно особенно ненастное утро был передан приказ оставагся на месте. Невозможно было идти по бурлящей реке. Мы оказались в беспомощном положении.

110

Ноябрь 1951 г.

Первобытный человек подвергался испытанию в таких вот необжитых местах, когда вся земля была покрыта лесами и жизнь его всецело зависела от умения трудиться. Лишь позднее жизнь человека стала определяться личными качествами и взаимоотношениями с другими людьми. Но для нас вся история рода человеческого как бы перестала существовать. Мы оказались отброшенными к началу всех начал, к борьбе за существование первобытного человека, окруженного дикой природой.

Как первобытные люди, роem мы себе убежище на берегу разлившейся реки. Сушим сырые дрова у огромного костра. Из еды осталась только жидкая каша «люгоу».

Теперь у нас есть время потолковать друг с другом. В походе невозможно говорить, а в сумерки, изможденные, мы едва обменивались несколькими словами. В теплом, покрыгом «попчо» убежище мы вновь оживаем.

Лежим, закутавшись в одеяла, и болтаем весь день, до глубокой, ветреной ночи, глядя на тлеющие, вспыхивающие и гаснущие от сырости красные угольки костра. Однажды мы проговорили весь день о разных языках и диалектах. Среди нас есть уроженцы Манилы, провинций

Нуэва Эсиха, Пампанга, Батаан, Лагуна и северной части штата Нью-Йорк, и у каждого свой диалект, интонация и даже значение многих слов. Взять, например, слово «любовь»: на тагалогском и пампанганском языках есть десятки слов для обозначения этого чувства. Сколь беден английский язык для влюбленных!

— Когда ухаживаешь, хорошо быть филиппинцем, — уверяют они меня дружно.

— Да ну, — отвечаю я. — вам нужны все эти слова, потому что пара ваших слов звучит недостаточно убедительно.

— Да кому нужны вообще все эти слова? — говорит Лавин.

Проходит двое суток. Обсуждаем наше положение, посылаем друг к другу представителей, — они с трудом пробираются по воде. Некоторые предлагают идти дальше и пробираться через горы, другие — пока оставаться, чтобы восстановить силы. Но как можно восстанавливать силы, когда почти ничего есть? Утром третьего дня из одного убежища в другое пробирается связная, почти плывя в высокой воде, и передает приказ — собираться в дорогу.

Преследуемые ветром, дождем и рекой, с трудом прокладываем себе путь вдоль берега, держась за высокий камыш, который колет пальцы. Это мучительный путь черепашьим шагом. Мы все еще видим сквозь пелену дождя покинутое нами место. Доходим до поворота. Вода здесь очень глубока, а берег высок. Чтобы найти опорный пункт на противоположной стороне, нам предстоит переправиться через реку. Переправа кажется почти невозможной. Дует сильный ветер, течение столь стремительно, что почти все время с полудня до вечера уходит на то, чтобы образовать живую цепь из наиболее крепких мужчин, которым поручается переправить всех остальных на другой берег. Когда поднимаешь ногу, то кажется, что ее притягивает какая-то невообразимая сила, чувствуешь, будто на тебя наваливается исполинский груз. Ветер визжит как безумный, пытаюсь стряхнуть нас прямо в реку. За весь день мы проходим не больше полутора ярдов.

На тот берег нам так и не удалось переправиться. Мы добрались до маленького островка. Река разделилась здесь, не затопив возвышенный участок суши, окруженный кольцом деревьев, неистово раскачивающихся на ураганном ветру. Посередине островка есть открытый участок, зарос-

ший высокой травой и расчищенный в свое время думагатами. Обессиленные, устанавливаем навесы, благодаря в душе пышную траву за глубокую и мягкую подстилку, на которую мы валяемся в изнеможении.

В траву вплелись одичавшие заросли «камоте». Они лишены клубней, но их плотные желтоватые листья съедобны. Сказывается голод. Невзирая на дождь, толпимся все на этой поляне, молчаливо и сосредоточенно срывая листья и поглядывая украдкой, сколько удалось собрать другим хозяйствам. Затем варим их в горшке, сберегая скудный запас риса, и сосредоточенно жуем плотные, волокнистые стебли.

Наутро ветер стихает, но, как это всегда бывает во время урагана, за ним следует проливной дождь, обрушивающийся на землю сплошным потоком. Мы не в состоянии покинуть наш островок. Лежим под «попчо», в запавших глазах голод, усталость, сомнения.

Кто-то вспоминает, что сегодня седьмое ноября, годовщина Русской революции. Воспоминание об этом дне взбадривает нас — революционеров. Оно напоминает нам, почему мы находимся здесь. Покрытые мокрыми лохмотьями, мы не забываем о нашей заветной мечте.

Выходим под дождем из наших убежищ и проводим на поляне летучее собрание, отмечая этот день.

На поваленное бревно взбираются ораторы — Аламбре и Луис. Им приходится кричать, чтобы заглушить вой разбушевавшейся стихии.

Мы отмечаем этот день, отдавая должное его значению для освободительной борьбы колониальных народов. Он напоминает нам, что не мы одни терпим лишения и испытываем трудности в борьбе за свободу. Русскому народу приходилось голодать и приносить жертвы, бороться с нашествием всех империалистических держав. Двадцать два года потребовалось национально-освободительному движению в Китае, чтобы добиться победы. Вспомним Великий поход китайской Красной армии*. А мы сейчас совершаем наш великий поход. Это испытание. Но это только временный, преходящий этап. Что значат эти несколько недель

* Речь идет о героическом переходе китайской Красной армии из районов Центрального Китая в северо-западные провинции (1934—1935 гг.). Поход проходил в исключительно трудных природных условиях и в непрерывной борьбе с гоминдановскими войсками. — *Прим. перев.*

лишений по сравнению со страданиями, которые нашему народу приходилось испытывать столетиями? Так докажем же миру, что у филиппинцев достаточно мужества и решимости, силы и выносливости, чтобы справиться с выпавшими на их долю испытаниями, выстоять и победить.

Мы обнажаем голсы, чтобы минутой молчания почтить память всех, кто погиб в длительной борьбе за освобождение Филиппин.

Наутоо наши товарищи срубают крупное дерево и вают его поперек реки. Мы переходим по нему над бушующими водами, взбираемся на возвышенность, спускаемся в долину и продолжаем наш поход.

Жизнь испытывает человека.

111

Река Умирайя.

Мы подходим к ней к исходу одного из дней, выбравшись из запутанной, как лабиринт, ложбины. Тускло-желтые лучи заходящего солнца пронизывают низко нависшие серые облака. Они освещают стремительно несущиеся воды и придают какой-то неестественный оттенок утопающему в зеленой листве берегу. Как вкопанные, стоим мы здесь, в этом причудливом желтовато-сером освещении, глядя на реку, которую мы так долго искали.

И какая река! Бурля и мечась, разбухшая от дождей, слишком широкая, чтобы через нее переправиться, она с ревом мчится стремительным потоком к морю.

Пораженные, идем, спотыкаясь, по берегу в спускающихся сумерках. Между камнями тут высятся жесткие заросли камыша. Здесь мы останавливаемся на отдых, вырубая при помощи «боло» камыш и располагаемся на щетиистой стерне. Дров нет, а камыш гореть не будет. Ложимся, поэтому, не поев. Ночью спускается холодный густой туман, обволакивая реку и камышовые заросли. Глухой рев реки отдается у нас в ушах.

Лежим и проклиная Умирайю — реку, которую мы так искали.

Утром все еще висит туман, скрывая противоположный берег. Собираемся, не позавтракав. Члены одного из хозяйств запаздывают, и мы стоим в холодной воде, скользя

по камням к отлого спускающейся глуби. Найти место для переправы очень трудно. Натыкаемся на отвесную каменную стену, которая помогает нам выбраться на берег. Местность здесь перерезана множеством ущелий, через которые вливаются ручьи в Умирайю. Мы идем вверх и вниз по ним, словно по каким-то адским, заросшим лианами ухабам, отесняемые все дальше и дальше от реки. Пройдя так километр, выдыхаемся. Нам приходится теперь прокладывать себе дорогу обратно к реке, выбираясь из ущелий на открытый песчаный берег.

Река образует здесь глубокий проток, изогнувшийся дугой вокруг песчаного берега. На противоположной стороне высится крутая, поднимающаяся под углом 60 градусов возвышенность, поросшая высокими деревьями. Внимательно наблюдаем за бурым, стремительным течением. Мы не можем ждать, пока спадет вода: в такое время года на это уйдет несколько недель. Место здесь относительно узкое. Так или иначе, решаем переправиться. В подобных случаях нужно лишь набраться смелости и решиться.

На противоположный берег посылается наш лучший пловец — Данте из хозяйства Луиса. Он берет с собой «боло». Селия, едва умеющая плавать, и я, плохой пловец, внимательно наблюдаем за маленькой темноволосой головой плывущего, который прокладывает себе путь к противоположному берегу. Если срубить самое высокое из растущих там деревьев, оно покроет собой лишь одну треть расстояния между берегами. Строим поэтому плот, скрепляя бревна лианами. Однако когда его спускают на воду, он еле удерживается на поверхности, а затем тонет под действием собственной тяжести.

Как же нам все-таки переправиться?

«Пончо»! Почему не попробовать «пончо»? Если завязать в него узлы с вещами, то он прекрасно поплывет. За него можно держаться, пловцы смогут подтянуть его на противоположный берег. Два человека на каждое нагруженное вещами «пончо» — один умеющий и один не умеющий плавать, один хороший и один плохой пловец.

Смело, отбросив в сторону все опасения, увязываем вещи и одежду в «пончо» и отправляемся попарно. На поверхности реки появляются «пончо», над ними покачиваются головы пловцов.

«Пончо» не хватает, их приходится поэтому сразу же разгружать. Лучшие пловцы доставляют его обратно. Пе-

реплыв реку дважды, товарищи с грузом взбираются на берег и валятся, кашляя на песок.

Мы с Селией не сможем переправиться вместе. У нас не хватит ни сил, ни сноровки, чтобы помочь друг другу. Я переправляюсь в паре с бойцом ХМБ Нардингом.

Спускаемся в реку, держась за прорезиненную оболочку. Ни о чем не думаю, гоню от себя неприятные мысли. Внезапно нас подхватывает течение и выносит на стремнину реки. Я отчаянно бьюсь, но чувствую себя беспомощным, словно в водовороте. Рядом со мною сопротивляется течению Нардинг, я вижу его обезумевшие глаза, слышу сдавленный крик, его пальцы соскальзывают, он выпускает «пончо» из рук и один направляется к берегу. Я остаюсь с облегченным «пончо», которое, кружась, быстро несется со мною на середину реки. Ноги, словно свинцом налитые, тянут меня вниз. Я наглотался бурой воды. Ничего не вижу. Но не выпускаю «пончо» из рук. Я почти уже обогнул отдаленный изгиб реки. Из всех сил подталкиваю и тяну «пончо», схватившись с враждебной рекой. Ударяюсь ногами о какие-то камни. Вылезаю, пошатываясь, на берег, и падаю в изнеможении. Мои пальцы, впившиеся в оболочку «пончо», свело судорогой.

Призрак смерти, мелькнувший в тумане над Умирайей, рассеивается. Долго лежу на берегу. Потом, собравшись с силами, отвязываю дрожащими пальцами поклажу и ползу по грязи на коленях.

Оборачиваюсь и смотрю вниз, на реку. Селия переправляется с человеком, который несколько раз уже успел переплыть реку. Внезапно у него начинаются судороги. Охваченный смертельным страхом, он замирает. Его и Селию подхватывает течение. Вижу ее широко раскрытые глаза, вскинутые вверх руки. Она тонет, а я не в состоянии даже двинуться с места. Вот он, ужас беспомощности. Разве я спасся для того, чтобы пограть ее? Кто-то — это был Луис Тарук — ныряет в воду, плывет изо всех сил и вытаскивает Селию на противоположный берег. Проходит много времени, пока я снова могу тащиться с трудом, слабость одолевает меня.

Но сейчас не время думать об этом, не время останавливаться, чтобы говорить или размышлять. Предстоит работа по разбивке лагеря. Вместе с Селией взбираемся молча на возвышенность. Под нами кружатся и качаются в воде фигуры людей, переплывающих Умирайю.

Голод!

Где-то на этом берегу Умирайи, по которому мы бредем в поисках пути на запад, наши запасы еды кончаются. В сумерки у подернутой туманом реки, чернеющей под нависшими деревьями и злоеще несущейся неведь куда в чащу лесов, мы едим последнюю горстку риса.

Мы полагаем, что, добравшись до Умирайи, почти завершим наш поход, но теперь видим, что это лишь еще одна река в необъятной, изрезанной реками глуши. Где-то на западе находится провинция Булакан, но никто не знает, где именно и сколько времени туда добираться. Глядим друг на друга и пытаемся думать о разных мелочах — как сложить «пончо» наутро или как выглядит спина товарища, идущего спереди в колонне.

Однажды утром, близ реки, неожиданно натыкаемся на расчищенный думгатами участок. Красуются во всей своей роскоши толстенные стебли «камоте», обвешанные плодами дынные деревья, широколистые «габи» * огромные гроздь бананов. Пища! Но сами думгаты сбежали. Мы видим их хижины на краю поляны, тонкие струйки дыма от очагов, но нигде ни души. Они прячутся в лесу, наблюдая за нами из-за листьев. Зовем их, никто не выходит. Оставаясь в строю, глядим на все эти яства. Мы могли бы взять все это и оставить деньги взамен. Но на что думгатам деньги? Это плоды выращенного ими урожая. Они питаются ими в тяжелые месяцы, и деньгами тут не возместить. Мы могли бы просто забрать все, пользуясь правом сильного, как как мы вооружены, но этим самым нажили бы себе врагов в чаще лесов. Товарищи, которые явились бы сюда впоследствии, могли подвергнуться нападению из засады или донос-у врагу. Поэтому мы не берем ничего, ни одного листочка. Несмотря на мучительный голод, уходим из этого места ни к чему не притронувшись.

Дисциплина!

Дни проходят как в тумане. Ежедневно встаем на рассвете, чувствуя себя несколько слабее, чем накануне, и идем до сумерек, бредя по бесконечным ложбинам. Дождь идет не переставая. Мы забыли уже, что такое сухая одеж-

* Корнеплод, произрастающий на Филиппинах.

да. Не помним также, как давно находимся в походе и какое сегодня число.

Наши помыслы устремлены к дымке, спустившейся над склоном. Подсознательно чувствуем, что там должна быть пища. Порой на нашем пути попадается «убод». Тропы устланы сваленными в беспорядке деревьями с искромсанной сердцевиной. Наша колонна начинает понемногу распадаться. Многие уходят собирать «ауай» и «алимуран», на которых гроздьями, вроде винограда, растут плоды с мягкой кожицей. Эти плоды несъедобны. Они очень кислые, от них вяжет рот и появляются судороги в желудке.

Это ужасно — сознавать, что где-то в лесу есть пища, но для нас она недосыгаема. Чтобы добыть кабана или какого-нибудь мелкого зверя, нужно охотиться день или два, а в сильный дождь это очень трудно. Да и то одного кабана хватило бы лишь на то, чтобы дать каждому по маленькому кусочку мяса, потеряв при этом драгоценное время в походе. Мы пытаемся также рыбачить в взбаламученных реках. Это совсем нелегко, к тому же горстки с трудом пойманных рыб было бы до смешного мало.

В поклаже нашего хозяйства осталась одна-единственная банка «Хемо». Непостижимо, как она могла сохраниться так долго. Во время полуденного отдыха мы усаживаемся, все девятéro, в глубокой, устланной сланцами ложбине, и Селия передает всем по очереди банку. По одной ложке без верха — словно она кормит маленьких детей; все следят за ртом, поглощающим содержимое ложки, — за ртом Гинто, ртом Лесноры, ртом Санди, за тонкой полоской губ на наших исхудалых лицах.

После этого у нас не остается уже ничего. В сумерки останавливаемся в каком-то месте, где кругом капает вода, сбрасываем поклажу, с трудом натягиваем «пончо». Валимся на землю, словно опавшие ветки, и, голодные, засыпаем.

113

Где-то на широких просторах идет борьба. Это борьба за умы, сердца и руки людей и ведется она на вспаханных полях и городских улицах, при помощи печатного слова или речей, произносимых перед толпой.

А как протекает эта борьба у нас здесь, в этом первозданном мире? Широкий размах событий, проблемы, вол-

нующие страну, движение, объединяющее массы, — все это сводится здесь к таким имеющим жизненное для нас значение действиям, как неуверенный шаг по камням или смелая переправа через небольшой ручей. Мы торжествуем, высвобождая руку, запутавшуюся в цепких лианах. Борьба за человеческое достоинство сводится здесь к тому, чтобы суметь поднять отощавшее тело с травянистого ложа, а затем вносить лечь на каменистое. Можем ли мы добиваться здесь чего-то большего? Наша жизнь сейчас замкнута границами леса.

Наша борьба — это колонна из девяноста человек, мучительно плетущаяся в дикой глуши. Каждый день вижу ее впереди себя; оборачиваясь, вижу позади. Я — неотъемлемая частица ее, передвигаюсь потому, что передвигается она. Все, что я когда-либо любил, что искал, к чему стремился, заключено в нашей колонне: весь смысл моего прошлого, будущего и оцепеневшего настоящего. В ней моя совесть и вера, моя надежда и животворная мечта.

Пока она живет и движется, я знаю, что также жив и в состоянии идти дальше.

114

В своей поступи жизнь неизменно балансирует на грани смерти. даже в городах, где никакой закон не в силах оградить людей от несчастных случаев на улицах и никакие правила не могут предупредить разрыв сердца. Все мы — пленники окружающего нас всеобъемлющего заговора смерти.

Никогда раньше я не ощущал столь сильно ничтожность человека в этом первозданном лесу. Жизнь ровно ничего не значит в его необъятном пространстве. Если бы нам суждено было свалиться здесь, то буйная лесная поросль просто закрыла бы нас навсегда.

Но мы идем, спотыкаемся, падаем, встаем и вновь идем пошатываясь, потому что не хотим примириться с мыслью о смерти. Не хотим свалиться и умереть. Разве можем мы умереть? Наше дело правое, а все, против чего мы боремся, — зло. В этом для нас моральное оправдание жизни и нескгибаемый стимул. Каждый наш шаг, каждый вдох — еще один удар против отрицания жизни, воплощенного в системе колониализма.

Чаща лесов.

Сколько времени блуждаем мы уже по необъятным зеленым просторам? Или им вовсе нет конца? Мы выбираемся из леса на гребень какой-нибудь вершины, словно выходим из моря, а позади нас перекатываются зеленые волны; затем начинаем спускаться, и лес вновь смыкает свои волны над нами.

В мрачных ложбинах, где растительность доходит до плеч и переливается как река, я порой запутываюсь в колючих лианах и не могу двигаться дальше; ощущение такое, будто засасывают тебя какие-то зеленые пловуны и ты отчаянно бьешься, чтобы вырваться оттуда.

Лес принимает теперь разные обличья, то он кажется живым, то вновь безжизненным.

Порой он, как коварное существо, пытающееся подставить подножку или преградить путь. Спотыкаясь о корень, пинаю его за такое коварство. Натыкаясь на дерево, колочу рукой по зловредному стволу. Или обрушиваю ругань на колючее ползучее растение за его подлость.

Иной раз лес кажется мне символом колониализма, и все этапы нашего похода представляются эпизодами в длительной борьбе колониальных народов за свое освобождение. С трудом пробираясь через густые заросли в ложбине, я думаю: это борьба индонезийского народа за освобождение от оков голландцев; карабкаюсь по огромным корням и камням, говорю себе — это Индия и ее народ преодолевают препятствия на пути к независимости; взбираюсь на высокий крутой склон, воображаю — это Китай, Великий поход и борьба против цепных псов империализма.

Наконец, временами лес кажется воплощением всех зловредных сил, препятствующих прогрессу цивилизации, а я — человеком, с трудом прокладывающим путь через мрачную поросль невежества, нетерпимости и непонимания к светлomu, просвещенному миру свободы и братства.

Все существование наполнилось теперь единым импульсом. Лес и борьба стали неразлучны.

Однажды пополудни на косогоре где-то к западу от реки Умирайя мы неожиданно наткнулись на одного дума-

гата, пекущего на костре связку каких-то горьких корней. Не спуская глаз с грозных ружей и исхудалых, пасупленных лиц, он согласился проводить нас в Булакан. Мы сразу воспрянули духом. Теперь у нас есть проводник, дождь и реки больше не страшны. Но думагат завел нас в какой-то темный, сырой тупик, где мрачными космами на деревьях повисли лишайники, и ночью убежал.

Уже две недели мы практически ничего не ели. До этого мы несколько месяцев вели полуголодное существование. Я очень исхудал, одежда буквально сваливается с меня. За это время я просверлил ножом пять добавочных дырок в поясе. У Селии совершенно изможденный вид, под глазами темные круги. Я не представлял себе, что человеческий организм в состоянии вынести нечто подобное.

Патти, жена Луиса, которая и в лучшие времена была худощавой, настолько исхудала, что мне кажется, возьми ее под руку, это будет просто пустой рукав. Ей поручен медицинский уход за всей группой из девяти человек. По вечерам она обходит наши убежища, заглядывает в них и спрашивает, нет ли больных. Запавшие глаза, похожая на тень фигура, — и право, кто же станет жаловаться на слабость женщине, которая едва держится на ногах?

Однѣжды утром товарищи одного из отрядов охраны заявляют, что они не в силах стоять на ногах и идти дальше. Селия, моя жена, чье лицо стало похоже на чахлый цветок на тоненьком стебле, еле волочащая ноги сама, идет к ним.

— Как вам не стыдно? — говорит она. — И вы считаете себя мужчинами? Или, может быть, вы хотите, чтобы я, женщина, понесла вас?

Они страдальчески смотрят на нее.

— «Ка» Рене, не говори так.

Собираясь с силами, они встают пошатываясь, занимают свои места в колонне, и мы идем дальше.

В этот день связную Тесси приходится нести на руках; один из мужчин отстает от колонны. Несколько человек идут на розыски и находят его мертвым — он умер от голода.

Сплошь и рядом мы засынаем на ходу, теряем ощущение движения или того, что нас окружает. В дождь мне снится, что мы набрали в ложбине на двух думагатов — мужа и жену, окружили их и потребовали проводить нас. Я так явно вижу мужчину в набедренной повязке и женщину,

завернувшуюся в какой-то кусок материи. Затем чувствую, как дождь стекает по моим ногам и слышу шум голосов. Итак, это не сон. Мы действительно встретили думагатов. Они дружелюбно настроены к нам. Им известно, где находятся наши продовольственные базы. Они проводят нас. Но нам сейчас не до милосердия или доброжелательства. Мы разлучаем мужа и жену, ставим их в разные концы колонны и грозим застрелить женщину, если ее муж вздумает обмануть нас.

Он ведет нас к широкой реке, протекающей в каньоне между крутыми склонами. Этой дорогой, говорит думагат, вы выйдете к продовольственным базам.

Это наше спасение и в то же время дорога, ведущая прямо в ад. Берега реки, протянувшиеся между высокими, крутыми склонами, оборачиваются то узкими песчаными полосами, то покатыми скользкими скалами, то каменистыми, круто вздымающимися над рекой утесами, где негде ступить ногой. Оказываясь внезапно у непроходимых мест, мы вынуждены переходить на другой берег. Двадцать раз в день нам приходится переправляться так через реку. Она глубока и стремительна. Ее воды разбиваются о камни, взметаясь фонтанами. Мы с Селией так слабы, что не в состоянии переправляться одни, поэтому нас с обеих сторон поддерживают по два товарища из отрядов охраны.

Еще целую неделю, третью неделю без пищи, идем шатаясь по этой кошмарной дороге, без конца переходя с одного берега реки на другой. Единой колонны уже нет. Мы разбрелись на отдельные группы, растянувшиеся на несколько километров вдоль каньона. Многие уже не устраивают на ночь убежищ, а валяются прямо на скользкие камни или на песчаные отмели. Печатник Бен заболел, у него высокая температура; смутно гадаю, выживет ли он, сумеет ли двинуться дальше. Однажды его уносит течением, переворачивая и качая как легкую палочку, а затем у поворота выбрасывает на берег. Мы подбираем его, он подымается безучастно глядя на нас, и идет спотыкаясь.

Во время одной из переправ выбираюсь, обессиленный, на берег на четвереньках. Позади меня переправляется Селия с одним из товарищей — Санди. Внезапно течение отрывает ее от Санди, и я вижу, как она начинает тонуть. Но я так слаб, что не могу даже двинуться с места. Слезы катятся из моих глаз. Гинто — боец охраны, член нашего хозяйства, — бросается в воду и спасает ее. Нельзя пред-

ставить себе ничего страшнее тех минут, когда жизнь Селии оказывается под угрозой, а я не могу прийти ей на помощь.

Голод — это только оцепенение, постепенное затуманивание мысли и ослабление ощущений. Никаких болей в желудке нет, лишь сильная слабость в руках и ногах, головокружение. Натываясь на препятствие, я долго не могу решить, куда поставить ногу, чтобы перешагнуть через него. Падаю и лежу. Смогрю вверх, в моих глазах движутся кругами верхушки деревьев, кружатся крутые склоны над каньоном, кружится весь мир.

Ползаем по камням в поисках улиток, присосавшихся к ним под водой, отламываем кончик раковины и высасываем из нее это плотное, тягучее, как резина, существо. Время от времени нам попадаются небольшие, с мягким панцирем крабы, величиной в 25-центовую монету. Мы разламываем панцирь и высасываем из них сок. Иногда «тамбелок» — желтоватые гусеницы, живущие в сгнивших деревьях, — жирные, извивающиеся существа, по вкусу напоминающие, пожалуй, яичницу-болтунью.

Чтобы оживить свои ощущения, я стараюсь фиксировать неустойчивое сознание на какой-нибудь яркой мысли. Такой движущей силой для меня становится чувство ненависти. Некоторые считают, что революционер должен быть объективен. А мною всегда руководило чувство любви к людям; именно любовью к людям бьется мое сердце. Но теперь, когда я судорожно прижимаюсь к стене каньона, хватаюсь за какой-нибудь камень или корень, то не чувство любви вселяет силу в мои пальцы, а ненависть — жгучая ненависть к тем жестоким и бесчувственным людям, что сеют смерть и причиняют страдания своим ближним.

Идет дождь. Всплывает золотистое солнце, но оно рассыпается серебром дождя. И так все время.

Прошло шестьдесят три дня с тех пор, как мы вышли в свой поход из «Тибета».

Наконец прибываем к излучине реки, где, ссутулясь под дождем, с винтовкой, свисающей с плеча, стоит один из наших товарищей, указывая нам путь. Машинально поворачиваем и ползем вверх. Страшная крутизна, грязь. Окровавленные руки.

Так перебираемся мы через гребень вершины, откуда видим совершенно открытый склон; к его краю лепятся бараки продовольственной базы, над ними клубится дым.

Декабрь 1951 г.

Холодный ветер обдувает барак на вершине горы. Идет дождь, холодно. Низко нависли облака, в лесу все время стоит туман, смешанный с дождем. Далеко внизу, сквозь деревья, растущие по крутому склону, видна вьющаяся лента реки. Мы не слышим ее грохота.

Какой далекой кажется отсюда происходящая борьба! Будто ее и не было вовсе. День за днем мы лежим здесь — Селия, я и три наших товарища — словно мертвые. Каждое движение требует длительного психического напряжения. Целый час нужно собираться с силами, чтобы выйти, волоча ноги, за дверь. Гляжу на себя в маленьком карманном зеркальце и прихожу в ужас: мое лицо стало похоже на обрез монеты в десять центов. Пытаемся с Селией сыграть в шахматы, но вынуждены бросить, так как не в состоянии обдумывать ходы. По ночам недвижно лежим рядом, все страсти в нас угасли.

Все остальные переселились в низину, чтобы подкормиться в «баррио». Но я не могу этого сделать. Лицо с европейскими чертами сразу же бросится в глаза, пойдут слухи. В «баррио» трудно избежать любопытствующих взоров. Мы остаемся поэтому здесь и набираемся сил. Наша еда состоит преимущественно из корней и листьев «камоте».

В один из дней спускаюсь по тропинке к ручью, протекающему под нашим бараклом. Светит солнце, и земля несколько просохла. Я иду медленно, держась за деревья и останавливаясь через каждые несколько шагов, чтобы передохнуть. Долго сижу у ручья, пристально глядя на воду. Что-то оттаивает в моей душе. Я вновь ощущаю красоту окружающего. Жизнь вернулась ко мне.

Январь 1952 г.

В середине января 1952 года мы переваливаем через вздыбленные горы, к востоку от Сибуль Спрингс, и спускаемся в провинцию Нуэва Эсиха. Прошло уже три месяца, как мы ушли из провинции Лагуна и голодного «Тибета».

Время несется, как разлившийся горный поток, а мы бредем по его течению.

В эту пору здесь, у стремительного ручья, нас должны были встретить товарищи из РЕКО. Натыкаемся на два заброшенных, полуразвалившихся барака. Ни одной живой души. Теперь так бывает часто: сначала планы, обещания, а затем безмолвная тишина, без вести пропавшие люди, несостоявшиеся встречи. Забираемся в бараки и ждем.

Проходят дни, но никто не является. Наш небольшой запас продуктов иссякает, риса больше нет, и мы вновь начинаем питаться «убодом».

Еще в декабре, будучи в Булакане, мы узнали о полной неудаче, постигшей наш курс на бойкот ноябрьских выборов. Даже в тех «баррио», где люди были готовы следовать этому курсу, их насильно сажали в армейские грузовики и доставляли к урнам, заставляя регистрироваться и голосовать.

Меня преследуют мысли о нашем одиночестве. Уже несколько месяцев как мы, принимающие участие в борьбе не на жизнь, а на смерть, ничего не сделали для нее, если не считать отчаянных попыток выжить. Я жажду возможности вновь трудиться, посвятить себя полезной деятельности, чему угодно, только не ждать здесь, в безмолвной чаще леса, как ждут своего неотвратимого увядания деревья.

Не желая сидеть сложа руки, ловлю в ручье крошечных крабов, чтобы полакомиться. У меня сохранился кусок старой свиной кожи, который я привязываю к веревке и бросаю в воду. Целая стая крабов набрасывается на нее, а я вытаскиваю их, жадно впившихся в наживку. За какой-нибудь час они ободрали бы, пожалуй, всю кожу с человека своими крошечными клешнями. Засовываю пальцы в выемки в камнях под водой и вытаскиваю их оттуда, отчаянно кусающихся. Каждое пойманное маленькое существо вселяет в меня чувство торжества. Так истосковались мы по победам...

Стою на часах у большого камня ниже по течению с карабином Гинто в руке. Наша маленькая группа состоит всего из шести человек, а ручей — прямая дорога для патрулей врага. По очереди стоим поэтому на часах, чтобы избежать опасности неожиданного нападения. До этого в лесу мне еще никогда не приходилось иметь дело с огне-

стрельным оружием, но теперь в нашей жизни настала мрачная пора.

Ветка дерева сгибается аркой надо мной. Листья бросает узорчатую тень. Я погружен в глубокую тишину, ничто не шелохнется во всей чаще. Все словно замерло. Быть может, мы — единственные оставшиеся в живых участники движения, прячущиеся здесь за последними утесами, в последних, тронутых гниением, бараках? Неужели это конец, и наши ослабевшие руки в последний раз сжимают ружье в безнадежной теперь уже попытке оказать сопротивление?

Но вот шелохнулся лист, потом другой. Слежу за колышущимися листьями. Лес жив! Живо и движение. Зачем думать о смерти? Движение — само по себе жизнь, борющаяся против смерти. Я знаю, что мы должны выстоять, вынести все испытания, даже если остались только мы одни, потому что этим самым жизнь, воплощаемая в нас, передается в руки других. Они придут нам на смену, подобно тому как опавший лист вытесняется отростком нового, так же как лес противостоит гниению...

Однажды к Селии в барак, где мы лежим, набираясь сил, заходит Гинто. Он садится около нее и, опустив глаза, тихо шепчет что-то старосте своего барака. Он просит у нее разрешения ухаживать за Леонорой...

После долгого ожидания с расположенной позади нас возвышенности спускается связная. Она сообщает, что у реки Сумукбао, протекающей в долине за соседней вершиной, нас ждут припасы и один из лагерей РЕКО.

Итак, мы приходим, наконец, к месту нашего назначения, где нас ждет жизнь.

119

Февраль — март 1952 г.

Однако, завершив поход, мы попадаем в обстановку, отнюдь не надежную или устойчивую. Кадры РЕКО рассеяны и истерзаны непрерывными воинскими операциями. Медленно, с трудом, постоянно перебираясь с места на место, мы устанавливаем с ними связь и созываем всех на совещание. Лишь к концу марта нам удастся собраться, опираясь на малонадежную линию снабжения, ведущую в де-

ревни муниципального округа Папайя. Мы располагаемся лагерем у самой вершины высокой крутой горы.

Многие участники совещания мрачны и подавлены. Мы заслушиваем их сообщения. Все труднее становится поддерживать связь с населением. Многие «баррио» полностью эвакуированы. Жители переселены в города, где стоят гарнизоны. Для работы на полях людей отправляют под конвоем гражданской гвардии или воинских отрядов.

Провинция Нуэва Эсиха разделена теперь на всеенные зоны, а гарнизоны в ней расположены таким образом, что подкрепления могут быть присланы в любой пункт всего за полчаса. На всех шоссейных дорогах установлены патрули и контрольные посты. Все луга, заросшие высокой травой «талахиб», в которой партизанам так хорошо укрываться, сожжены. Освободившиеся обширные площади укатаны бульдозерами, а грунт на них заглажен, чтобы сделать все следы ног заметными. На всех важнейших пунктах на равнине воздвигнуты наблюдательные вышки с пулеметами и прожекторами, освещающими тропы, «Хукам» приходится пересекать все дороги в низинах по ночам, быстро перебегая в темные промежутки между очередными снопами лучей вращающегося прожектора.

Масса трудностей. Деморализация в лагерях. Неожиданные налеты. Капитулянты. Осведомители. В одном из укрытий на западе провинции Пангасинан лежит неиспользованный мимеограф, а тем временем листовки, обращенные к населению, приходится писать просто от руки. Недостаток продовольствия. Нехватка бумаги. Отсутствие оружия и боеприпасов. Упадок дисциплины.

Таковы проблемы. Затем останавливаемся на положительных моментах в сообщениях. Народ не дает себя запугать.

— Будь у нас оружие, мы могли бы вербовать по тысяче человек в неделю, — говорят жители Нуэва Эсиха. — У нас сохранилось хорошее ядро кадров. Все, что нам нужно, это — организация и реальность намечаемых задач.

Ставим совещание перед перспективой затяжной борьбы, которую предстоит вести неопределенное время. Нужно распрощаться с мыслью о возможности быстрой победы, о захвате городов, о создании временного правительства. Мы должны сосредоточить свои усилия на повседневных, небольших, но достижимых задачах, осуществление которых

поднимет наше моральное состояние, вселит больше уверенности и убедит народ, что мы целы и невредимы и продолжаем действовать. Мы организуем политические и военные курсы. Реорганизуем РЕКО.

Нам придется, пожалуй, потуже затянуть пояса и маневрировать, но через год мы снова станем на ноги.

В самый разгар совещания появляются самолеты — эскадрилья истребителей. Со свистом они проносятся так низко над горой и так внезапно, что кажется, будто они охотятся за нами. Мы разбегаемся из барака, где происходит совещание, по склону в поисках укрытия за камнями и деревьями. Вскоре, однако, выясняется, что самолеты сбрасывают бомбы на цели, расположенные в находящейся под нами долине, используя нашу вершину для ориентировки. Они бьют по одному из недавно покинутых лагерей. Возвращаемся в барак и продолжаем совещание, прерываясь, лишь когда шум сверху заглушает голоса.

Ночью до нас доносится рокот грузовиков. У подножия этого участка гор передвигаются войска, доставляется снаряжение, создаются командные посты. Это начало операции — наше местопребывание обнаружено.

Утром возвращается отряд «балутан» с пустыми мешками. В «баррио» полно войск, связанные с нами люди арестованы. Положение с продовольствием критическое. Решаем прервать совещание, покинуть лагерь и рассредоточить наши кадры. Все очень подавлены.

Наша группа должна уйти последней. Мы останемся в районе вражеских операций, маневрируя и уклоняясь от встречи с врагом. Все другие бараки уже опустели, их обитатели ушли. Вновь наступило лето, и солнечный свет мягко струится сквозь листву деревьев. Тишина. Начался еще один цикл в жизни леса. Сидим на бревне близ барака. Может быть, мы навеки заточены в лесной глуши?

120

Апрель 1952 г.

Один из дней в апреле 1952 года.

Составляем донесения, чтобы отправить их через связную. Завтра мы должны уйти. Седия сидит на полу, поджав ноги и, наклонившись, пишет. Я печатаю на машинке, установленной на подстилке из скрепленных лианами

прутьев. Гинто колет дрова. Над погасшим очагом висит горшок с нашим обедом — по кружке рисовой каши, смешанной с «убодом» и сваренной еще до рассвета.

В лесу стрекочут цикады. Мерно журчит ручей в ложбине.

И вдруг частые выстрелы! На одно мгновение мы остолбеневаем. Затем вскакиваем и босиком мчимся к краю спуска, ведущего от барака. Враг проник на вершину горы и спустился оттуда, позади нас, прямо в центр лагеря. Он ведет огонь из пустых бараков. Звуки выстрелов оглушают. Летят комья земли, над головой проносятся куски веток и коры.

Шальная пуля царапнула мне лодыжку. Стремглав мчусь с крутого склона, но оступаюсь. Падаю головой вперед и кувыркаюсь какие-нибудь сто ярдов через кустарники и мелкие деревья. Очки мои разбились. Я лежу в полубессознательном состоянии за большим деревом. Пули вливаются в него.

Смутно чувствую, что Селия также здесь. Она припала к земле рядом со мной, ее лицо почти касается моего. У нее порезана губа, сочится кровь. Единственное, что запечатлевается в моем мозгу в этот момент смятения, — кровь на губе моей жены.

— Я ничего не вижу! — кричу я ей, стараясь перекрыть шум стрельбы. — Я не могу идти дальше!

Глядим друг на друга взором, полным любви, жалости и ужаса.

— Я вынуждена оставить тебя! — говорит она в слезах. — Нельзя больше терять время на разговоры.

И я не пытаюсь останавливать ее. Я понимаю ее. Мыжимаем друг другу руки, а затем она уходит. Моя жена.

Моя жена храбрее и решительнее меня, она настоящая филиппинка, борющаяся за свою страну.

Стрельба наверху стихает, слышу голоса, требующие, чтобы я вышел из укрытия. Не знаю, что произойдет, но все же выхожу из-за дерева. Это мое последнее дерево в лесу.

Стрельба прекратилась. Встаю вверх с трудом, ожидая, что вот-вот в меня вонзится пуля. Впервые за эти два года вижу тех, против кого мы боремся. Странная борьба вслепую в чаще лесов.

Подобно «хукам», солдаты также одеты как попало. Они разъярены и взволнованы, на лицах затаенный испуг, свой-

ственный людям в бою и скрываемый за криками и жестикацией. У края склона меня втаскивают наверх, а затем сбивают с ног, поднимают и вновь кидают наземь. Один из солдат с безумными глазами целится в меня из винтовки. Какой-то сержант отталкивает его, и пуля пролетает мимо. Я не знаю, благодарить ли судьбу за это или нет.

По склону бежит сюда лейтенант. Он поражен, увидев американца. Я называю себя, а он вскрикивает, ликуя. Лейтенант оттесняет от меня солдат, заботливо усаживает на бревно. Он страшно рад. Благодаря мне он получит повышение.

Видимо, я еще не совсем оправился от потрясения, однако ясно отдаю себе отчет в том, что происходит вокруг меня. Стрельба прекратилась. Солдаты несколько утихомирились. Они роются в наших пожитках, вытаскивая все, что представляет ценность. Рядом на земле лежат две мертвые молодые женщины. Одна из них связанная. Другая — Патти, жена Луиса Тарука, оставленная на нашем попечении. Меня спрашивают: «Кто это?».

— Не знаю, — говорю я.

Лучше, чтобы они остались теперь неопознанными, подобно всем мертвым деревьям в лесу, где начало и конец сливаются в одно нераздельное целое.

121

Командный пункт внизу, у подножия горы. Мы прибываем туда в сумерках после двухдневного похода по горным тропам. Солдаты подходят и с интересом разглядывают меня. Странно, большинство из них относятся ко мне дружелюбно и любезно, как офицеры, так и рядовые. Не потому ли, что я американец, или, быть может, из-за уважения к тем, против кого они борются? Как-то странно, что можно находить приятными тех, против кого воюешь.

Один из офицеров сообщает мне, что схвачена Селия. Она натолкнулась на один из армейских отрядов у реки, довольно далеко от нашего лагеря. Она цела и невредима. Даже в плену мы оказываемся вместе. Не знаю, радоваться ли мне за нас обоих или же горевать. Отворачиваю лицо, чтобы ничего нельзя было на нем прочесть.

Вынырнув из-за деревьев, джип катится по предгорьям, заросшим травой «когон», и вскоре выскакивает на обширную, залитую солнцем равнину. Смотрю на открытый простор, где горизонт теорется в знойном мажоре. С непривычки болят глаза. Джип ровно катится по привольной открытой земле.

Рядом со мной сидят капитан и двое солдат с автоматами. Я без наручников, моя рука привязана к руке капитана медицинским бинтом. За нами и впереди нас едут грузовики с вооруженными солдатами. В свободном мире для меня нет свободы.

Целых два года я не видел городов. Сегодня воскресенье — пасхальное воскресенье. Празднично одетые, чинно и неторопливо идут по немощеным улицам люди, направляясь в стаинные церкви, или же стоят у бамбуковых изгородей, непринужденно болтая друг с другом. Они не обращают внимания на мчащиеся мимо их домов машины с солдатами. Кто может сказать, что здесь в окрестностях велась ожесточенная борьба? В этих самых домах живут семьи, потерявшие в этой борьбе родных. Никто не взглянет на меня, соратника погибших. Жизнь людей вновь вошла в свое непреложное русло. Страна столько раз захлестывалась волнами завоеваний, что их чувства притупились. Я думаю о том, что люди привыкают даже к трагедиям.

Мы проезжаем мимо высохших, побуревших рисовых полей, мимо деоевень. Крестьяне сидят в тени домов, мечтая о дожде. Слева, над полями и бамбуковыми рощами, за равнинами Булакана, громоздятся склоны Сьерра-Мадре. Я вижу отсюда желтовато-зеленую листву и высокие кроны отдельных деревьев.

Там лес — неизменный, непобежденный, застывший в ожидании.

ЭПИЛОГ

Февраль 1963 г.

Открытый мир.

Я иду по одной из улиц в Нью-Йорке, и хотя здания заслоняют горизонт, как стволы гигантских деоевьев, все кругом открыто. С любого места отсюда можно беспрепят-

ственно умчаться к открытым просторам рек, морей или суши. В этом большом городе я могу уходить и приходить куда и когда мне заблагорассудится.

Прошло одиннадцать лет с тех пор, как нас с Селией вывезли из чащи леса. Десять из них мы провели в одной из филиппинских тюрем, а ведь всякий, переступающий порог тюрьмы, должен проститься с открытым миром. Теперь мы свободны, по крайней мере освобождены из заключения. Однако я не чувствую себя свободным.

Казалось бы, все должно быть мне привычно в этом издавна знакомом мире. На самом деле здесь все чуждо; сквозь призму этого мира мне видится другой, о котором никто здесь не имеет понятия. Ветер, дыхание которого я ощущаю на нью-йоркских улицах, словно бушует в это время в каньоне на Сьерра-Мадре и я несусь, обвеваемый им, по рекам. Во всех витринах огромных магазинов самообслуживания мне видятся исхудалые лица филиппинских крестьян, голодающие в тоушобах Тондо, запавшие глаза «хуков», предпочитавших умирать с голоду в горах, чем сдаваться. Хожу по нью-йоркским улицам среди несметного, открытого взору богатства, и все это словно рассыпается в прах в моих глазах, подобно засохшим медовым сотам. В моем представлении маячат лишь деревенские хижины из пальмовых листьев, простые дровяные печи, вода, которую тащишь в бидоне из ручья, незатейливая одежда, прикрывающая голое тело. Когда я просыпаюсь среди ночи, моя темная спальня принимает очертания камеры в филиппинской тюрьме, а шипение пара в радиаторе кажется мне тяжелыми вздохами в тюремном коридоре.

Я здесь и не здесь, так как отныне и навсегда я считаю своим отечеством две страны. В чаще лесов в десяти тысячах миль отсюда до сих пор действуют «хуки» (я душой с ними), и борьба в Филиппинах продолжается. Она идет уже семнадцать лет, а включая партизанскую войну против японцев — двадцать один год. Она стала самой длительной вооруженной борьбой за освобождение, ведущейся в мире в наше время. Но ее значение заключается не в этом. Оно определяется продолжающимися страданиями филиппинского народа и непреклонной решимостью его борцов добиться окончательной победы народа. Каждый раз, когда кто-либо гибнет в этой борьбе, мое сердце обливается кровью.

Говорят, этот эпилог должен связать воедино нити происшедших ранее событий. Но как связать концы нитей не закончившейся еще борьбе? Единственные нити, концы которых можно завязать навсегда, — оборвавшиеся жизни погибших, хотя память о них живет. Погиб Бакал (Мариано Бальгос), убитый в районе полуострова Биколь, погибли вместе с ним Бундалиан, Крус, Роми и многие другие. Погиб и Пандо (Матео дель Кастильо), убитый в горах провинции Лагуна вместе со своими сыновьями Амандо (Алунан) и Беном. Пали также Кападосия, Димасаланг, Рамсон, Баса, Сагаса, Ледда, Вьернес, Уолтер, Маненг, Дималанта. Десять тысяч человек погибло.

Джи Уай находится в руках врага, как и Аламбре, Сен-те, Линда Бие, Фред Лаан, Рег и десятки других, о которых я упоминал в своем повествовании, и какие нити событий в их жизни можно связать, кроме опутывающих их тюремных уз? Этими узами связан и Луис Тарук, который сдался в 1954 году, а в тюрьме отвернулся от товарищей, и это также нить, еще не имеющая конца.

Как можно связать воедино нити, тянущиеся от тех, кто в филиппинской тюрьме еще с 1950 года. Это Хосе Лава, Федерико Маклан, Рамон Эспириту, Федерико Баутиста, Анхель Бакинг, Симеон Родригес и многие другие. Когда же находящиеся на воле свободные люди разорвут эти узы и высвободят их?

На свободе, вне досягаемости тюремных решеток, остаются до сих пор лишь Хесус Лава и горстка других кадровых работников, продолжающих руководить Армией национального освобождения и действовать с целеустремленностью и решимостью, которых народ требует от своих руководителей. В рядах этой армии теперь много новых бойцов, много новых обитателей в чаще лесов, пришедших на смену павшим и томящимся в заключении; борьбу продолжает уже новое поколение.

Это живая нить и пусть приведет она Филиппины к новой жизни!

Наконец, есть еще нить, которая затрагивает меня лично.

Десять лет мы просидели с Селией в отдельных тюремных камерах, приговоренные к пожизненному заключению за мятеж («усугубленный убийствами, грабежом, поджогами и похищением людей»). Здесь не место описывать все пережитое за эти годы — пять лет одиночного заключения,

неустанный давление и попытки психологической обработки, отказ в правах, которые предоставляются даже рядовым уголовным преступникам. В декабре 1961 года мы с Селией были амнистированы в результате кампании, которая проводилась в нашу защиту в общемировом масштабе. Это была победа, одержанная вольным миром. Но это не конец нити. В то время как я хожу по улицам Нью-Йорка, Селия находится в Маниле, так как мы разлучены в соответствии с американскими законами, запрещающими ей въезд в США (свободный мир!), и в результате законов, препятствующих моему возвращению на Филиппины. Нет, пока еще нельзя связать концы этой нити.

Но это эпопея, довести до достойного конца которую могут помочь все люди. Свобода — проблема, волнующая весь мир. Я вручаю поэтому все эти нити американцам и народам всех других стран.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
В чаще лесов	15

Уильям Дж. Помрой

В ЧАЩЕ ЛЕСОВ

*Утверждено к печати Секцией восточной литературы РИСО
Академии наук СССР*

Редактор *И. Г. Швецова*

Художник *Н. И. Гришин*

Художественный редактор *И. Р. Бескин*

Технический редактор *Е. С. Потапенкова*

Корректор *Г. В. Афонина и Н. П. Губина*

Сдано в набор 30/ХІІ 1965 г. Подписано к печати 19/Х 1965 г.
Формат 84×108¹/₃₂. Печ. л. 7,5. Усл. п. л. 12,6. Уч.-изд. л. 12,19.
Тираж 8000 экз. Изд. № 1519. Зак. № 1339.
Индекс $\frac{7-3-4}{1787-65}$. Цена 61 коп.

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2

3-я типография издательства «Наука». Москва К-45. Б. Кисельный пер., 4

**ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ИЗДАТЕЛЬСТВА «НАУКА»**

Серия «Путешествия по странам Востока»

ВЫШЛИ В СВЕТ:

Бенюх Олесь и Сингх Даршан. Взломщики сердец. 9 л.

Корабевич В. У народов Восточной Африки. Перевод с польского. 15 л.

Навлицкая Г. Б. По Японии. 10 л.

Эллинггер Т. Солнце заходит... Перевод с датского. 10 л.

ВЫХОДЯТ ИЗ ПЕЧАТИ:

Даниельссон Б. Позабытые острова. Перевод со шведского. 10 л.

Маршалл А. Мы такие же люди. Перевод с английского. 14 л.

Островский В. Вести добрые. 10 л.

Шеер М. Путешествие в арабские страны. (По Нилу и Иордану). Перевод с немецкого. 18 л.

Заказы на книги направлять по адресу:

Москва. Б. Черкасский пер., 2/10,

контора „Академкнига“

Цена 61 коп.